

ISSN 2073-6606
e-ISSN 2410-4531

TERRA ECONOMICUS

24
ТОМ

2026

3
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958

До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета

Учредитель: Южный федеральный университет

Редакционная коллегия

Главный редактор

Вольчик В.В., доктор экономических наук, Южный федеральный университет, Россия
volchik@sfedu.ru

Заместитель главного редактора

Кирдина-Чэндлер С.Г., кандидат экономических наук, доктор социологических наук,
Институт экономики РАН, Россия
kirdina777@gmail.com

Балацкий Е.В., доктор экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия

Боровская М.А., доктор экономических наук, Южный федеральный университет, Россия

Курбатова М.В., доктор экономических наук, Сибирский федеральный университет, Россия

Курышева А.А., выпускающий редактор, кандидат экономических наук, Южный федеральный университет, Россия

Латов Ю.В., кандидат экономических наук, доктор социологических наук, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

Малкина М.Ю., доктор экономических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

Мальцев А.А., доктор экономических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

О'Хара Ф., доктор наук, Исследовательская группа по глобальной политической экономике (GPERU), Австралия

Расков Д.Е., кандидат экономических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Стриелковски В., технический редактор, PhD, Пражская бизнес-школа, Чехия

Фугуо Цао, Центральный финансово-экономический университет, Китайская Народная Республика

Ханин Г.И., доктор экономических наук, Сибирский институт управления – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия

Хасс Дж., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; Университет Ричмонда, США

Шевченко И.К., доктор экономических наук, Южный федеральный университет, Россия

Элман М.Дж., PhD, Амстердамский университет, Нидерланды

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/
e-mail: te@sfedu.ru

TERRA ECONOMICUS

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

**Founded: 2003
Quarterly Journal
Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958**

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vyacheslav Volchik, *Southern Federal University, Russia*
volchik@sfedu.ru

Deputy Editor

Svetlana Kirdina-Chandler, *Institute of Economics RAS, Russia*
kirdina777@gmail.com

Evgeny Balatsky, *Financial University, Russia*
Marina Borovskaya, *Southern Federal University, Russia*
Fuguo Cao, *Central University of Finance and Economics, China*
Michael Ellman, *Amsterdam University, Netherlands*
Jeffrey Hass, *Saint Petersburg State University, Russia; University of Richmond, U.S.*
Grigoriy Khanin, *Siberian Institute of Management RANEP, Russia*
Margarita Kurbatova, *Siberian Federal University, Russia*
Anna Kurysheva, *Southern Federal University, Russia* (Managing Editor)
Yury Latov, *Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Russia*
Marina Malkina, *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia*
Alexander Maltsev, *Lomonosov Moscow State University, Russia*
Phil O'Hara, *Global Political Economy Research Unit, Australia*
Danila Raskov, *Saint Petersburg State University, Russia*
Inna Shevchenko, *Southern Federal University, Russia*
Wadim Strielkowski, *Prague Business School, Czech Republic* (Technical Editor)

The submission materials should be prepared in accordance with the Author Guidelines available at
<https://te.sfedu.ru/en/for-authors.html>, manuscripts should be submitted online. Submissions which do not meet
the requirements as stated in the instructions for authors are rejected by the Editorial Board.
The editors will not enter into correspondence about papers rejected.

Established by the Southern Federal University

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: info@sfedu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>
e-mail: te@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Изменения в российском экономическом образовании
в контексте идеологии 6

Вячеслав Вольчик

Технологический суверенитет: подходы к пониманию и измерению 20

Ирина Комарова, Сергей Ермолаев

Внешние факторы экономического развития России:
неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве 36

Олег Комолов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Роль транспортной инфраструктуры в интеграции фрагментированного
экономического пространства России: история и современность 50

Сергей Левин, Ирина Макарова

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Субъективное благополучие россиян: барьеры и контуры
социальной субъектности 69

Павел Сушко

ЭКОНОМИКА НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Многополярное управление в российских вузах 88

Максим Рыбачук, Александр Кобылко

ПРИКЛАДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бюрократия и экономический рост: опыт российских регионов 105

Георгий Борщевский

Обеспечение технологического суверенитета: нормативный
и экспертный дискурс 123

Екатерина Бузулукова, Евгений Капогузов, Марина Шерешева

TABLE OF CONTENT

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Changing Russian economic education in the context of ideology 6

Vyacheslav Volchik

Technological sovereignty: Approaches to understanding and measuring 20

Irina Komarova, Sergey Ermolaev

External factors of Russia's economic development:

Unequal exchange in the post-Soviet space 36

Oleg Komolov

ECONOMIC HISTORY

The role of the transport infrastructure in integrating Russia's fragmented economic space: History and modernity 50

Sergey Levin, Irina Makarova

ECONOMICS AND SOCIOLOGY

Russians' subjective well-being: Barriers and contours of social agency 69

Pavel Sushko

ECONOMICS OF SCIENCE AND EDUCATION

Multipolar management in Russian universities 88

Maxim Rybachuk, Alexander Kobylko

APPLIED ECONOMIC RESEARCH

Bureaucracy and growth: Evidence from Russian regions 105

Georgy Borshchevskiy

Ensuring technological sovereignty: Normative and expert discourse 123

Ekaterina Buzulukova, Evgeny Kapoguzov, Marina Sheresheva

Изменения в российском экономическом образовании в контексте идеологии

Вольчик Вячеслав Витальевич

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, email: volchik@sfedu.ru

Цитирование: Вольчик В.В. (2026). Изменения в российском экономическом образовании в контексте идеологии. *Terra Economicus* 24(3), 6–19. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-6-19

В статье рассматриваются вопросы идеологического влияния на экономическое образование через призму дискурса российских ученых-экономистов. Важным фактором влияния идеологии на экономическую науку стало формирование специфического образа мышления. В мейнстриме идеологическое влияние отрицается под предлогом разделения идеологии и «настоящей науки». Влияние латентной идеологии мейнстрима наиболее ярко проявляется в экономическом образовании через содержание учебных планов и базовые учебники. В статье используются в качестве эмпирических данных транскрипты 35 глубинных интервью, проведенных в 2025 г., и три фокус-группы, проведенные в 2026 г., участниками которых стали российские академические экономисты. В качестве метода анализа данных используется рефлексивный тематический анализ. В ходе исследования были выделены пять тем (идеологии и научное знание; переосмысление роли государства; суверенитет и патриотизм имеют значение; от экономического роста к благополучию и социальной справедливости; от ортодоксального мейнстрима к междисциплинарности и аналитическому институционализму), которые отражают влияние идеологии на процессы в экономической науке в контексте перспектив реформирования российского экономического образования. Обновление российского экономического образования возможно на основе более глубокого изучения истории экономической мысли, рассмотрения в явной форме проблем, связанных с суверенитетом и институциональными особенностями функционирования российского хозяйственного порядка. Формирование конструктивной идеологической повестки в российской экономической науке представляется возможным через творческое сочетание различных идеальных идеологических типов, методологического плюрализма и междисциплинарности. Российский аналитический институционализм может стать значимым объединяющим течением в отечественной экономической науке и образовании, так как он отражает те теоретические и методологические отечественные разработки, которые наиболее релевантны для решения современных экономических проблем.

Ключевые слова: экономическая идеология; экономическое образование; институциональная экономика; российский аналитический институционализм; рефлексивный тематический анализ; методология экономической науки

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Changing Russian economic education in the context of ideology

Vyacheslav V. Volchik

Southern Federal University, Rostov-na-Donu, Russia, email: volchik@sfedu.ru

Citation: Volchik V.V. (2026). Changing Russian economic education in the context of ideology. *Terra Economicus* 24(3), 6–19 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-6-19

This article examines the issue of ideological influence on economic education through the lens of the discourse of Russian economists. The formation of a specific mindset has become a key factor in how ideology influences economic science. Within the economic mainstream, ideological influence is denied based on the premise of separating ideology from “true science”. The influence of the mainstream’s latent ideology is most clearly manifested in economic education through the content of curricula and core textbooks. The study utilizes empirical data from transcripts of 35 in-depth interviews conducted in 2025 and three focus groups held in 2026, all involving Russian academic economists. Reflexive thematic analysis is employed as the data analysis method. The research identified five themes: ideology and scientific knowledge; rethinking the role of the state; the importance of sovereignty and patriotism; shifting from economic growth to well-being and social justice; and moving from the orthodox mainstream toward interdisciplinarity and analytical institutionalism. These themes reflect the impact of ideology on developments in economic science within the context of potential reforms related to Russian economic education. Revitalizing Russian economic education is possible through a deeper study of the history of economic thought and by explicitly addressing issues related to sovereignty and the institutional specificities of the Russian economic order. Formulating a constructive ideological agenda for Russian economic science appears feasible through a creative combination of various ideal ideological types, methodological pluralism, and interdisciplinarity. Russian analytical institutionalism has the potential to become a significant unifying movement within domestic economic science and education, as it reflects those domestic theoretical and methodological developments that are most relevant to addressing contemporary economic problems.

Keywords: economic ideology; economic education; institutional economics; Russian analytical institutionalism; reflexive thematic analysis; methodology of economic science

Funding: This work was supported by the grant of Russian Science Foundation № 24-18-00665, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/> “Ideological landscape of Russian economic science” at Southern Federal University.

JEL codes: A14, A22, B41

Введение

Идеология дает нам возможность моделировать настоящее через призму имеющихся «ментальных моделей» (North, 1994: 363) и определять научную повестку через «донаучный когнитивный акт» (Шумпетер, 2012: 264). Однако роль идеологии вообще и экономической идеологии в частности выходит за временные рамки настоящего через формирование образа желаемого и достижимого будущего. Важную роль в формировании образа будущего играет экономическое образование. Можно ли рассматривать экономическое образование как продолжение «настоящей науки», совершенно не подверженное идеологическому влиянию? И если это влияние невозможно элиминировать, то как сделать идеологическую повестку конструктивной? Ответу на эти вопросы посвящена данная статья.

В современной экономической науке многие идеологии проявляются в неявной форме; но через определенные теоретические нарративы и связанные с ними «донаучные когнитивные акты»

они оказывают влияние на научные исследования и содержание образовательных курсов. Например, теоретический нарратив «рыночной эффективности» значительно повлиял на проникновение неолиберальной идеологии в экономическое образование и политический дискурс, что в конечном итоге сказалось значительно на проводимой экономической политике (Berman, 2022).

Среди экономистов существует стойкое убеждение, что идеология наносит значительный вред, потому что отдаляет нас от объективного анализа фактов и причинно-следственных связей. Вследствие этого идеология рассматривается как моральные суждения, которые связаны с индивидуальными или коллективными интересами. Нобелевский лауреат Дж. Стиглер прямо указывает на связь между издержками и выгодами от следования той или иной идеологии: «Если постулируется антирыночная идеология, и постулируется ее независимость от личных интересов, то каково ее происхождение и содержание?.. Самый простой способ проверить, выступает ли идеология в качестве цели, не сводимой к максимизации полезности, состоит в том, чтобы установить, несут ли сторонники такой идеологии издержки, поддерживая ее» (Stigler, 1982: 35). Однако личные интересы и соответствующие издержки могут с таким же успехом быть связаны с любыми рекомендациями академических экономистов относительно экономической политики. Поэтому идеология как «донаучный когнитивный акт» может проводиться в неявной форме даже тогда, когда экономическая теория и политика ассоциируются с «объективными законами» и «железными» причинно-следственными связями.

Аргументы в пользу того, что использование «истинно научных методов» исключает влияние идеологии, многими современными исследователями признаются несостоятельными: «Экономическая теория отнюдь не является той научной цитаделью, какой ее считают многие ее представители. Она демонстрирует скрытую идеологическую направленность, придерживаясь при этом общепринятых канонов научного метода. С 1980-х гг. доминирование новой классической теории в экономике совпало с захватом политики неолиберализмом. Эта связь не случайна. Новая классическая экономика обеспечила экономико-теоретическое обоснование неолиберальной политики; неолиберальная идеология сформировала то, как экономисты «моделируют» экономику» (Skidelsky, 2018: 6). Чтобы понимать, какие идеологии влияли и влияют на экономические исследования, политику и образование, необходимо в явной форме выделять теоретические нарративы, связанные с тем или иным идеальным идеологическим типом.

Экономическая наука, идеология и образование

Важно не просто учитывать точку зрения о неустранимости идеологизированности экономической науки и образования, но также в явной форме исследовать, как формируются связи между идеологией, наукой и образованием. Можно найти категоричные высказывания об идеологическом характере экономического образования. Такие высказывания получили распространение еще ХХ в. и остаются актуальными до сих пор: «Любая попытка отделить идеологию от экономического образования является мошенничеством. Экономика, далекая от того, чтобы быть чистой истиной, включает в себя идеологии, причем некоторые из них противоречивы и конкурируют друг с другом. Более того, форма и природа образования в своей основе идеологичны. Идеология, экономика и образование – взаимосвязанные понятия» (Nelson, Carlson, 1981: 83, цит. по: Watts, 1987: 191).

Влияние идеологии на образование также связано с формированием учебных планов и базовых учебников, которые отражают убеждения господствующего направления в науке и преподавании. Например, М. Уоттс выделяет два таких направления: «позитивистское» и «идеологическое», которые, в свою очередь, связаны с двумя образовательными стратегиями: «Я считаю, что фундаментальные различия в методах и философии обучения, вытекающие из двух идеологических взглядов, в конечном счете связаны с тем, может ли и должно ли обучение быть свободным от ценностных суждений. Идеологическая точка зрения рассматривает это как невыполнимую и нежелательную цель. Позитивистская же точка зрения, напротив, считает в значительной степени бессмысленным навешивать ярлыки на все. Образование и экономическая мысль рассматриваются как идеологически обоснованные понятия, что подразумевает необходимость уделения значительной части учебной программы обучению позитивным, свободным от ценностных суждений концепциям и навыкам» (Watts, 1987: 196).

Идеология может неявным образом содержаться в учебниках по экономической теории. В современных учебниках такой идеологией является неолиберализм как совокупность убеждений о

рынке как универсальном механизме координации и управления хозяйственными процессами в частном и общественном секторах. Благодаря латентной идеологии может происходить «легитимизация» проводимой экономической политики: «Самуэльсон, возможно, почувствовал, что учебники по экономике обладают более тонким политическим влиянием, поскольку они учат особому способу мышления о политических проблемах. Вместо того чтобы предлагать более или менее явные политические утверждения или политически мотивированные рекомендации, уже само научное описание экономики в учебнике передает особую политическую рациональность, то есть определенный способ рассуждения и легитимизации политических действий» (Zuidhof, 2014: 159).

Важность идеологии в образовании состоит прежде всего в формировании специфического образа мышления, которое впоследствии уже выступает как «донаучный когнитивный акт» в исследовании и разработке мер экономической политики: «...учебники едва ли можно трактовать как идеологические программы или явные политические повестки; скорее – как намекал Самуэльсон – они предлагают определенный способ осмысления роли государства. Следовательно, в той мере, в какой учебник транслирует неолиберальные установки, он делает это столь же ненавязчиво: не путем отстаивания конкретных мер экономической политики или идеологий, а посредством формирования особого образа мышления о политических вопросах» (Там же: 179–180).

Широкое распространение стандартизированного под «достижения настоящей науки» экономического образования приводит к тому, что доминирует «образ мышления» формально деидеологизированного мейнстрима: «Эта проблема усугубляется тем, что само экономическое образование служит механизмом воспроизведения и распространения этого монолитного идеологического дискурса. Поскольку студентов учат «думать как экономисты» (Mankiw, 2020) и осваивать технические инструменты (Colander, 2005; Rubinstein, 2006), их часто приучают к определенному образу мышления. Этот процесс часто знакомит их лишь с узким кругом точек зрения, отдавая предпочтение определенным проблемам, методам и решениям, игнорируя или отодвигая на второй план другие» (Javdani, Chang, 2025: 4).

Доминирование идеологии мейнстрима (которая во многом комплементарна неолиберализму и также рядится в одежды «настоящей науки», отрицая идеологическую предвзятость) приводит к тому, что студенты имеют ограниченный доступ к альтернативным точкам зрения на важные экономические проблемы. Поэтому все чаще раздаются призывы к плюрализму в экономическом образовании: «Учитывая огромное влияние этой дисциплины [экономической теории], крайне важно придерживаться подхода, который тщательно рассматривает все соответствующие идеи о том, как функционируют различные экономики, независимо от того, кто разработал эту идею и к какому лагерю принадлежал, – обеспечивая студентам доступ к широкому спектру точек зрения на протяжении всего их обучения» (Javdani, Chang, 2025: 34). Такой плюралистический подход к экономическому образованию также связан с изменениями в общих «рамках ментальных моделей», которые лежат в основе теоретического нарратива «мыслить как экономист». Поэтому способ «мыслить как экономист» в перспективе должен включать мейнстримовские и гетеродоксальные каноны экономической мысли для формирования системной картины сложного и неэргодичного мира современной экономики: «...гетеродоксальные критики мейнстримной экономики должны сопротивляться искушению рассматривать образовательные цели, сформулированные их коллегами из мейнстрима (например, «думать как экономист»), как по своей сути противоречащие плюрализму и критическому мышлению. Вместо того чтобы отвергать, например, цель «думать как экономист», мы могли бы вместе с нашими коллегами из мейнстрима творчески осмыслить, переосмыслить и переформулировать эту многозначную фразу... чтобы она более точно отражала многообразие разумных способов мыслить как экономист, включая различные взгляды на природу и пределы человеческого знания» (Garnett, 2009: 67–68).

Важной особенностью влияния идеологических убеждений на экономическое образование является усиление их влияния по мере продвижения обучающихся от бакалавриата и магистратуры к аспирантуре. Чем глубже проникают обучающиеся в образовательные и исследовательские процессы, тем неотвратимей становится влияние доминирующих идеологий. Данные процессы негативно влияют на широту взглядов и критическое мышление. Доминирующая идеология через процесс экономического образования усиливает свое влияние: «...по мере продвижения студентов по экономическому образованию влияние идеологических и авторитетных предубеждений усиливается, а не ослабевает. Значительно более сильная идеологическая реакция аспирантов на удаление или

замену указаний на источники подтверждает аргумент о том, что высшее экономическое образование, вместо того чтобы смягчать предубеждения, может фактически усиливать их. Вероятно, это усиление происходит по двум механизмам. Во-первых, длительное воздействие основного дискурса во время обучения в аспирантуре углубляет приверженность студентов доминирующим идеологическим взглядам. В результате аспиранты, от которых ожидается развитие более критического мышления, независимости взглядов и научной строгости, чем от студентов младших курсов, вместо этого, по-видимому, начинают уделять больше внимания воспринимаемому авторитету и идеологической принадлежности источника, а не содержательному содержанию высказываний» (Javdani, Chang, 2025: 24). Такие процессы приводят к тому, что уже сложившиеся ученые становятся невосприимчивы к альтернативным экономическим идеологиям. Более того, господствующая экономическая идеология занимает место «настоящей науки». Поэтому действующие экономические экономисты (которые чаще всего принадлежат к мейнстриму) склонны отрицать свою идеологическую ангажированность по той причине, что «занимаются настоящей наукой». Неявное идеологическое влияние в постсоветский период лежало в основе формирования нового «экономического мышления» в России: «В нашей стране экономическое образование и наиболее влиятельные академические центры три десятилетия опирались на позаимствованную версию западных теорий, адаптированную для зависимых стран, что постепенно переломило традиционные подходы к философии хозяйства и стало оказывать влияние на экономическую политику» (Верников, Курышева, 2026: 40).

В данной статье на основе качественного анализа дискурсов академических экономистов выделяются темы, связанные с идеологическим влиянием, которое необходимо учитывать при формировании конструктивной повестки в экономическом образовании.

Методы и эмпирическая база исследования

Источником данных для анализа послужили серия из глубинных интервью и фокус-групп с представителями российской экономической науки (табл.). С апреля по июль 2025 г. было проведено 35 интервью. Фокус-группы проводились с апреля по июнь 2026 г., всего было проведено три фокус-группы по восемь человек: одна фокус-группа проводилась очно, а две – в онлайн-формате. Средняя продолжительность фокус-группы – 1 час 40 минут.

Таблица

Характеристики респондентов интервью и фокус-групп

Характеристики	Интервью	Фокус-группы
Географические характеристики	ЦФО – 9 чел. СЗФО – 5 чел. ЮФО – 6 чел. СКФО – 1 чел. ПФО – 6 чел. УФО – 2 чел. СФО – 4 чел. ДФО – 2 чел	ЦФО – 6 чел. СЗФО – 2 чел. ЮФО – 8 чел. СКФО – 2 чел. УФО – 1 чел. СФО – 5 чел.
Возрастные характеристики	До 35 лет – 8 чел. 36–59 лет – 17 чел. Старше 60 лет – 10 чел.	До 35 лет – 1 чел. 36–59 лет – 16 чел. Старше 60 лет – 7 чел.
Гендерные характеристики	Мужчины – 16 чел. Женщины – 19 чел.	Мужчины – 11 чел. Женщины – 13 чел.
Научные степени	Кандидаты наук – 21 чел. Доктора наук – 14 чел.	Кандидаты наук – 16 чел. Доктора наук – 8 чел.
Аффилиация	Сотрудники вузов – 31 чел. Сотрудники РАН – 4 чел.	Сотрудники вузов – 22 чел. Сотрудники РАН – 2 чел.
Всего	35 человек	24 человека

Источник: составлено автором.

Для глубинных интервью были отобраны респонденты преимущественно с ученой степенью в области экономических наук ($N = 31$), однако из-за разнообразия предметного поля экономической науки было опрошено четыре ученых-экономиста с научными степенями по другим дисциплинам: в области физико-математических наук – два, исторических наук – один, социологических наук – один. В фокус-группах приняли участие 23 респондента с ученой степенью в области экономических наук и один ученый-экономист со степенью по историческим наукам.

Отбор респондентов осуществлялся до достижения точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (*peer-referrals constituting network sampling*), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (*targeted samples*) (Watters, Biernacki, 1989; Heckathorn, Cameron, 2017). Данный подход был выбран в связи с тем, что для проведения качественного исследования наиболее предпочтителен целевой отбор, при котором «для изучения отбираются те единицы анализа, которые обладают наибольшим количеством насыщенной информации, позволяющей ответить на исследовательские вопросы» (Ваньке и др., 2020: 36). Интервью и фокус-группы проводились до достижения точки насыщения, когда количество получаемой новой информации делает дальнейшее проведение сбора данных нецелесообразным (Квале, 2003: 106).

Выбор метода глубинных интервью (Legard et al., 2003) объясняется тем, что с их помощью можно получить наиболее богатый и разнообразный материал для выявления релевантных нарративов. Применение метода фокус-групп оправдано, когда изучаемые вопросы или концепции могут быть по-разному истолкованы разными людьми (Сур, 2024: 222). Фокус-группы не только облегчают достижение более глубокого понимания рассматриваемых процессов (Kamberelis, Dimitriadis, 2013: 41); что особенно важно, в фокус-группах могут вырабатываться солидарные, объединяющие решения для сложных вопросов (Kamberelis, Dimitriadis, 2013: 57) наподобие конструктивной экономической идеологии.

Большие текстовые массивы предполагают использование различных подходов к анализу текста при помощи качественных методов (Stueber, 2019). В последние годы получил распространение так называемый «тематический анализ», предполагающий активное участие исследователя в интерпретации рассматриваемых качественных данных (Braun, Clarke, 2022: 8). Отличительной чертой данного подхода является гибкость, которая позволяет его применять в рамках различных теоретических подходов, широкого круга исследовательских вопросов и размеров выборки (Kiger, Varpio, 2020: 848). Например, тематический анализ широко применяется в экономических исследованиях (Mahmood et al., 2021; Chaiechi, Eijdenberg, 2022; Srtang et al., 2022), исследованиях в рамках методологии других общественных наук (Riggs et al., 2016; Drápal et al., 2023), а также в медицинских качественных исследованиях (Joffe, 2011; Akhmed et al., 2025).

В ходе анализа транскриптов интервью и фокус-групп использовалось латентное кодирование, основанное на имплицитных предположениях и ценностных установках, которые стоят за буквальными высказываниями респондентов. Такой подход позволяет фокусироваться на концептуальном уровне смысла высказываний респондентов (Braun, Clarke, 2022: 57–58).

Тематический анализ позволяет обобщать и объединять представления респондентов в «узнаваемые «паттерны» (Lochmiller, 2021: 2031), выявляя закономерности в имеющихся данных для последующего анализа (Kutsyuruba, 2023: 143). Теоретизирование происходит по мере того, как исследователи рассматривают способы поддержки, опровержения, уточнения или расширения рассматриваемой темы (Fife, Gossner, 2024). В ходе анализа отдельных тем, которые организуются вокруг ограниченного числа фундаментальных понятий, касающихся объектов, отношений и процессов, формируется особое «концептуальное пространство» (Агацци, 2017: 211–212, 227). В контексте нашего исследования это означает, что выделение тем позволяет выявить теоретические нарративы и соответствующие им экономические идеологии.

Экономическое образование и идеологическое влияние

В ходе качественного анализа данных выделено пять тем: идеологии и научное знание; переосмысление роли государства; суверенитет и патриотизм имеют значение; от экономического роста к благополучию и социальной справедливости; от ортодоксального мейнстрима к междисциплинарности и аналитическому институционализму. Анализ данных тем позволяет по-

казать, какие изменения экономического образования необходимы. Также важно понимать, что эти изменения можно рассматривать через различные идеологические рамки. Ниже рассмотрим каждую тему в контексте дискурсов респондентов.

1. Идеологии и научное знание

Данная тема занимает центральное место в обсуждении значимости экономических идеологий. Респонденты видят главную проблему, связанную с идеологическим влиянием, в угрозе догматизма по советскому образцу в экономическом образовании. Однако отсутствие официальной идеологии не означает, что вопросы идеологического влияния потеряли значимость: «Я считаю, что этот вопрос [“Были ли в отечественной экономической науке периоды, когда она была подвержена идеологическому влиянию?”] надо перевернуть и задать вопрос: “Были ли в отечественной экономической науке периоды, когда она не была подвержена идеологическому влиянию?”. И на поставленный таким образом вопрос надо дать отрицательный ответ. Экономическая наука, как и все другие гуманитарные науки, органично, имманентно имеет идеологический элемент. Идеологическое влияние связано с иерархией важности проблем, когда одни проблемы считаются более важными, а другие – менее важными. Идеологизация связана с использованием определенного рода инструментов» (доктор наук, Москва, 59 лет).

Главная опасность идеологии в экономической науке большинством респондентов видится в потере «критического мышления» и монополизме одной идеологии, что неизбежно приведет к неверным оценкам экономических процессов и соответствующей экономической политике: «Если идеология приводит к уничтожению критического мышления, способности познавать реальность и понимать причинно-следственные связи, тогда – да. Ненаучно... Если это мешает понимать реальность, если это мешает выработать правильную экономическую политику как реакцию на какие-то проблемы, тогда это плохо» (кандидат наук, Санкт-Петербург, 52 года).

В дискурсах респондентов присутствует интересный подход к идеологии как чему-то разрешенному, поощряемому или правильному. Такая точка зрения во многом сопряжена с опытом преподавания экономических дисциплин, и поэтому она заслуживает особого внимания в плане сбалансированного и реалистичного подхода в преподавании: «Идеология для меня – это вообще, в принципе, четкое разграничение, условно говоря, того, что такое хорошо, что такое плохо. То есть тебе четко говорят: вот это правильно, вот это неправильно. Поэтому экономическая идеология – когда мне говорят, что вот это направление в экономических исследованиях правильное, четкое, и там, например, могут быть не только меры поощрения, но и карательные какие-то меры, если делать что-то неправильно... Сейчас мне кажется, мы в меньшей степени затронуты этой какой-либо идеологией, потому что поощрение скорее такое носит позитивный характер, т.е. будут поощрять то, что хорошо, и не будут поощрять то, что плохо» (кандидат наук, Тюмень, 47 лет).

Латентное влияние идеологии мейнстримовского канона в экономической мысли привело к вытеснению из учебных программ и планов предметов, которые не вписываются в технократические и формализованные рамки. Важно понимать, что такое намеренное «обеднение» учебных программ может привести в среднесрочной перспективе к формированию целого поколения экономистов с очень узким кругозором и набором исследовательских навыков: «Очень многие специфические предметы, такие как история экономических учений, институциональная экономика и другие, просто опускаются или входят в состав новых предметов как краткий курс, и досконально они не даются. Это ведет к тому, что целые сегменты научных исследований, научных мыслей недополучают в перспективе достаточно большого количества новой крови. Если даже предмета нет или читается на скорую руку, то фактически на уровне бакалавриата уже не рождаются будущие экономисты, специалисты» (доктор наук, Казань, 46 лет).

Консервативность преподавания также во многом связана с инерцией заимствования одного канона экономического образования в период рыночных реформ, что может также рассматриваться как одно из препятствий для формирования среды с идеологическим и теоретическим разнообразием: «Как мы читали студентам 20 лет экономикс, как банки делают деньги, про спрос и предложение. Наука же развивается. Поэтому, мне кажется, что сейчас преподают экономическую теорию для всех экономистов, для всей группы профиля “Экономика”. Почему бы не преподавать альтернативные теории, ту же самую экономику счастья. Поведенческая экономика

есть, но она, по-моему, идет по выбору. Все равно в России в преподавании эта [экономическая] наука классическая, консервативная» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 49 лет).

Изменения в доминирующих идеологиях в науке могут влиять с различными временными лагами на экономическую политику. Поэтому идеология может рассматриваться и по отношению к науке, и собственно экономике через влияние на стратегию реформ и экономическую политику: «Под этим термином [идеология] можно понимать две вещи: во-первых, какие-то жестко устоявшиеся взгляды в экономической науке, которым ученый-экономист как бы обязан следовать; и второе – это жестко устоявшиеся взгляды по поводу того, как должна быть устроена экономика, как должна быть организована экономическая жизнь. И то и другое можно понимать как экономическую идеологию при желании. Это некая устоявшаяся система взглядов либо по поводу того, какой должна быть экономическая наука, либо по поводу того, какой должна быть экономика» (кандидат наук, Санкт-Петербург, 52 года).

Понимание того, как идеологические сдвиги влияют на экономическое образование, крайне важно для формирования конструктивной повестки в среде экономистов в будущем. Именно идеология и доминирование того или иного ее идеального типа создает долгосрочные ориентиры для формирования «экономического образа мышления», от которого зависит, какие тематики и проблемы мы рассматриваем как наиболее важные: «Идеология... это... как магнитное поле для компаса... Каждый раз те утверждения, которые ты делаешь, основные выводы, ты с этой идеологией сверяешь. Это не значит, что ты должен всегда как бы по стрелке идти, но, по крайней мере, ты если идешь куда-то вбок, то делаешь это осознанно. То есть ты видишь, что идешь в идеологию полностью» (доктор наук, Владивосток, 55 лет).

2. Переосмысление роли государства

Вызовы, с которыми сталкивается наша страна и сфера науки, ведут к постепенному переосмыслению роли государства. И если долгое время под влиянием либеральной идеологии в экономической науке и образовании был распространен теоретический нарратив «ночного сторожа» по отношению к роли государства, то теперь делаются акценты на конституирующую и институциональную роль государства: «Государство все равно должно какие-то векторы устанавливать, потому что науку финансирует... у нас фундаментальные вещи дает РНФ, от корпоративного сектора ты ничего не получишь. На региональную науку бросают какие-то крохи... Вы, ребята, тоже немножко сориентируйте, какого рода заявки хотите за эти деньги получить? Какие-то целевые государственные ориентиры, на которые мы работаем» (доктор наук, Томск, 48 лет).

Наверное, нет более подверженного идеологическому влиянию вопроса, чем вопрос о роли государства в экономике. Поэтому при любых значительных изменениях в научном и образовательном дискурсах этот вопрос привлекает много внимания. Однако до недавнего времени влияние неоллиберализма позволило фактически исключить реалистичное обсуждение роли государства из фундаментальных курсов, например, микроэкономики. В макроэкономике тоже государство предстает скорее как очень упрощенная тень реальных и сложных процессов регулирования в современных хозяйственных порядках.

«Одно дело – идеология, другое – экономическая политика, которая строится на основе определенных экономических концепций. Я не отрицаю, что их должно быть несколько, но в конкретный момент экономическая политика государства формируется согласно одной из них. Возможно, это не идеология, а именно экономическая политика, обусловленная базовыми причинами, в том числе экономическими, которые изучает и моделирует наша наука. Здесь возникает тонкая грань: важно, чтобы государство действовало на основе этих концепций, а не субъективных мнений отдельных лиц или групп» (доктор экономических наук, Тольятти, 66 лет).

В современной хозяйственной системе под воздействием технологических инноваций формируются новые отрасли и формы экономических взаимодействий. Например, широкое распространение платформенной экономики и широкое внедрение в бизнес-процессы технологий искусственного интеллекта требуют создания новых механизмов регулирования. Такое регулирование выходит за рамки идеологии дирижизма.

В образовательных курсах, по мнению респондентов, необходимо четко проводить линию о том, что конституирующее влияние государства не противоречит рыночной экономике и эко-

номической свободе, но наряду с рыночным регулированием важно показать возможности решения социальных проблем: «Государство может определять цели экономической науки, оно может определять, устанавливать задачи разработки новых инструментов роста благосостояния людей, новых инструментов снижения дифференциации населения, равномерного развития регионов. Вот мы сегодня знаем: в нашей стране очень высокий уровень дифференциации, очень неравномерное развитие регионов, социальная несправедливость, которая имеется в нашем обществе. И все эти моменты регулировать государство, безусловно, может и, на мой взгляд, должно» (доктор наук, Махачкала, 57 лет).

3. Суверенитет и патриотизм имеют значение

Проблемы суверенитета, патриотизма и идентичности все больше привлекают внимание экономистов (Shiller, 2019: 103; Балацкий, 2025). Суверенитет и национальные экономические интересы относятся не только собственно к хозяйственной системе, но также и к экономической науке. Наши респонденты отмечают, что движение по колее заимствований и включения в «мировую науку» не оставляет места для российской специфики: «Наша такая историческая отсталость от мейнстрима – это долгоиграющий фактор. Отсталость или, как сказать, свой путь? Либо мы уже тогда признаем свой путь, идем по нему. Либо тогда уже мы в мейнстрим, но там настолько большой отрыв, что, боюсь, уже его не преодолеем. Либо мы говорим, что экономической науки в России не будет, а будет, например, зарубежная наука» (доктор наук, Томск, 48 лет).

Акцент на российскую специфику в научных исследованиях и образовательных программах не означает изоляции от мировой науки. Но необходимо осмысление того, какое место в мировой науке может и должна занимать российская экономическая наука: «...российская экономическая наука находится в периоде адаптации. Потому что события геополитические последних лет несколько изменили, так скажем, международную политику и выдвинули определенные вызовы к российской экономической науке. И, наверное, сейчас идет очередная такая волна – переосмысление в плане того, какой путь выберет российская экономическая наука. То есть если у нас была такая в большей степени ориентация на международные стандарты исследований, то вот сейчас, соответственно, опять возник вопрос. То есть мы все-таки являемся частью мировой науки, либо в большей степени ориентируемся на какие-то внутренние вопросы, процессы, внутренние исследования, какое-то сообщество экономистов, так скажем, внутри территории, либо все-таки мы стараемся быть частью какого-то такого глобального международного сообщества» (кандидат наук, Казань, 41 год).

Проблемы суверенитета и патриотизма больше всего комплементарны идеологии особого пути в ее конструктивном смысле. Поэтому акцент на особенностях институционального развития России важен как в научных исследованиях, так и в образовании: «Достаточно разрабатывать свои правила игры, как мы говорим, в институциональной экономике. Но если у кого-то есть какой-то хороший опыт, то, ради Бога, почему бы нет. С удовольствием надо принимать опыт. Каждый человек стремится к индивидуальности, а вместе с индивидуальностью, если он увидит что-то хорошее, полезное у другого человека, старается это перенять. Точно таким же образом и модель государства, и наука должны развиваться собственным путем и принимать опыт» (доктор наук, Махачкала, 57 лет).

Респонденты отмечают, что российская экономическая наука долгое время развивалась по «колониальной модели», и поэтому проблематика суверенитета, в том числе и интеллектуального, становится актуальной: «...есть кризис той науки [российской экономической науки], которая спешно отказалась от собственных таких онтологических, гносеологических установок, не критично перешла на западные установки неоклассические, и фактически стала колониальной наукой с третьестепенными, если не 50-степенными правами в мировой экономической иерархии. А эта мировая экономическая иерархия сама стремительно летит под откос. Давайте скажем так ...в отношении различных прикладных направлений, наверное, ситуация получше, а вот теоретическая, концептуальная наука сталкивается с проблемами. Самая главная проблема – это эклектическая попытка, грубо можно выразиться, «натянуть сову на глобус». То есть применить вот эти западные уже неадекватные теоретические схемы к российской экономической реальности. Мало того, западные экономики давно уже не укладываются в эти схемы, а российская тем более никогда не укладывалась, никогда не соответствовала этим схемам. Это главная фундаментальная причина» (доктор наук, Москва, 60 лет).

4. От экономического роста к благополучию и социальной справедливости

Проблема социальной справедливости часто рассматривается в контексте неравенства, поэтому используемые исследователем явные или неявные идеологические рамки не должны мешать пониманию фундаментальных оснований этих явлений: «Неравенство, обусловленное разным уровнем способностей и усилий людей, конструктивно, ведет к прогрессу. Неравенство, обусловленное разным уровнем возможностей (в том числе разным статусом родителей и пр.), привилегированным доступом к ресурсам, дискриминацией по разным признакам (гендерному, расовому, возрастному и пр.), деструктивно. Об этом можно долго говорить. Есть оптимальный уровень неравенства. Неравное распределение богатства есть результат неравного распределения дохода и неравного распределения наследства и способов управления ими тоже. То есть надо искать первоосновы проблемы» (доктор наук, Нижний Новгород, 58 лет).

В рамках различных идеальных идеологических типов проблема справедливости входит в круг ключевых ценностей. К таким идеальным типам можно отнести социализм и особый путь. Однако респонденты также рассматривают проблему справедливости и через призму других идеологий: «В основе экономических решений государства должны лежать ценности справедливости. Общество нуждается прежде всего в справедливости, в справедливости и экономической, и во всех сферах. И, соответственно, в равных возможностях для всех слоев населения в обеспечении порядка и правопорядка в интересах всех слоев населения. Экономическая свобода, которая не наносит вреда всему обществу, – вот эти ценности должны лежать в основе» (доктор наук, Махачкала, 57 лет).

Внимание к проблеме справедливости, а не только экономической эффективности, может со временем привести к включению в базовые и специальные учебные курсы новых разделов. Вопросы справедливости можно также вписать в широкие ценностные и институциональные аспекты, которые значимы для современного социально-экономического развития.

Респонденты отмечают, что современная экономическая наука долгое время находилась под влиянием неоллиберализма, что сказалось на сужении фокуса исследований. Постепенно растет понимание того, что не только экономическая оптимизация и рыночная эффективность имеют значение: «Эффективность – справедливость, это не противопоставление, а некий континуум. Например, “всё ради эффективности” или “всё ради справедливости”? Нужно искать какой-то баланс и, соответственно, нужно найти компонент идеологии в этой ментальной модели. Конкуренция – сотрудничество и так далее» (доктор наук, Красноярск, 65 лет).

Также в дискурсах российских ученых все больше уделяется внимания показателям субъективного благополучия, которое также можно рассматривать через определенные идеологические рамки: «Я не согласна с благосостоянием, потому что благосостояние – это только финансовая часть, это все, что касается доходов, потребления, сбережения. Надо шире – благополучия. И здоровья. То есть это не только деньги. Я не вижу, чтобы в России доминировала идеология благополучия. В России по-прежнему доминирует идеология благосостояния» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 49 лет).

Развитие экономической науки и экономического образования также в настоящее время претерпевает изменения, и понимание этих изменений должно базироваться на глубоких знаниях эволюции самой экономической науки: «Интересно же, история экономической науки, или даже шире – экономической мысли, – начиналась с чего? Проблемы сельского хозяйства, природной ренты и вот эта дискуссия вокруг всего этого были в центре внимания. Потом это ушло совершенно... и сейчас снова возвращается эта тема. Возвращается в центр внимания дискуссия о том, что считать важным, какие ресурсы считать важными, какие результаты деятельности считать важными?» (доктор наук, Красноярск, 65 лет).

В настоящее время значительно сокращены или вовсе исключены из учебных планов экономических факультетов курсы истории экономических учений и истории экономики (Ореховский, Разумов, 2025). И это делает обучающихся более уязвимыми от деструктивного идеологического влияния, поскольку знания истории идей и институтов позволяют развивать критическое мышление и кругозор. Поэтому развитие современного экономического образования должно происходить комплексно с учетом эволюции экономической науки и идеологии.

5. От ортодоксального мейнстрима к междисциплинарности и аналитическому институционализму

В современной экономической науке сильны позиции экономистов, которые выступают за междисциплинарность и плюрализм в теоретических и прикладных исследованиях. Среди наших респондентов такая точка зрения также присутствует, более того, респонденты связывают ее с идеологией в контексте ее доминирования: «Считаю, что на данный момент в российской экономической науке пока нет доминирующей идеологии, и слава Богу. Пока еще существуют ученые, приверженцы либеральных и общечеловеческих ценностей, есть другие – приверженцы национальной идеи, идей патриотизма. Формирование единой идеологии, думаю, еще впереди, и этот процесс будет болезненным для тех, кто придерживается других взглядов. Но я скорее – за плюрализм, сосуществование разных идеологий или, лучше сказать, концепций, не носящих явно деструктивного характера для общества и отдельных людей» (доктор наук, Нижний Новгород, 58 лет).

Однако респонденты отмечают, что в настоящее время необходимы изменения как в теоретическом и методологическом аппарате, так и в подходах к преподаванию экономических дисциплин. Поэтому возникает резонный вопрос о том, как должны осуществляться такие изменения и какие научные ориентиры и экономические идеологии могут рассматриваться как конструктивные.

Респонденты отмечают, что в науке и преподавании необходимо двигаться от «чистой науки» и позитивной методологии к нормативной экономической теории, которая ориентирована на анализ политики и реформ, в контексте исторических, культурных и институциональных особенностей. Поэтому необходимо рассматривать экономические процессы через призму эволюционного подхода: «...никакая эффективность невозможна в отрыве от целеполагания. Как пример неэффективности во все школьные учебники вошел пример неэффективности паровоза, он только два процента энергии расходует на движение вперед. Остальное в трубу вылетает. Это же чушь собачья, когда так к паровозу относятся, когда строили железные дороги, составляли паровозы, совсем не главной целью была экономия дров, хватало..., пускай 98% вылетает в трубу. А возникновение единой страны, связанной с быстрыми способами коммуникации, вот это настоящая цель. И в этом смысле паровоз был эффективен. Нельзя пытаться без обсуждения целеполагания рассуждать обо всем хорошо или плохо, эффективно или неэффективно. Сначала скажите, а чего вы хотите? Вот еще плюс к этому действительно можно выделить эволюционистский подход, который накладывает большой отпечаток на все, что делается» (доктор наук, Москва, 72 года).

Современные хозяйственные порядки переживают период радикальной трансформации. Осмысление этих процессов в экономической науке приводит к существенным изменениям в подходах к анализу человеческого поведения и роли институтов: «Если посмотреть на характеристики современного мира – турбулентность, случайность, хаотичность, враждебность, искажение информации, – тогда мы понимаем, что надо начинать с концепции человека, который пока еще принимает экономические решения. Если брать чисто неоклассическую модель и предпосылки индивида, который оптимизирует некие цели и добивается этих целей как совершенно рациональный индивид, то понятно, что этот индивид не соответствует этим характеристикам. Он не соответствует неопределенности, изменению, постоянному изменению правил, уж не говоря об искажении информации. А правила – это институты. Потому что все равно экономика – это технологии и институты» (доктор наук, Новосибирск, 70 лет).

За долгое время неolibеральная идеология сформировала колею, где рынки рассматривались как естественный и универсальный и эффективный механизм координации. Внимание к институтам и теориям различных современных ветвей институционализма обусловлено теми политико-экономическими вызовами, которые требуют новых аналитических подходов: «Рынки вообще не создаются. Они каждый раз конструируются. И какие бы там блага ни были, даже полностью совершенно частные, например, хлеб и прочее, для них должны быть созданы соответствующие институциональные условия для того, чтобы они хорошо работали. В противном случае чаще всего они будут работать, особенно в сложных ситуациях платформенного, так называемого капитализма, с провалом» (доктор наук, Москва, 60 лет).

Необходимо отметить, что идеологическое влияние часто реализуется через группы интересов, в частности, в экономическом образовании. Любая монополия на «образ мышления» и

«научность» ведет к смещению исследований в область своеобразной религии, где вера в «незыблемые принципы» мешает формированию конструктивной исследовательской повестки: «Самостоятельной “экономической идеологии” нет. Это форма, с помощью которой группы интересов реализуют свои цели. В науке есть концепты и теории, получившие развитие и признание, часто поддержанные группами интересов у власти и бизнеса. Они могут облекаться в формат идеологии. Или в рамках институциональной науки разные направления могут нести разную идеологическую нагрузку для реализации интересов. Концептов должно быть много хороших и разных» (кандидат наук, Красноярск, 60 лет).

Подход, который можно назвать аналитическим институционализмом, может стать объединяющим в плане использования потенциала междисциплинарных исследований, которые всегда были отличительной чертой институциональной экономики. Это также позволяет формировать отечественную научную повестку, которая отличается как суверенитетом, так и фундаментальным научным подходом: «Фокус в экономических науках смещается на актуальные темы, связанные с технологическим суверенитетом и импортозамещением. С одной стороны, большая сфокусированность, спецификация, междисциплинарность и изолированность – это все можно использовать и во благо. Для развития собственных российских экономических школ, журналов. Использовать ту же междисциплинарность как основу для создания каких-то коллективов, в том числе международных, с дружественными странами и так далее» (кандидат наук, Пермь, 30 лет).

Несколько заключительных замечаний

Экономические идеологии, которые мы рассматриваем через призму их пяти идеальных типов (неолиберализма, социализма, дирижизма, особого пути и экологизма) (Вольчик и др., 2024), оказывают значительное влияние на формирование современного образа мышления. Особое значение исследование идеологий приобретает при обращении внимания на идеологическое содержание экономического образования. Ведь именно содержание экономического образования формирует образ желаемого и возможного будущего у молодых экономистов и исследователей.

Российский аналитический институционализм может стать значимым объединяющим течением в отечественной экономической науке. Именно аналитический институционализм отражает те теоретические и методологические отечественные разработки, которые наиболее релевантны для решения проблем и вопросов, вызванных современными политико-экономическими вызовами.

Качественное исследование дискурсов академических экономистов позволило выделить пять тем, связанных идеологическим ландшафтом российской экономической науки в контексте вопросов, значимых для реформирования экономического образования. В дальнейшем можно на примере кейсов, связанных с конкретными образовательными программами и учебной литературой, показать современную картину идеологического влияния. Формирование конструктивной идеологической повестки в российской экономической науке представляется возможным через творческое сочетание различных идеальных идеологических типов, методологического плюрализма и междисциплинарности. Все это позволяет учитывать исторические и институциональные траектории развития в контексте национальных экономических интересов, суверенитета и прагматического подхода, основанного на адаптивной реакции на современные вызовы и ориентированного на решение практических задач.

Литература / References

- Агацци Э. (2017). *Научная объективность и ее контексты*. М.: Прогресс-Традиция. [Agazzi, E. (2017). *Scientific Objectivity and Its Contexts*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **18**(1), 46–65. [Balatsky, E. (2025). Evolution of colonial and neocolonial models in geopolitical dominance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **18**(1), 46–65 (in Russian)]. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2

- Ваньке А., Полухина Е., Стрельникова А. (2025). *Как собрать данные в полевом качественном исследовании*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [Vanke, A., Polukhina, E., Strelnikova, A. (2025). *How to Collect Data in Qualitative Field Research*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Верников А.В., Курышева А.А. (2026). Ученый на службе у работодателя? Апологетика кредитования домашних хозяйств в статьях экономистов. *Terra Economicus* **24**(1), 37–52. [Vernikov, A., Kuryшева, A. (2026). A scholar at the service of a banker? Household financialization rhetoric in academic publications. *Terra Economicus* **24**(1), 37–52 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-1-37-52
- Вольчик В.В., Маслюкова Е.В., Марьян П.А., Скрыбин М.В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке. *Журнал институциональных исследований* **16**(4), 42–59. [Volchik, V., Maslyukova, E., Marian, P., Skryabin, M. (2024). An empirical study of the ideological component in Russian economic science. *Journal of Institutional Studies* **16**(4), 42–59 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059
- Квале С. (2003). *Исследовательское интервью*. М.: Смысл. [Kvale, S. (2003). *The Research Interview*. Moscow: Smysl Publ. (in Russian)].
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякр. *AlterEconomics* **22**(1), 40–53. [Orekhovsky, P., Razumov V. (2025). Economic theory of the “classboard”: Between reality and simulacrum. *AlterEconomics* **22**(1), 40–53 (in Russian)]. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология. В кн.: *Философия экономики. Антология* /под. ред. Хаусмана Д. (с. 247–264). М.: Изд-во Института Гайдара. [Schumpeter, J. (2012). Science and ideology. In: Hausman, D. (ed.) *Philosophy of Economics: An Anthology* (pp. 247–264). Moscow: Gaidar Institute Press. (in Russian)].
- Ahmed, S., Mohammed, R., Nashwan, A. et al. (2025). Using thematic analysis in qualitative research. *Journal of Medicine, Surgery, and Public Health* **6**, 100198.
- Berman, E. (2022). *Thinking Like an Economist: How Efficiency Replaced Equality in U.S. Public Policy*. Princeton University Press.
- Braun, V., Clarke, V. (2022). *Thematic analysis: A practical guide*. SAGE Publications.
- Chaiechi, T., Eijdenberg, E. (2022). Entrepreneurship, knowledge-economy and economic success of cities: A scoping review and thematic analysis. In: Chaiechi, T., Wood, J. (ed.) *Community Empowerment, Sustainable Cities, and Transformative Economies* (pp. 73–94). Springer.
- Colander, D. (2005). The making of an economist redux. *Journal of Economic Perspectives* **19**(1), 175–198. DOI: 10.1257/0895330053147976
- Cyr, J. (2024). Focus groups. In: Cyr, J., Goodman, S. (eds.) *Doing Good Qualitative Research* (pp. 222–232). Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780197633137.003.0019
- Drápal, J., Westermann, H., Savelka, J. (2023). Using large language models to support thematic analysis in empirical legal studies. *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications* **379**, 197–206. DOI: 10.3233/FAIA230965
- Fife, S., Gossner, J. (2024). Deductive qualitative analysis: Evaluating, expanding, and refining theory. *International Journal of Qualitative Methods* **23**, 1–12. DOI: 10.1177/16094069241244856
- Garnett, R. (2009). Rethinking the pluralist agenda in economics education. *International Review of Economics Education* **8**(2), 58–71. DOI: 10.1016/S1477-3880(15)30068-2
- Heckathorn, D., Cameron, C. (2017). Network sampling: From snowball and multiplicity to respondent-driven sampling. *Annual Review of Sociology* **43**, 101–119.
- Javdani, M., Chang, H.-J. (2025). *Manufacturing “economics” minds: Ideology, authority, and economics education*. Research report. IZA – Institute of Labor Economics. <http://www.jstor.org/stable/resrep70836>

- Joffe, H. (2011). Thematic analysis. In: Harper, D., Thompson, A. (eds.) *Qualitative Research Methods in Mental Health and Psychotherapy: A Guide for Students and Practitioners* (pp. 209–223). Chichester: John Wiley & Sons.
- Kamberelis, G., Dimitriadis, G. (2013). *From Structured Interviews to Collective Conversations*. N.Y.: Routledge.
- Kiger, M., Varpio, L. (2020). Thematic analysis of qualitative data: AMEE Guide № 131. *Medical Teacher* **42**(8), 846–854.
- Kutsyuruba, B. (2023). Document analysis. In: *Varieties of Qualitative Research Methods: Selected contextual perspectives* (pp. 139–146). Cham: Springer International Publishing.
- Legard, R., Keegan, J., Ward, K. (2003). In-depth interviews. In: Ritchie, J., Lewis, J. (eds.) *Qualitative Research Practice* (pp. 138–169). L.: Sage Publications.
- Lochmiller, C. (2021). Conducting thematic analysis with qualitative data. *The Qualitative Report* **26**(6), 2029–2044.
- Mahmood, A., Naveed, R., Ahmad, N. et al. (2021). Unleashing the barriers to CSR implementation in the SME sector of a developing economy: A thematic analysis approach. *Sustainability* **13**(22), 12710.
- Mankiw, G. (2020). *Principles of Economics*. Cengage.
- Nelson, J., Carlson, K. (1981). Ideology and economic education. In: Symmes, S. (ed.) *Economic Education: Links to the Social Studies* (Bulletin № 65) (pp. 83–96). Washington, DC: National Council for the Social Studies.
- North, D. (1994). Economic performance through time. *The American Economic Review* **84**(3), 359–368.
- Riggs, D., Bartholomaeus, C., Due, C. (2016). Public and private families: A comparative thematic analysis of the intersections of social norms and scrutiny. *Health Sociology Review* **25**(1), 1–17.
- Rubinstein, A. (2006). A sceptic's comment on the study of economics. *The Economic Journal* **116**(510), C1–C9. DOI: 0.1111/j.1468-0297.2006.01071.x
- Shiller, R. (2019). *Narrative Economics*. Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctvdf0jm5
- Skidelsky, R. (2018). *Money and Government: The Past and Future of Economics*. New Haven and London.
- Stigler, G. (1982). The ethics of competition: the unfriendly critics. In: *The Economist as Preacher and Other Essays* (pp. 27–37). Chicago University Press.
- Strang, K., Che, F., Vajjhala, N. (2022). Thematic analysis of agricultural government policy and operational problems. *Agricultural Research* **11**(3), 549–556.
- Stueber, K. (2019). The ubiquity of understanding: Dimensions of understanding in the social and natural sciences. *Philosophy of the Social Sciences* **49**(4), 265–281. DOI: 10.1177/0048393119847103
- Watts, M. (1987). Ideology, textbooks, and the teaching of economics. *Theory Into Practice* **26**(3), 190–197. DOI: 10.1080/00405848709543273
- Zuidhof, P. (2014). Thinking like an economist: The neoliberal politics of the economics textbook. *Review of Social Economy* **72**(2), 157–185. DOI: 10.1080/00346764.2013.872952

Технологический суверенитет: подходы к пониманию и измерению

Комарова Ирина Павловна

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, e-mail: Komarova.IP@rea.ru

Ермолаев Сергей Анатольевич

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, e-mail: Ermolaev.SA@rea.ru

Цитирование: Комарова И.П., Ермолаев С.А. (2026). Технологический суверенитет: подходы к пониманию и измерению. *Terra Economicus* 24(3), 20–35. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-20-35

В статье рассматривается концепция технологического суверенитета как одной из ключевых категорий, определяющих стратегии развития государств в условиях напряженной геополитической обстановки и санкционного давления. На основе обзора зарубежных и отечественных теоретических подходов авторы предлагают декомпозицию понятия по пяти содержательным компонентам: обладание критическими технологиями, лидерство в новых технологиях широкого применения, независимость от импорта, независимость в цепочках поставок и динамическая устойчивость. Каждая компонента раскрывается с привлечением страновых примеров (США, Китай, ЕС, Россия) и существующих подходов к ее количественной оценке. Сформулирована авторская двухуровневая архитектура технологического суверенитета: малый контур, образованный обладанием критическими технологиями, независимостью в цепочках поставок и динамической устойчивостью, фиксирует необходимые условия суверенитета как такового; большой контур дополняется независимостью от импорта и лидерством в технологиях широкого применения и описывает абсолютный технологический суверенитет. Для интегральной оценки предложено использовать функцию Леонтьева для абсолютных компонентов, согласно которой итоговое значение определяется минимальной из компонент. На этой основе обоснован практический вывод для промышленной политики: приоритетом государственной поддержки должно выступать развитие критических технологий и отечественных сетей создания стоимости, тогда как курс на широкое импортозамещение и форсированное финансирование собственных технологий широкого применения первостепенными задачами не являются.

Ключевые слова: технологический суверенитет; технологическое лидерство; критические технологии; технологии широкого применения; глобальные цепочки создания стоимости; диаграмма Венна; функция Леонтьева

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы № FSSW-2026-0003 «Методология оценки уровня технологического суверенитета и разработка концепции динамической устойчивости экономики РФ» за счет средств субсидии из федерального бюджета в рамках государственного задания Минобрнауки России.

Technological sovereignty: Approaches to understanding and measuring

Irina P. Komarova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, e-mail: Komarova.IP@rea.ru

Sergey A. Ermolaev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, e-mail: Ermolaev.SA@rea.ru

Citation: Komarova I.P., Ermolaev S.A. (2026). Technological sovereignty: Approaches to understanding and measuring. *Terra Economicus* 24(3), 20–35 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-20-35

This article examines the concept of technological sovereignty as one of the key categories determining state development strategies in the face of geopolitical shocks and sanctions pressure. Based on a review of various theoretical approaches, the authors propose a decomposition of the concept into five components: possession of critical technologies, leadership in new general-purpose technologies, independence from imports, independence in supply chains, and dynamic stability. Each component is described using country examples (USA, China, EU, Russia) and existing approaches to quantitative assessment. The authors compose a two-tiered architecture of technological sovereignty: the minor contour, formed by possession of critical technologies, independence in supply chains, and dynamic stability, captures the necessary conditions for sovereignty; the major contour, complemented by independence from imports and leadership in general-purpose technologies, describes absolute technological sovereignty. For an integrated assessment, the authors propose to use the Leontief function for absolute complements, according to which the final value is determined by the minimum of the components. This leads to a practical conclusion for industrial policy: the development of critical technologies and domestic value chains should be the priority for state support, while broad import substitution and accelerated financing of domestic general-purpose technologies are not primary objectives.

Keywords: technological sovereignty; technological leadership; critical technologies; general-purpose technologies; global value chains; Venn diagram; Leontief function

Funding: This article was prepared within the framework of research project № FSSW-2026-0003 «Methodology for assessing the level of technological sovereignty and developing a concept for the dynamic stability of the Russian Economy», funded by a federal budget subsidy under the state assignment of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

JEL codes: F63, O11, O32

В современном экономическом дискурсе понятие «технологический суверенитет» приобрело статус одной из ключевых категорий, определяющих стратегии развития государств. Длительное время доминирующей парадигмой была идея глобального технологического обмена и взаимозависимости стран, основанная на принципах международного разделения труда. Однако события последних лет – торговые войны США и Китая, пандемия COVID-19, обнажившая хрупкость трансграничных цепочек поставок, и беспрецедентные санкционные режимы – кардинально изменили направление научных дискуссий, выявив критическую уязвимость моделей развития, основанных на использовании импортных технологий и импортных комплектующих в стратегически значимых секторах.

Обострение геополитической обстановки поставило перед национальными экономиками фундаментальную дилемму. С одной стороны, высокая степень сложности современных технологических цепочек и сохраняющаяся международная взаимозависимость делают невозможным и экономически нецелесообразным их полное замыкание в национальных границах. С другой стороны, опыт последних лет наглядно продемонстрировал, что односторонняя структурная зависимость от внешних поставщиков создает значительные угрозы для национальной экономики.

В настоящее время ни одна страна мира не может рассматриваться как пример полной технологической независимости. Так, США обладают значимой экономической властью благодаря контролю над корнями интернета (корневые *DNS*-серверы), разработке большинства чипов и доминированию программных платформ (*Windows*, *iOS* и др.) (Зиновьева, 2015). Однако сами США зависят от чужих стандартов в производстве: американские компании проектируют чипы, но производятся они в основном на Тайване (*TSMC*).

Китай активно создает свою параллельную цифровую систему – альтернативный интернет, стандарты *5G/6G*, собственная спутниковая система *Beidou*¹. Однако он долгое время зависел от западных стандартов в производстве микроэлектроники (оборудование для литографии от *ASML*, программное обеспечение для проектирования чипов от *Cadence/Synopsys*). Санкции США заставили Китай ускорить разработку своих стандартов, но пока полного замещения не произошло.

Европейский союз является мировым законодателем стандартов в области безопасности и экологии (*GDPR*, *RoHS*, *USB-C* как единый стандарт зарядки)². Однако почти вся «цифра» Европы работает на американских платформах. Чтобы защитить свой суверенитет, ЕС вводит стандарты (например, *Digital Markets Act*)³, которые обязывают американские компании подчиняться европейским законам, но пока что это не создает европейских технологических гигантов.

Наиболее уязвим суверенитет стран – экспортеров сырья. Например, ОАЭ и Саудовская Аравия полностью зависят от импорта технологий, вооружений, станков и потребительских товаров, поэтому сейчас форсируют программы диверсификации.

Перекрытие Ормузского пролива в 2026 г. стало критическим моментом для глобальной экономики. Оно продемонстрировало хрупкость морских коммуникаций и показало, что технологический суверенитет в военной сфере (у Ирана) может напрямую влиять на энергетическую безопасность гигантов (Индия, Китай) и заставлять западные страны (США) временно отказываться от своих санкционных принципов.

Для России, испытывающей давление технологической изоляции, формирование собственной научно-производственной базы стало условием сохранения экономической независимости. При этом в научной литературе сложилось понимание того, что технологический суверенитет не тождествен понятию автаркии или тотального импортозамещения. Напротив, в условиях сохраняющейся глобальной взаимозависимости речь идет о способности государства контролировать критические точки технологических связей, влиять на правила и стандарты международного взаимодействия и выстраивать систему стратегических партнерств, исключая одностороннюю структурную зависимость.

Цель данной статьи – на основе анализа различных подходов к пониманию концепции технологического суверенитета предложить интегральный алгоритм определения и оценки данного феномена.

Соответственно, логика изложения материала выстроена следующим образом:

- обзор научных исследований, посвященных проблеме понимания и обеспечения технологического суверенитета;
- выделение ключевых компонент, формирующих технологический суверенитет государства (группы стран);
- обсуждение содержания каждой компоненты;
- выработка предложений по формированию интегральной оценки технологического суверенитета.

¹ Спутниковый интернет и *Beidou*: Китай делает ставку на глобальную связь. Китай сегодня, 22 октября 2025. <https://prc.today/sputnikovyj-internet-i-beidou-kitaj-delaet-stavku-na-globalnuyu-svyaz/> (дата обращения: 06.08.2026).

² В ЕС вступил в силу стандарт о едином разьеме зарядки для смартфонов. Технологии и медиа, 28 декабря 2024. https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/12/2024/676f5bb59a7947ea11c4ae70 (дата обращения: 06.08.2026).

³ Соловьева Н. (2026). Цифровые технологии как поле битвы между США и ЕС. Журнал IT News, № 04. <https://www.it-world.ru/it-news/psglcn5mqqswwg48w0w0wkgokg4o4o4.html> (дата обращения: 06.08.2026).

Технологический суверенитет: подходы к пониманию

Истоки современной дискуссии о технологическом суверенитете (ТС) восходят к 1970–1980-м гг., когда проблема технологической зависимости стала осознаваться как фактор национальной безопасности. Ключевой фигурой в формировании теоретического фундамента этого концепта выступил П. Грант, который в 1983 г. предложил одно из первых определений технологического суверенитета, трактуя его как способность и свободу выбора для создания или приобретения, а также применения, развития и использования в коммерческих целях технологий, необходимых для промышленных инноваций (Grant, 1983). Принципиально важным вкладом Гранта стало выделение двух составляющих: суверенитет как «свобода выбора» и суверенитет как «коммерческая реализация», что заложило основы для последующего отказа от упрощенного понимания суверенитета как технологической автаркии.

В европейской исследовательской традиции наиболее общий подход к исследованию ТС представлен в работах Я. Эдлера и его коллег из Фраунгоферовского института системных и инновационных исследований. В докладе *«Technology sovereignty. From demand to concept»* исследователи определяют технологический суверенитет как способность государства или федерации государств располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, а также как возможность разрабатывать их или получать от экономик других стран без «односторонней структурной зависимости» (Edler et al., 2020). В более поздней работе Эдлер с соавторами развивают эту мысль, определяя технологический суверенитет уже как неотъемлемый элемент современной политики, который включает не только обеспечение доступа к технологиям, но и способность влиять на стандарты, ценности и этические нормы, заложенные в их развитие (Edler et al., 2023).

В российской научной литературе общий подход к изучению технологического суверенитета предлагает С.А. Афонцев (2024), который анализирует «родовое» для ТС понятие экономического суверенитета. Он выделяет четыре направления исследований экономического суверенитета: (1) вклад экономических факторов в обеспечение национального суверенитета; (2) автономия национальной экономической политики; (3) самостоятельность в достижении целей развития («суверенное развитие»); (4) способность противостоять негативным внешним шокам. Важный вывод Афонцева состоит в том, что эти направления крайне неравномерно проработаны теоретически. Наиболее прочную базу имеет изучение автономии экономической политики, тогда как изучение вклада экономических факторов в национальный суверенитет и противостояние шокам остаются преимущественно эмпирическими.

Э.Г. Соловьев (2024), изучающий эволюцию понятия суверенитета (от Ж. Бодена и Т. Гоббса к К. Шмитту), предостерегает от механического переноса политического термина в экономику и отмечает, что экономическая составляющая изначально присутствовала в данном понятии – любое государство определяет правила функционирования национальной экономики и собирает налоги. Соловьев сводит дискуссию к двум опорным категориям – независимости и контролю. Для развивающихся стран независимость означает, прежде всего, возврат контроля над собственными ресурсами, тогда как развитые страны озабочены контролем над процессами и ресурсами на глобальной арене.

Е.А. Капогузов и А.М. Пахалов (2024) отмечают важное содержательное разграничение, восходящее к работам международного коллектива авторов (Bellanova et al., 2022): различие между суверенитетом над технологиями (развитие собственных технологий и контроль над ними) и суверенитетом посредством технологий (использование технологий для поддержания национальной безопасности). По их мнению, это различие объясняет, почему споры о ТС нередко идут «мимо друг друга»: исследователи говорят о разных предметах – об источнике технологий или об их применении. Отдельный интерес представляет проведенный авторами опрос российских академических экспертов. Ответы экспертов представляют весь спектр позиций – от понимания ТС как способности решать внутренние проблемы собственными силами до трактовки его как контроля над «стабильностью цепочки» и разработкой НИОКР следующего цикла. Показательно, что ряд экспертов вообще сомневается в осмысленности выделения ТС отдельно от суверенитета вообще, но почти все сходятся в отрицании полной автаркии.

Е.Б. Ленчук (2024) отмечает, что в российских нормативных документах также нет единства в понимании ТС. В них закреплены три разных определения ТС: в «Концепции технологического развития до 2030 г.» – через наличие в стране критических и сквозных технологий; в обновленной «Стратегии научно-технологического развития» – через способность государства создавать и применять наукоемкие технологии; в проекте закона о технологической политике – через независимость. Ключевые слова «наличие», «способность» и «независимость» имеют разное содержательное наполнение и предполагают разные механизмы достижения, что затрудняет формирование согласованной политики.

Ленчук добавляет еще один нюанс – рассогласование уровней целеполагания: Стратегия и Концепция ориентированы на технологический суверенитет, тогда как Указ Президента РФ № 309 закрепляет в качестве цели «технологическое лидерство». Хотя лидерство можно считать целью более высокого порядка, оно во многом декларативно, поскольку отставание во многих отраслях не может быть преодолено к 2036 г.; реалистично говорить о лидерстве лишь по отдельным направлениям. Институты же, необходимые для суверенитета и для лидерства, различаются – как различаются институты догоняющего и опережающего развития.

А.А. Афанасьев (2022) отмечает, что критерием достижения технологического суверенитета является устойчивое состояние экономической системы, при котором обеспечивается возможность беспрепятственного использования в критически важных сферах необходимых современных технологий, а также существует ресурсообеспеченная способность их воспроизводства. Капогузов и Пахалов через подход К. Марч и И. Шифердекера определяют ТС как способность, а не самодостаточность (*sovereignty as ability, not autarky*), подчеркивая важность кооперативных усилий (Капогузов, Пахалов, 2024). Е.Б. Ленчук настаивает на «широком толковании»: ТС – это способность относительно самостоятельно создавать критические и сквозные технологии, причем акцент делается именно на слове «способность» как на динамическом, перманентном процессе движения, а не на достижении конечного состояния (Ленчук, 2024).

Несколько иной подход содержится в работах С.Ю. Глазьева, который увязывает технологический суверенитет со способностью государства проводить самостоятельную промышленную и научно-техническую политику, направленную на опережающее развитие ключевых направлений шестого технологического уклада (Глазьев, 2018). Важным в его рассуждениях является тезис о том, что без финансового суверенитета технологический суверенитет в принципе недостижим.

Наиболее развернутую адаптацию концепции ТС к новым реалиям предлагают И.В. Данилин и Е.А. Сидорова (2024), прослеживающие эволюцию концепта от защитной функции к более сложной индустриальной модели и далее – к «открытой» модели, базирующейся на выстраивании системы стратегических партнерств и «конкурентного сотрудничества». Е.В. Потапцева и В.В. Акбердина представляют сравнительный анализ существующих концепций ТС (Потапцева, Акбердина, 2023), а эмпирическое исследование Е.А. Капогузова и А.М. Пахалова (2024) фиксирует, что среди российских экспертов доминирует установка на повышение национального контроля над ключевыми технологиями при сохранении международных экономических связей.

Здесь обнаруживается важный аспект дискуссии – мера допустимой взаимозависимости. В.Е. Дементьев (2023) формулирует его как «парадокс суверенитета»: свобода торговли ведет к технологическому суверенитету, который призван ограничить свободу торговли. Опираясь на расчеты по модели *METRO* (ОЭСР), В.Е. Дементьев показывает, что переход к локализованному режиму снижает глобальное благосостояние и ВВП в среднем более чем на 5%, а высокий уровень внешнеторговой активности сам по себе не гарантирует устойчивости к шокам. Отсюда его рекомендация: широкая диверсификация внешнеэкономических связей плюс поддержание потенциала импортозамещения именно по тем звеньям, сбой в которых дает сильный «веерный эффект» на национальные производственные цепочки.

На основе систематизации и обобщения рассмотренных теоретических подходов авторами данной статьи предлагается подход к структурированию понятия технологического суверенитета на основе выделения пяти ключевых содержательных компонент. Предлагаемая декомпозиция отражает многомерную природу технологического суверенитета и показывает, что его достижение требует одновременных усилий по нескольким направлениям, которые не сводимы друг к другу (табл. 1).

Таблица 1

Содержательные компоненты технологического суверенитета

№	Содержание понятия	Целевые установки
1	Обладание критическими технологиями	• обеспечение обороноспособности страны; • обеспечение социально-экономического развития страны (продовольственная, экологическая, инфраструктурная безопасность); • элиминирование риска попадания в зависимость от разработчиков новых технологий; • институциональная самостоятельность (независимость от чужих норм и стандартов); • патентная защита
2	Лидерство в новых технологиях широкого применения (ТШП)	• технологическое доминирование; • опережение в НИОКР; • возможность контроля над контрагентами
3	Независимость от импорта	• снижение зависимости экономического развития от импорта; • снижение уровня концентрации импорта; • снижение объемов и долей импорта из недружественных стран; • снижение критического импорта (товары, не имеющие отечественных аналогов)
4	Независимость в цепочках поставок	• исключение возможности блокады при поставке сырья, материалов, комплектующих и полуфабрикатов; • ослабление угрозы ценового давления и навязывания стратегических целей; • ослабление риска навязывания чужих правил взаимодействия
5	Динамическая устойчивость	• возможность поддержания основных экономических индикаторов в условиях внешних шоков; • обеспечение стабильной траектории развития в выбранном направлении

Источник: составлено авторами.

Первая компонента – обладание критическими технологиями – закладывает фундамент всей конструкции суверенитета. Государство должно располагать собственными компетенциями для того, чтобы разрабатывать и выпускать стратегически значимую продукцию. Здесь важна не только патентная защита или задачи обеспечения обороноспособности. Не менее существенна институциональная составляющая: кто задает правила и стандарты, тот и контролирует рынок. Отдельного внимания заслуживает проблема так называемого «технологического замка»: в цифровой сфере привязка к иностранному поставщику обновлений и сервиса порождает устойчивую зависимость, выход из которой сопряжен с масштабными затратами.

Вторая компонента – лидерство в технологиях широкого применения (ТШП) – тесно примыкает к первой. Речь идет об искусственном интеллекте, квантовых вычислениях, биотехнологиях – направлениях, способных одновременно перестраивать сразу несколько секторов экономики. Государство, занимающее передовые позиции в ТШП, выигрывает дважды: и через экспортный потенциал, и через право задавать глобальные стандарты.

Третья компонента – независимость от импорта – переводит проблему в плоскость конкретных количественно измеримых ориентиров. Среди них: сокращение удельного веса импорта во внутреннем и промежуточном потреблении, диверсификация географии закупок, уменьшение объемов ввоза из стран, проводящих недружественную политику, и что, пожалуй, труднее всего – замещение тех товарных позиций, у которых пока отсутствуют отечественные аналоги.

Четвертая компонента связана с независимостью в цепочках поставок. Суть проблемы состоит в том, что собственные технологические разработки еще не гарантируют защищенности: страна остается уязвимой до тех пор, пока критически зависит от ввоза сырья, комплектующих, полуфабрикатов. Опыт геополитических столкновений последнего десятилетия убедительно показал: блокировка поставок способна тормозить работу целых отраслей.

Пятая компонента – динамическая устойчивость – носит интегральный характер. Ее содержание сводится к вопросу: насколько экономика в состоянии удерживать ключевые макроэкономические параметры при воздействии внешних шоков? В отличие от предыдущих компонент, которые фиксируют текущее состояние, динамическая устойчивость вводит в анализ временную ось и выделяет адаптационный потенциал – иными словами, важно не только то, чем система располагает, но и то, как быстро она перестраивается.

Новизна предлагаемого нами подхода заключается в утверждении, что ни одна из названных компонент, взятая изолированно, не обеспечивает суверенитета. Допустим, страна располагает собственными критическими технологиями, однако ее производство парализовано из-за сбоев в поставках импортных комплектующих. Или другой сценарий: импортозависимость невелика, но технологии стремительно устаревают на фоне отставания в ТШП, и через пять–семь лет страна рискует утратить завоеванные позиции.

Рассмотрим каждую из компонент более подробно.

Обладание критическими технологиями

Обладание критическими технологиями является базовой компонентой технологического суверенитета, создающей основу всей его конструкции. Под критическими технологиями понимается совокупность разработок, от которых напрямую зависит способность государства решать стратегически значимые задачи – от обеспечения обороноспособности до поддержания социально-экономической устойчивости. Анализ современной литературы позволяет выделить три основных теоретических подхода к определению данной категории, которые не столько противостоят друг другу, сколько дополняют один другой, высвечивая различные грани этого сложного феномена.

Техносистемный подход рассматривает технологию как элемент более широкой системы. С этой точки зрения критической является та технология, которая играет главенствующую, связующую или направляющую роль в системе, обеспечивая ее жизнеспособность и развитие. Б. Карлссон и Р. Станкевич в работе о технологических системах определяют ключевую технологию как технологию, которая занимает центральное место в технологической системе и обеспечивает обладание контролем над ней (Carlsson, Stankiewicz, 1991: 94). Этот подход важен для понимания рисков: потеря или недоступность этой связующей технологии может парализовать всю систему.

Подход с точки зрения технологического уровня обращает внимание на новизну и передовой характер технологии. С этой позиции критические технологии определяются как наиболее передовые, инновационные, прорывные разработки, которые обеспечивают стране технологическое лидерство. Дж. Доси в своей концепции технологических парадигм отмечает, что прорывные технологии – это новые или находящиеся на стадии развития технологии с высоким потенциалом конвергенции и реконфигурации (Dosi, 1982: 152). Этот подход доминирует в стратегиях стран – технологических лидеров, стремящихся сохранить свое первенство.

В рамках *функционального подхода* делается упор на роли технологии в решении социально-экономических задач. С этой точки зрения критическими признаются технологии, обладающие широким спектром применения; они способствуют развитию многих отраслей, повышают качество жизни населения и укрепляют национальную безопасность (Freeman, Soete, 2012). Здесь важно отметить разницу в акцентах для разных стран. Для США на первом месте стоит экономическое процветание и национальная безопасность. Для ЕС – «повышение конкурентоспособности промышленности, качества жизни, занятости и социальной сплоченности»⁴. Для России – «обеспечение обороны страны и безопасности государства, социально-экономическое развитие»⁵.

В литературе традиционно выделяются два основных подхода к выявлению критических технологий: экспертный (качественный) и количественный. На практике эти подходы обычно комбинируются.

⁴ Commission recommendation of 03 October 2023 on critical technology areas for the EU's economic security for further risk assessment with Member States. https://defence-industry-space.ec.europa.eu/commission-recommendation-03-october-2023-critical-technology-areas-eus-economic-security-further_en (дата обращения: 06.08.2026).

⁵ Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/ (дата обращения: 06.08.2026).

Экспертные методы являются исторически первыми и наиболее распространенными. Они включают проведение опросов, организацию стратегических сессий с участием ведущих ученых, представителей промышленности, органов государственного управления, а также анализ форсайт-ных отчетов. Сильной стороной этих методов является возможность учесть неформализуемые факторы и «неявное знание» экспертов. Слабой стороной – субъективность, подверженность групповому мышлению и инерционность (эксперты часто ориентированы на уже существующие тренды).

Количественные методы включают анализ больших массивов данных, прежде всего патентной и публикационной активности. Развитие этих методов связано с доступностью баз данных и совершенствованием инструментов анализа.

Особого внимания заслуживает вопрос соотношения критических технологий со связанной, но не тождественной им категорией – технологиями широкого применения (ТШП). Критическая технология определяется с позиции национального государства: критичной признается та разработка, без которой страна теряет способность решать задачи обороны, безопасности или устойчивого социально-экономического развития, причем вне зависимости от того, насколько узкой или специализированной является сама технология. ТШП, напротив, характеризуются универсальностью воздействия и сквозным охватом множества секторов экономики; именно такими свойствами в разные исторические периоды обладали паровая машина, электричество, вычислительная техника, а в настоящее время – искусственный интеллект, квантовые вычисления и биотехнологии.

Лидерство в новых технологиях широкого применения

Технологии широкого применения (ТШП) представляют собой технологии, оказывающие прорывное и широкомасштабное влияние на экономику. Теоретический фундамент данной концепции был заложен в работах Т. Бреснахана и М. Трахтенберга, которые ввели этот термин для объяснения механизмов долгосрочного экономического роста, не укладывавшихся в рамки стандартных неоклассических моделей (Bresnahan, Trajtenberg, 1995: 84). Согласно их трактовке, ТШП – это не просто инновация, а «двигатель роста», обладающий тремя ключевыми характеристиками: повсеместностью (способностью проникать практически во все секторы экономики – от сельского хозяйства до высокотехнологичных услуг), техническим динамизмом (непрерывным снижением стоимости единицы полезного эффекта при одновременном росте качественных характеристик самой технологии) и инновационной комплементарностью (способностью стимулировать волну вторичных инноваций в отраслях-пользователях).

Можно выделить три принципиальных различия между критическими технологиями и ТШП.

1. Различие в масштабе: критической может быть и сугубо узкоспециализированная разработка (например, отдельный класс радиационно стойких микросхем или специфические катализаторы для нефтехимии), тогда как ТШП по определению имеет общеэкономический, сквозной характер.

2. Различие в критерии отнесения: критичность задается стратегической уязвимостью и рисками зависимости, широта применения – свойствами самой технологии.

3. Различие в динамике: состав критических технологий периодически пересматривается и закрепляется нормативно, отражая подвижность геополитического контекста, тогда как статус ТШП подтверждается многолетним ходом экономического развития и сохраняется десятилетиями.

Вместе с тем обе категории во многом пересекаются: часть современных ТШП – прежде всего искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотехнологии – одновременно признается критическими технологиями в стратегических документах ведущих стран.

При рассмотрении взаимосвязи лидерства в ТШП и технологического суверенитета закономерно возникает вопрос: в какой мере эти две задачи дополняют друг друга? Систематизация существующих аргументов позволяет выделить два ключевых направления, по которым лидерство в ТШП напрямую усиливает суверенитет.

Обеспечение безопасности и независимости. Если страна лидирует в критичных ТШП, она самостоятельно управляет технологическими стандартами и цепочками поставок. Это снижает риски геополитического шантажа и технологической блокировки.

ТС как инструмент достижения взаимной зависимости. Развитие собственных критических технологий может позволить стране перейти от односторонней зависимости к взаимной.

Когда государство достигает суверенитета в определенном узле ТШП (например, в производстве фотолитографического оборудования или специфических материалов), оно – в некоторых случаях – может стать незаменимым партнером (Tagliapietra, Veugelers, 2023).

Сказанное подтверждается конкретными примерами государственной политики, направленной на развитие различных ТШП.

Искусственный интеллект – стратегия Китая. В 2017 г. в КНР была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, предусматривающая крупные государственные инвестиции и планы целевой поддержки так называемых «китайских чемпионов». К настоящему моменту результаты ее реализации оцениваются неоднозначно: хотя китайские компании и занимают лидирующие позиции в отдельных ИИ-сегментах, недавний анализ рейтингов и патентных данных не обнаруживает уверенного преимущества по производительности даже у фирм, поддерживаемых в рамках китайских ИИ-инициатив. Тем самым окончательные выводы о долгосрочной эффективности данной модели делать пока преждевременно.

Квантовые вычисления – национальные инициативы США и ЕС. В 2018 г. в США был принят Закон о Национальной квантовой инициативе с финансированием порядка 1,2 млрд долл.; практически одновременно в ЕС стартовал Евроквантовый флагман объемом около 1 млрд евро на десятилетний период. Публикуемых эмпирических исследований эффективности этих программ пока немного, однако общие оценки показывают, что более системный подход, реализуемый в США через связку *DARPA*, *NSF* и университетских центров, обеспечивает лучшие возможности для масштабирования, более высокую патентную активность и более эффективную кооперацию с академическими лабораториями, что и позволяет формировать конкурентоспособные кластеры.

Независимость от импорта

Характер и глубина внешней зависимости заметно различаются в разных группах стран, и без учета этой неоднородности применение общих количественных метрик может привести к упущению содержательной составляющей.

Страны с развитой экономикой – США, страны ЕС, Великобритания, Япония, – на первый взгляд выступающие безусловными технологическими лидерами, в действительности сохраняют значительную уязвимость сразу по нескольким направлениям. Первое из них – поставки редкоземельных металлов и критического сырья, необходимых для производства высокотехнологичной продукции (электромоторов, лазеров, аккумуляторов, дисплеев): КНР контролирует более 60% мировой добычи и порядка 85–90% переработки редкоземельных элементов⁶. Второе направление – фармацевтические субстанции: США и Европа существенно зависят от Индии и Китая в поставках активных фармацевтических ингредиентов, необходимых для производства жизненно важных лекарств⁷. Третье – специализированные компоненты: даже выпуская сложную технику, эти страны опираются на субпоставщиков из других юрисдикций, и тайваньская *TSMC*, изготавливающая чипы для американских *Apple* и *NVIDIA*, а также для европейских автоконцернов, служит лишь наиболее известным примером⁸.

Китай, настойчиво продвигающий курс на полный технологический суверенитет в рамках программы *Made in China 2025*, все еще сохраняет уязвимость в отдельных отраслях. В сегменте высокотехнологичных полупроводников и соответствующего оборудования страна пока не способна самостоятельно производить передовые литографические машины и сложные микрочипы, оставаясь зависимой от японских и американских материалов и программного обеспечения⁹. В гражданской авиации, несмотря на заметные успехи, Китай по-прежнему вынужден закупать

⁶ Целунов А. (2025). Редкоземельные металлы: что это, свойства, где добываются. РБК, 27 февраля 2025. <https://www.rbc.ru/base/27/02/2025/67bdf4209a79475fb7fdf8bc> (дата обращения: 06.08.2026).

⁷ СМИ рассказали о «крайней зависимости» США от импорта лекарств. Прайм, 22 июля 2025. <https://1prime.ru/20250722/ssh-859797664.html> (дата обращения: 06.08.2026).

⁸ Разин А. (2026). В этом году Apple закупит у TSMC более 100 млн чипов американского происхождения. 3D News, 24 февраля. <https://3dnews.ru/1137312/v-etom-godu-apple-zakupit-u-tsmc-bolee-100-mln-chipov-amerikanskogo-proishogdeniya> (дата обращения: 06.08.2026).

⁹ Ефремов Г. (2026). Китай расписался в полном неумении. Их литографы – «небольшие и слабые» в сравнении с ASML. Cnews, 6 марта. https://www.cnews.ru/news/top/2026-03-06_kitaj_raspisalsya_v_svoem (дата обращения: 06.08.2026).

двигатели и воздушные суда у *Airbus* и *Boeing* либо опираться на совместные разработки с Россией и Францией¹⁰. Наконец, при значительной ресурсной обеспеченности страна выступает крупнейшим в мире импортером железной руды (из Австралии и Бразилии) и меди¹¹.

Для России проблема импортной зависимости резко обострилась в условиях санкционного давления, причем наибольшие риски концентрируются в нескольких ключевых направлениях. В станкостроении и тяжелом машиностроении сохраняется высокая зависимость от поставок высокоточных станков из Европы и Японии, а процесс их замещения идет медленно¹². В микроэлектронике и элементной базе зависимость фактически носит тотальный характер: импортируются чипы, процессоры и контроллеры в том числе из Китая, который, в свою очередь, зависит от западных технологий.

Макроэкономические показатели импортозависимости представляют собой наиболее традиционный и широко используемый инструмент оценки технологической зависимости. Базовым показателем выступает доля импорта в общем объеме внутреннего потребления продукции соответствующей отрасли, рассчитываемая как отношение объема импорта к сумме внутреннего производства и импорта за вычетом экспорта. Разновидностью этого показателя является коэффициент импортной зависимости производственного процесса, определяемый через расходы предприятий на импортные сырье, материалы и покупные изделия. Дополнительным показателем служит доля промежуточных товаров в структуре импорта, отражающая степень зависимости производственного процесса от иностранных поставщиков комплектующих и полуфабрикатов (табл. 2).

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели импортозависимости

Показатель	Формула расчета
Доля импорта во внутреннем потреблении	Импорт / (Производство + Импорт – Экспорт)
Доля промежуточного импорта в производстве	Импорт промежуточных товаров / Валовой выпуск
Доля импорта из санкционных стран	Импорт из стран – инициаторов санкций / Общий импорт
Концентрация импорта по странам (индекс Херфиндаля – Хиршмана)	$HHI = \sum (si)^2$, где si – доля i -й страны в импорте

Источник: составлено авторами.

Показатели зависимости от критического импорта занимают в системе оценки технологического суверенитета особое место. Под критическим импортом понимаются те товары и технологии, которым на внутреннем рынке пока нет замены, притом что без них невозможна нормальная работа стратегических отраслей. Какие индикаторы тут релевантны? Во-первых, удельный вес компонентов, лишенных отечественных аналогов. Во-вторых, индекс концентрации стран-поставщиков (HHI), показывающий, насколько географически «узок» круг источников. В-третьих, срок замещения – экспертная оценка того, сколько времени потребуется для налаживания собственного производства.

Независимость в цепочках поставок

Общую оценку зависимости экономики конкретной страны от импорта необходимо дополнить анализом зависимости национальных компаний в цепочках поставок. Отличие между двумя понятиями проходит по оси конкретизации уязвимых точек взаимодействия. Если оценка зависимости от импорта позволяет нам видеть общие товарные группы (например, станки или микроэлектроника), то оценка зависимости глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) дает нам

¹⁰ Правительственные лица Китая рассматривают возможность обращения к *Airbus* с просьбой о поставке любых новых самолетов с дополнительным комплектом двигателей. Т-Банк, 16 апреля 2025. <https://www.tbank.ru/invest/social/profile/Redhead83/5cda5b3a-4e94-4bf5-ae5d-bfa5d1636b2a/?author=profile> (дата обращения: 06.08.2026).

¹¹ Будрис А. (2025). Искусство балансировать: почему при избытке стали Китай запускает новое месторождение. Forbes, 3 декабря. <https://www.forbes.ru/biznes/550597-iskusstvo-balansirovat-pocemu-pri-izbytkе-stali-kitaj-zapuskаet-novoe-mestorozdenie> (дата обращения: 06.08.2026).

¹² Тимонова А. (2025). Анализ рынка промышленного оборудования России. WebCanape, 19 августа. https://www.web-canape.ru/business/analiz-rynka-promyshlennogo-oborudovaniya-rossii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 06.08.2026).

возможность выявить конкретные критические компоненты, отсутствие или нехватка которых способна парализовать работу производителей конечной продукции.

В последние десятилетия ГЦСС стали доминирующей формой организации международного производства. Однако участие в них – особенно на этапах финальной сборки или первичной переработки – связано с риском формирования структурной зависимости от импорта критических промежуточных товаров.

В исследовании А. Берту, А. Харамбура, Л. Самек¹³ представлен методологический инструментарий для анализа зависимости в производственных цепочках. Авторы показывают, что уязвимость определяется не только долей импорта, но и географической концентрацией поставщиков, отсутствием близких заменителей. Это позволяет определять критические точки зависимости на уровне конкретных товарных позиций и оценивать вероятность возможной блокады при поставке сырья, материалов, комплектующих и полуфабрикатов в рамках производственной цепочки.

Например, китайские фирмы в высокотехнологичных отраслях, таких как электроника, автомобилестроение, демонстрируют чрезмерную зависимость от импортных высококачественных компонентов из развитых стран (США, Германия, Япония, Южная Корея). Это напрямую связано с их позиционированием в ГЦСС на этапах сборки и производства компонентов среднего технологического уровня. Развитые страны, удерживая контроль над высокотехнологичными сегментами цепочки, создают для китайских фирм своего рода «ловушку», при которой доступ к передовым компонентам обусловлен сохранением позиции на этапах ГЦСС с низкой добавленной стоимостью. В итоге импортная зависимость превращается в механизм блокировки технологической модернизации.

Пример Европейского союза демонстрирует, каким образом включение в ГЦСС способно усиливать внешнюю зависимость, не приводя к пропорциональному росту добавленной стоимости. В периферийных странах ЕС, в отличие от государств ядра, это включение нередко сопровождается опережающим ростом импорта промежуточных товаров по сравнению с экспортом конечной продукции, что порождает структурную зависимость и торговый дисбаланс.

Третий характерный пример – уже упомянутая выше зависимость ЕС и США от промежуточных продуктов на основе редкоземельных элементов – иллюстрирует ситуацию, когда уязвимость возникает не на уровне отдельной страны, а на уровне целых технологических блоков, глубоко интегрированных в глобальные производственные сети.

Таким образом, можно выделить следующие сценарии, когда участие в ГЦСС создает или усугубляет зависимость от поставок:

1. Технологическая блокировка (Китай). Высокотехнологичные компоненты становятся инструментом удержания в нижней части цепочки.
2. Структурный дисбаланс (Португалия). Рост импорта промежуточных товаров обгоняет экспортные возможности, формируя «долговую» модель участия.
3. Уязвимость на средних этапах (США и ЕС). Критическая зависимость возникает не от сырья, а от специфических полуфабрикатов и комплектующих, производство которых высококонцентрировано.

В качестве отечественных примеров можно привести авиастроение. Российская гражданская авиационная промышленность (программы МС-21 и *Sukhoi Superjet 100*) изначально проектировалась и развивалась в рамках глобальной цепочки создания стоимости с широкой международной кооперацией. Критически значимые системы – композитные материалы, авионика, электроснабжение, кабельные сети, силовые агрегаты – поставлялись зарубежными компаниями¹⁴.

Однако в отечественной практике существуют и положительные примеры.

Российская атомная энергетика представляет собой пример отрасли, где страна не только полностью независима от импорта критических технологий и комплектующих, но и занимает доминирующее положение в ГЦСС. Россия контролирует всю цепочку создания стоимости в

¹³ Berthou, A., Haramboure, A., Samek, L. (2024). Mapping and testing product-level vulnerabilities in granular production networks. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/03/mapping-and-testing-product-level-vulnerabilities-in-granular-production-networks_91a48a30/9bcde495-en.pdf (дата обращения: 06.08.2026).

¹⁴ МС-21 – дайджест за август-2025. Авиация России, 1 сентября 2025. <https://aviation21.ru/ms-21-dajdzhest-za-avgust-2025/> (дата обращения: 06.08.2026).

атомной энергетике – от добычи и обогащения урана до проектирования, строительства АЭС, производства топлива и утилизации отработанного ядерного топлива.

Помимо ядерной энергетике, к числу направлений, где Россия должна удерживать мировое лидерство, следует отнести гидроэнергетику, гиперзвуковые технологии и ПВО. Созданы уникальные реакторы на быстрых нейтронах и плавучая АЭС «Академик Ломоносов»¹⁵, не имеющие мировых аналогов.

Выступая разработчиком уникальных технологий в этих областях, Россия фактически задает технические стандарты, которым вынуждены следовать остальные участники.

Динамическая устойчивость

Технологический суверенитет государства формируется не только за счет критических технологий и широкого спектра собственных производственных возможностей, но и благодаря способности экономической системы выдерживать внешние шоки. Эта характеристика, обозначаемая в теории как динамическая устойчивость, выступает одним из результирующих компонентов суверенитета. В отличие от простой стабильности, динамическая устойчивость предполагает не пассивное сопротивление, а активную адаптацию к изменяющимся условиям.

В отечественной литературе сформировалось несколько трактовок устойчивости, по-разному расставляющих смысловые акценты. О.В. Афанасьева (2007) определяет ее через возврат к равновесию: устойчивая система – та, которая после внешнего или внутреннего возмущения способна вернуться в исходное равновесное состояние. А.И. Муравых (2000: 10) смещает акцент в сторону противодействия разрушению, понимаемому как распад системы на части, неспособные обеспечивать достижение ее целевой установки. В работах Л.В. Тургановой, О.Ю. Савенковой и Н.С. Морозовой (2014) устойчивость связывается уже не со статичным состоянием равновесия, а с траекторным движением: она трактуется как способность системы поддерживать заданный режим функционирования вопреки «возбуждающим влияниям».

Принципиальное методологическое значение имеет разграничение статической и динамической устойчивости системы. Н.М. Петрищенко (2014) связывает статическую устойчивость с фактической стагнацией – удержанием индикаторов состояния примерно на одном уровне, – тогда как динамическая устойчивость рассматривается как позитивное развитие, проявляющееся в улучшении ключевых характеристик системы.

Своеобразный мост между теоретической дискуссией и количественной оценкой выстраивает Н.К. Васильева (2007). В ее трактовке статическая устойчивость означает свойство индикаторов состояния социально-экономической системы слабо отклоняться от своих трендовых траекторий, тогда как динамическая – их способность стремиться к этим траекториям непосредственно в процессе развития. Колеблемость и устойчивость при этом рассматриваются как противоположные по экономическому содержанию категории: с ростом колеблемости устойчивость снижается, и наоборот. Соответственно, автор группирует ключевые индикаторы устойчивости по трем направлениям:

- показатели устойчивости уровня (абсолютная колеблемость; относительная колеблемость; размах колебаний уровней; коэффициент устойчивости);
- показатели устойчивости роста (коэффициент устойчивости роста; доля положительных или отрицательных изменений в общем числе цепных абсолютных изменений; коэффициент устойчивости изменений);
- показатели устойчивости тенденции (критерии устойчивости уровней).

Динамическую устойчивость можно измерять как показателями стабильности (колеблемости) ключевых индикаторов развития, так и скоростью перестройки. Применительно к экономике конкретной страны базовым индикатором ее динамической устойчивости выступают динамика и волатильность валового внутреннего продукта (ВВП). Такой выбор закономерен: именно от роста ВВП зависит реализация подавляющего большинства целей развития, включая повышение благосостояния населения.

¹⁵ От локализации к технологическому суверенитету: экспертный доклад. Национальные проекты РФ, 17 ноября 2025. <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/ot-lokalizatsii-k-tekhnologicheskomu-suverenitetu-ekspertnyy-doklad/> (дата обращения: 06.08.2026).

Конфигурация системы и подходы к измерению

Исходя из вышесказанного можно определить понятие технологический суверенитет следующим образом – способность страны обеспечивать свою социально-экономическую и оборонную безопасность в условиях турбулентности, используя технологии и ресурсы, которые не могут быть заблокированы, отозваны или ухудшены внешними акторами.

Графически соотношение выделенных нами компонент может быть представлено в виде симбиоза «русской матрешки» (вложенные множества) и диаграммы Венна (пересекающиеся множества) (рис.).

1. *Первое ядро матрешки – обладание критическими технологиями.* Базовый элемент, в отсутствие которого суверенитет невозможен в принципе. При этом сами технологии могут быть получены разными путями, в том числе с помощью «обратного инжиниринга».

2. *Второе ядро матрешки – независимость в цепочках поставок.* Здесь внимание акцентируется на наиболее уязвимых звеньях в обеспечении международного сотрудничества. Независимость в цепочках поставок не требует локализации ГЦСС – речь идет о возможности их реконфигурации. Импорт возможен, но через контролируемых агентов.

3. *Метаслой матрешки – динамическая устойчивость.* Речь идет о способности эволюционировать. Динамическая устойчивость опирается не только на обладание критическими технологиями и возможность переформатирования цепочек поставок, но и на институциональную инфраструктуру, а также организационные, кадровые и энергетические резервы. Это условие можно назвать критерием качества суверенитета.

4. *Пересекающееся множество 1 – независимость от импорта.* Не равносильна автаркии. Данное условие может быть реализовано через расширение возможности выбора. Независимость от импорта – более общее условие и более грубая метрика, чем независимость в цепочках поставок.

5. *Пересекающееся множество 2 – лидерство в ТШП.* Множество, которое пересекается с уже описанными, но не охватывает их полностью. Лидерство в ТШП возможно без полной независимости от импорта (США лидируют в ИИ, но импортируют редкоземельные металлы).

Соответственно, три первых условия – обладание критическими технологиями, независимость в цепочках поставок и динамическая устойчивость – образуют малый контур технологического суверенитета (обязательные компоненты), а два последних – независимость от импорта и обладание ТШП – добавляются в большой контур, который обрисовывает абсолютный технологический суверенитет.

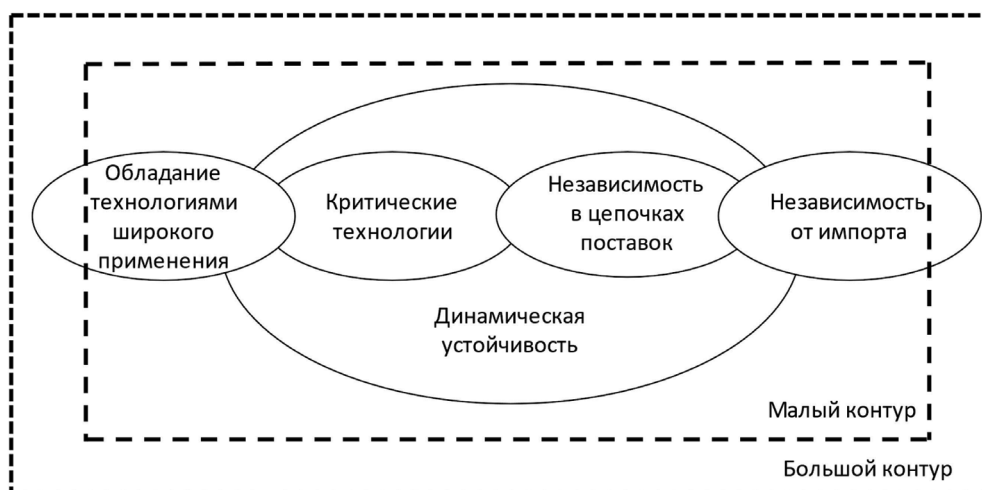

Рис. Контуры и конфигурация технологического суверенитета

Источник: составлено авторами.

Исходя из приведенных рассуждений технологический суверенитет можно рассматривать как двухуровневое понятие. Необходимыми условиями существования технологического суверенитета в узком понимании этого феномена выступают: обладание критическими технологиями,

независимость в цепочках поставок и динамическая устойчивость. В более широкой трактовке в качестве дополнительных условий абсолютного технологического суверенитета добавляются независимость от импорта и лидерство в ТШП.

Если говорить об измерении технологического суверенитета, то математическая метрика узкого подхода может быть представлена вектором в трехмерном пространстве, а математическая метрика широкого подхода – вектором в пятимерном пространстве.

Соответственно, метрики технологического суверенитета имеют вид:

$$\begin{aligned} TC &= \{A_1; A_2; A_3\} \\ ATC &= \{A_1; A_2; A_3; A_4; A_5\}, \end{aligned}$$

где TC – технологический суверенитет; ATC – абсолютный технологический суверенитет, A_1 – обладание критическими технологиями; A_2 – независимость в цепочках поставок; A_3 – динамическая устойчивость; A_4 – независимость от импорта; A_5 – лидерство в ТШП.

Для удобства измерения показатели A_i целесообразно нормировать от нуля до единицы:

$$A_i \in \{0; 1\} \forall i.$$

Это условие может быть выполнено через деление фактического значения показателя на максимально возможное.

Еще один подход к измерению технологического суверенитета может быть получен через превращение вектора в скаляр. Однако, учитывая комплементарность выделенных нами компонент технологического суверенитета, использование линейной функции измерения TC путем взвешивания отдельных составляющих представляется некорректным. Уровень технологического суверенитета определяется не комбинацией его отдельных составляющих, а самым слабым звеном. Обладание критическими технологиями в условиях возможности давления поставщиков критических компонентов не может рассматриваться как технологический суверенитет. Аналогично – сама по себе независимость в цепочках поставок без доступа к критическим технологиям не является гарантией технологического суверенитета. Поэтому для измерения технологического суверенитета лучше использовать не линейную или степенную функции зависимости, а функцию Леонтьева для абсолютных complements. Тогда

$$\begin{aligned} TC &= \min (A_1; A_2; A_3), \\ ATC &= \min (A_1; A_2; A_3; A_4; A_5). \end{aligned}$$

Заключение

Проблема технологического суверенитета приобретает особую актуальность в периоды нестабильности социально-экономического развития и обострения международных отношений. Соответственно, увеличивается количество исследований, посвященных данной проблеме. И хотя подходы к пониманию соответствующего феномена различаются у разных исследователей, практически все авторы согласны с тем, что технологический суверенитет не равносителен автаркии.

Проведенный нами анализ научных источников позволил выделить пять основных трактовок содержания концепта технологического суверенитета: 1) обладание критическими технологиями; 2) лидерство в новых технологиях широкого применения; 3) независимость от импорта; 4) независимость в цепочках поставок; 5) динамическая устойчивость.

По мнению авторов статьи, выявленное многообразие подходов к пониманию технологического суверенитета отражает многомерную природу исследуемого феномена.

Выделенные в работе пять компонент образуют двухуровневую архитектуру. Три компоненты – обладание критическими технологиями, независимость в цепочках поставок и динамическая устойчивость – формируют так называемый малый контур и выступают необходимыми условиями технологического суверенитета как такового: без любого из них суверенитет невоз-

можен в принципе. Две последующие компоненты – независимость от импорта и лидерство в ТШП – достраивают большой контур и характеризуют уже абсолютный технологический суверенитет, недостижимый без одновременного устойчивого положения в международном разделении труда и глобального технологического лидерства.

Принципиальное методологическое значение имеет переход от качественной декомпозиции к измерению. Технологический суверенитет в каждой из его двух интерпретаций корректно представляется вектором – в трехмерном пространстве для базового контура $\{A_1; A_2; A_3\}$ и в пятимерном для абсолютного $\{A_1; A_2; A_3; A_4; A_5\}$.

Адекватной формой представления выступает и функция Леонтьева для абсолютных комплексов, согласно которой итоговая оценка определяется минимальным значением среди компонент: $ТС = \min(A_1; A_2; A_3)$ для базового контура и $АТС = \min(A_1; A_2; A_3; A_4; A_5)$ для абсолютного. Тем самым предложенная метрика отражает центральный тезис работы – суверенитет страны определяется не суммой ее достижений, а наименее защищенным звеном.

Из проведенного нами анализа следует нетривиальный вывод для формирования промышленной политики государства: курс на широкое импортозамещение и направление значимых объемов финансирования на развитие собственных технологий широкого применения не являются первостепенными задачами. Гораздо более важными направлениями государственного патронажа выступают развитие критических технологий и поддержка отечественных сетей создания стоимости.

Литература / References

- Афанасьев А.А. (2022). Технологический суверенитет: к вопросу о сущности. *Креативная экономика* 16(10), 3691–3708. [Afanasyev, A. (2022). Technological sovereignty: On the question of essence. *Creative Economy* 16(10), 3691–3708 (in Russian)].
- Афанасьева О.В. (2007). Исследование теоретических аспектов устойчивого развития предприятия в современной науке. *Интеграция образования* (1), 127–131. [Afanasyeva, O. (2007). Research of theoretical aspects of sustainable development of enterprise in modern science. *Integration of Education* (1), 127–131 (in Russian)].
- Афонцев С.А. (2024). Теоретическое измерение экономического суверенитета. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 218–224. [Afontsev, S. (2024). Theoretical dimensions of economic sovereignty. *Journal of the New Economic Association* (3), 218–224 (in Russian)].
- Васильева Н.К. (2007). Теория и методология формирования системы устойчивости развития аграрного сектора региона: дис. ... д-ра экон. наук. Ставрополь. [Vasilyeva, N. (2007). Theory and methodology of forming a sustainability system for the development of the agricultural sector of a region: Dr. Sci. (Econ.) dissertation. Stavropol (in Russian)].
- Глазьев С.Ю. (2018). *Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах*. М.: Книжный мир. [Glazyev, S. (2018). *A Leap into the Future. Russia in the New Technological and Global Economic Orders*. Moscow: Knizhny Mir Publishing House (in Russian)].
- Данилин И.В., Сидорова Е.А. (2024). Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 238–243. [Danilin, I., Sidorova, E. (2024). The concept of technological sovereignty in the transforming world. *Journal of the New Economic Association* (3), 238–243 (in Russian)].
- Дементьев В.Е. (2023) Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства. *Terra Economicus* 21(1), 6–18. [Dementiev, V. (2023). Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus* 21(1), 6–18 (in Russian)].
- Зиновьева Е.С. (2015). Глобальное управление Интернетом: Российский подход и международная практика. *Вестник МГИМО* (4), 111–118. [Zinovieva, E. (2015). Global internet governance: Russian approach and international practice. *MGIMO Bulletin* (4), 111–118 (in Russian)].
- Капогузов Е.А., Пахалов А.М. (2024). Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами. *Журнал Новой экономической*

- ассоциации (3), 244–250. [Kapoguzov, E., Pakhalov, A. (2024). Technological sovereignty: Conceptual approaches and perceptions by the Russian academic experts. *Journal of the New Economic Association* (3), 244–250 (in Russian)].
- Ленчук Е.Б. (2024). Технологический суверенитет – новый вектор научнотехнологической политики России. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 232–237. [Lenchuk, E. (2024). Technological sovereignty – A new trend in Russian scientific and technological policy. *Journal of the New Economic Association* (3), 232–237 (in Russian)].
- Муравых А.И. (2000). *Экологический менеджмент: системно-институциональный подход*. М.: Изд-во РАГС. [Muravykh, A. (2000). *Environmental Management: A Systems-Institutional Approach*. Moscow: RAGS Publishing House (in Russian)].
- Петрищенко Н.М. (2014). К вопросу о понятии и роли кризиса в формировании новой экономической парадигмы. В сб.: *Сборник материалов XXX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд»*. [Petrishchenko, N. (2014). On the concept and role of crisis in the formation of a new economic paradigm. In: *Proceedings of the XXX International Scientific and Practical Conference “Modern Trends in Economics and Management: A New Look”* (in Russian)].
- Потапцева Е.В., Акбердина В.В. (2023). Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика* 25(3), 5–16. [Potaptseva, E., Akberdina, V. (2023). Technological sovereignty: Concept, content and forms of implementation. *Bulletin of Volgograd State University. Economics* 25(3), 5–16 (in Russian)].
- Соловьев Э.Г. (2024). Эволюция понятия «суверенитет» – есть ли место экономическому суверенитету в политической науке? *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 225–231. [Solovyev, E. (2024). Evolution of the concept of “sovereignty” – Is there a place for economic sovereignty in political science? *Journal of the New Economic Association* (3), 225–231 (in Russian)].
- Турганова Л.В., Савенкова О.Ю., Морозова Н.С. (2014). Систематизация подходов к определению устойчивого развития региона. *Современные проблемы науки и образования* (3). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13379> (дата обращения: 30.04.2026). [Turganova, L., Savenkova, O., Morozova, N. (2014). Systematization of approaches to defining sustainable development of a region. *Modern Problems of Science and Education* (3). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13379> (accessed on April 30, 2026) (in Russian)].
- Bellanova, R., Carrapico, H., Duez, D. (2022). Digital/sovereignty and European security integration: An introduction. *European Security* 31(3), 337–355.
- Bresnahan, T., Trajtenberg, M. (1995). General purpose technologies “engines of growth”? *Journal of Econometrics* 65(1), 83–108.
- Carlsson, B., Stankiewicz, R. (1991). On the nature, function and composition of technological systems. *Journal of Evolutionary Economics* 1(2), 93–118.
- Dosi, G. (1982). Technological paradigms and technological trajectories: a suggested interpretation of the determinants and directions of technical change. *Research Policy* 11(3), 147–162.
- Edler, J., Blind, K., Frietsch, R. et al. (2020). *Technology sovereignty. From demand to concept*. Report. Perspectives – Policy Briefs. Karlsruhe: Fraunhofer-Institut für System- und Innovationsforschung ISI. DOI: 10.24406/publica-fhg-300409
- Edler, J., Blind, K., Kroll, H., Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy* 52(6), 104765. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765
- Freeman, C., Soete, L. (2012). *The Economics of Industrial Innovation*. London: Routledge.
- Grant, P. (1983). Technological sovereignty: Forgotten factor in the «hi-tech» razzamatazz. *Prometheus* 1(2), 239–270.
- Tagliapietra, S., Veugelers, R. (2023). *Industrial policy in Europe: Past and future*. Bruegel Blueprint Series № 33 «Sparking Europe’s new industrial revolution: A policy for net zero, growth and resilience».

Внешние факторы экономического развития России: неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве

Комолов Олег Олегович

Институт экономики РАН, Москва, Россия, e-mail: oleg_komolov@mail.ru

Цитирование: Комолов О.О. (2026). Внешние факторы экономического развития России: неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве. *Terra Economicus* 24(3), 36–49.
DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-36-49

Статья посвящена проблеме неэквивалентного обмена в современной мировой экономике, а также роли и места России в центрo-периферических отношениях на постсоветском пространстве. Автор опирается на подход школы новой интерпретации трудовой теории стоимости, а также идеи структурализма и традицию мир-системного анализа. Гипотеза статьи заключается в том, что российская экономика, оставаясь центром постсоветского мира, выстраивает неэквивалентные отношения с соседями, реализуя преимущества в распределении и потреблении стоимости через канал абсолютной ренты. Вместе с этим российская экономика остается периферией для индустриально развитых стран Западной Европы, передавая в их пользу значительную часть стоимости, созданную трудом российских работников. Цель исследования заключается в том, чтобы оценить и сопоставить масштабы общих потерь и регионального приобретения стоимости российской экономикой в постсоветский период. Автором использованы данные *The Eora Global Supply Chain Database*, а также индекс отклонения обменного курса *ERDI*, основанный на принципе паритета покупательной способности. Полученные оценки подтверждают гипотезу о двойственном характере экономики России и ее полупериферийной роли в современном мире. Расчеты также доказывают усиление асимметрии между потерями и приобретениями России в отношениях неэквивалентного обмена и свидетельствуют об усилении ее чисто периферийных черт. В работе сделан вывод о риске усиления отсталости экономики России и других периферийных стран, оказавшихся под давлением протекционистской политики экономик центра.

Ключевые слова: неэквивалентный обмен; трансферт стоимости; экономическое развитие России; постсоветское пространство; абсолютная рента

External factors of Russia's economic development: Unequal exchange in the post-Soviet space

Oleg O. Komolov

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: oleg_komolov@mail.ru

Citation: Komolov O.O. (2026). External factors of Russia's economic development: Unequal exchange in the post-Soviet space. *Terra Economicus* 24(3), 36–49 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-36-49

The paper looks at unequal exchange in today's world economy. It also examines how Russia fits into center-periphery ties across the post-Soviet area. The author relies on several frameworks. These include the "New Interpretation" of the labor theory of value. Structuralist thinking is also used. The work also draws from the world-systems approach. In the paper's main claim, Russia plays two roles at once. It can be seen as the core in the post-Soviet region. At the same time, it is still shaped as a periphery when compared with Western Europe's industrial economies. The study argues that Russia keeps lopsided links with nearby states. It also uses advantages tied to rent. Those advantages affect how value is spread and how goods are consumed inside the post-Soviet space. The comparison is made across the post-Soviet period. To do this, the author uses Eora data from the Global Supply Chain Database. The analysis also uses the Exchange Rate Deviation Index, or ERDI. The method follows purchasing power parity ideas. The results support the key hypothesis about Russia's twofold position. The study finds a dual pattern in the Russian economy. It also describes Russia as semi peripheral in the current world order. The calculations suggest that the gap between losses and gains is getting larger over time. The imbalance grows inside the unequal exchange setup. The author reads this as stronger signs of Russia's peripheral side. In the end, the paper warns about a risk. Russia could fall deeper into economic lag.

Keywords: unequal exchange; value transfer; economic development of Russia; post-Soviet space; absolute rent

JEL codes: F14; F63; P16

Неэквивалентным называют такое состояние торговых отношений, при котором один участник получает больше, а другой меньше по сравнению с паритетным обменом. В ортодоксальной традиции неравенство результатов обмена приобретает устойчивый характер лишь при условии внешних по отношению к рынку искажений. К ним относятся несовершенная конкуренция, асимметрия информации, институциональные барьеры или внеэкономическое принуждение. Однако развитие мировой экономики показывает ограниченность такого объяснения. После падения колониальной системы, а также либерализации торговли и роста мирового экспорта в 1980–2007 гг. выравнивания экономического положения бывших колоний и метрополий не произошло. Напротив, мировое неравенство доходов усилилось (Piketty, 2020). В основном это неравенство было связано с экономическими различиями между странами (Anand, Segal, 2015).

Проблема ортодоксального подхода состоит также в том, что выгоды торговли оцениваются преимущественно через изменение товарных цен. Их снижение означает, что потребитель может приобрести больше импортной продукции, что повысит общий уровень потребления. Однако потребители и производители товаров – одни и те же экономические агенты. Дешевый импорт способен вытеснять национальное производство, сокращая выпуск в отраслях, участвующих в международной торговле. Это может вести к деиндустриализации, потере рабочих мест и доходов населения. В результате краткосрочный выигрыш от снижения цен может обернуть-

ся долгосрочными потерями. Эти диспропорции особенно усиливаются, когда торговые связи складываются между странами, находящимися на разном уровне экономического развития.

Это противоречие проявляется в теории сравнительных преимуществ. Согласно ей, даже страна, не обладающая абсолютными преимуществами, выигрывает от специализации на товарах с меньшими относительными издержками. При этом предполагается, что сокращение производства в одних отраслях может быть компенсировано расширением других, способных завоевать внешний рынок. Как отмечает Р. Байман, такая компенсация возможна лишь при сопоставимом научно-техническом и социально-экономическом потенциале стран (Baiman, 2010: 432–433). Если же разрыв велик, промышленно слабая страна не может обеспечить объем экспорта, достаточный для оплаты необходимого импорта по заданным относительным ценам. При сильном расхождении факторных издержек интервалы возможных относительных цен у стран не пересекаются, а складывающееся равновесие Байман называет «угловым», т.е. безальтернативным для менее развитой страны, которая оказывается в положении полной специализации. На практике это означает высокую зависимость от рыночной конъюнктуры, деиндустриализацию и рост безработицы. В то же время малый объем прибавочного продукта ограничивает накопление капитала. Тем самым затрудняется модернизация, которая могла бы изменить положение периферийной экономики в международном разделении труда.

Исходя из предпосылок ортодоксальной теории, в стране с дефицитом внешней торговли происходит отток золота (иностранной валюты) и, как следствие, девальвация национальной валюты. Результатом этого должно стать удорожание импорта и удешевление экспорта, приводящее торговлю к балансу. Однако такой подход ставит знак равенства между торговым и платежным балансами, игнорируя операции с капиталом и финансовыми активами. Как пишет Шайх, «...страна с торговым профицитом будет испытывать увеличение ликвидности, что приведет к снижению процентной ставки, в то время как страна с торговым дефицитом будет испытывать сжатие ликвидности и повышение процентной ставки – все это происходит в рамках нормального функционирования рынков капитала. Возникшая в результате торговых дисбалансов разница в процентных ставках спровоцирует [...] отток капитала из страны с торговым профицитом в страну с торговым дефицитом» (Shaikh, 2016: 509). В результате у страны с конкурентным преимуществом возникнет торговый профицит, и страна станет международным кредитором. В то же время страна, проигравшая конкуренцию, будет финансировать торговый дефицит, превратившись в чистого заемщика. При этом цены и валютный курс могут или вообще не измениться, или измениться незначительно и не обеспечивать торгового баланса. В случае хронического дефицита торговли нетто-импортер будет наращивать внешний долг, тратить валютные резервы, прибегать к приватизации национальных активов. Все это создает риск деиндустриализации и сжатия выпуска в торгующих отраслях. В случае, если девальвация валюты нетто-импортера все же происходит, это также не гарантирует достижения торгового баланса через выравнивание условий торговли (отношения цен экспортируемых и импортируемых товаров). Если в производстве страны велика импортная составляющая (сырье, энергетические ресурсы, станки и т.п.), цены экспортных товаров могут не измениться, измениться незначительно или даже вырасти. Тем временем нетто-экспортер может препятствовать укреплению национальной валюты формированием избыточных международных резервов, а сравнительные соотношения издержек могут измениться недостаточно для достижения специализации.

Эти факторы учитываются в теории реальной конкуренции, которую А. Шайх противопоставляет ортодоксальным теориям международной торговли. На мировом рынке конкурируют фирмы, и в каждой отрасли побеждает тот, кто способен продавать товар по цене, заданной минимальными удельными операционными издержками (зарплата на единицу выпуска, материалы, амортизация и т.д.) (Shaikh, 2016: 259). Данный уровень задается регулирующим капиталом, который выполняет функцию ценового лидера. Менее развитой стране для удержания рыночной ниши необходимо снижать издержки – повышать производительность и / или снижать цену рабочей силы. В противном случае она сталкивается с сокращением выпуска в торгуемых секторах, ростом безработицы и снижением загрузки производственных мощностей, а покрытие торгового дефицита принимает форму роста внешних обязательств.

Противоположный ортодоксальному подход к проблеме глобальных торговых диспаритетов предлагает трудовая теория стоимости. Исходя из этой академической традиции, эквивалентным признается лишь такой обмен, при котором в товарах заключены равные затраты общественно необходимого рабочего времени. При этом, как показывает школа новой интерпретации трудовой теории стоимости, в масштабах мировой торговли закон стоимости искажается. Сумма стоимостей по всей экономике остается равной сумме цен, однако каждый конкретный товар может продаваться по цене, долгосрочно отклоняющейся от трудовой стоимости как в большую, так и в меньшую сторону. Более богатая страна может получать больше труда за свой товар, чем отдает взамен, даже если для ее менее развитого партнера сама сделка остается формально выгодной.

Первую фундаментальную работу об этой проблеме издал А. Эммануэль, который связывал неэквивалентный обмен с межстрановыми различиями в заработной плате (Emmanuel, 1972). В силу того, что капитал перемещается между странами быстрее, чем рабочая сила, норма прибыли стремится к межстрановому выравниванию, в отличие от зарплат, которые остаются твердыми. В развитых странах высокую заработную плату поддерживают профсоюзы и социальная политика государства. В результате товары, произведенные в сходных технических условиях, получают разные цены, т.е. продукция страны с дешевой рабочей силой продается ниже стоимости, а часть стоимости, не нашедшей денежного выражения, переходит к странам с более высокой оплатой труда.

Такой подход развивает З. Коуп (Cope, 2019). Он отмечает, что стоимость, отчуждаемая у работников Глобального Юга, трансформируется в высокий уровень социальных стандартов в странах Севера. Отчуждение стоимости происходит через дешевый импорт и высокие прибыли корпораций центра, которые формируют большие национальные бюджеты за счет налогов. Кроме того, пенсионные фонды развитых стран, выступая крупнейшими институциональными инвесторами, вкладывают средства на фондовые рынки, в том числе за рубежом. В результате работник страны Севера за счет своих пенсионных накоплений становится получателем дохода от капитала, эксплуатирующего труд в менее развитых странах. На таком фундаменте складывается широкая прослойка рабочей аристократии в странах центра.

С. Амин, развивавший мир-системный подход, не соглашался с таким выводом. По его оценке, изымаемая стоимость превращается прежде всего в империалистическую ренту транснационального капитала (Amin, 2012). Распад колониальных империй изменил форму зависимости: прямое насилие уступило место экономическому принуждению, осуществляемому через рыночные связи. Присвоение стоимости происходит посредством «ножниц цен» между сырьем и товарами промышленного производства, контроля центра над производительными звеньями глобальных цепочек стоимости, валютного диспаритета, а также перетока экспортной выручки периферийных стран на финансовые рынки центра. В исследованиях монополистического капитала рассматривается, как рыночная власть позволяет перераспределять стоимость. С.Л. Выгодский отмечал, что монополии получают прибыль не только «по капиталу», но и «по силе», т.е. благодаря своей монопольной власти (Выгодский, 1975: 196–197, 218). В международной торговле такая власть позволяет сбывать товары по монопольно высоким ценам и приобретать сырье по монопольно низким. Для этого не обязательно полное искоренение конкуренции. П. Баран и П. Суизи показывали, что ТНК могут извлекать «излишек» и при олигопольном устройстве рынка, поскольку «способны удерживать цену близко к монопольной» (Baran, Sweezy, 1966: 67) и «превращать снижение издержек не в удешевление товара, а в расширение прибыли» (Там же: 71).

Таким образом, возможность присвоения стоимости закрепляется в самом устройстве рынка: его участники обладают неодинаковой силой, позволяющей одним поддерживать более высокую норму прибыли по сравнению с конкурентной средой. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов связывают эту зависимость с контролем центра над технологиями, кредитом, каналами сбыта, стандартами и политическими институтами (Бузгалин, Колганов, 2015: 321). С такой позиции неэквивалентный обмен выступает устойчивой формой глобальной эксплуатации, встроенной в отношения современного капитализма.

А. Риччи рассматривает проблему с позиций новой интерпретации трудовой теории стоимости. Он исходит из того, что стоимость создается трудом, но получает общественное признание

только в денежной форме. Продажа не создает стоимость заново, а подтверждает, что труд, затраченный на производство товара, был общественно необходимым. В применении к мировой торговле это означает, что источник неэквивалентности следует искать в расхождении между трудовым содержанием товара и его денежной реализацией.

Для описания этого соотношения Риччи использует показатель денежного выражения рабочего времени (MELT) – отношение созданной добавленной стоимости к совокупным трудозатратам (Ricci, 2016). На уровне мировой экономики общей мерой сопоставления национальных единиц абстрактного труда выступает универсальный труд. При этом труд в разных странах может получать неодинаковое денежное выражение. Если труд страны реализуется ниже мировой денежной меры, это означает передачу части созданной стоимости вовне. Оценка выше мирового MELT – ее приток из других частей мировой экономики. Риччи выделяет две формы неэквивалентного обмена. Первая – дифференциальная рента, возникающая из межотраслевых различий в специализации стран, органическом строении капитала и производительности труда. Дифференциальную ренту извлекают страны, обладающие преимуществами в производстве товаров (технологическая, сырьевая рента и т.д.). Вторая – абсолютная рента, связанная с различиями между странами внутри одной отрасли. Сопоставимые товары могут реализовываться на разных денежных условиях благодаря более развитым институтам, силе национального государства во внешней политике и монопольной власти ТНК. Таким образом, абсолютная рента возникает в связи с преимуществами отдельных стран на этапе распределения и реализации стоимости.

Обе формы ренты усиливают друг друга. Высокая заработная плата, контроль над технологиями и сильные институты центра способствуют сосредоточению в нем наиболее прибыльных стадий производства. В свою очередь, сверхприбыль, которую обеспечивают бренды, технологии и глобальные цепочки стоимости, укрепляет эти преимущества. А страны периферии вынуждены сохранять специализацию в низкопроизводительных звеньях ГЦС и снижать издержки посредством внутренней девальвации. Это закрепляет различия между странами в условиях международного обмена и служит одним из факторов мирового неравенства.

Таким образом, во-первых, неэквивалентный обмен не тождественен невыгодному обмену. Во-вторых, денежное выражение трудовой стоимости зависит от того, сколько общественно необходимого труда рынок признал в товаре конкретного производителя. Рентные отношения между странами, значительно усилившиеся в условиях глобализации второй половины XX в. – первой четверти XXI в., становятся причиной долгосрочных отклонений цен товаров от их трудовых стоимостей. Это создает устойчивые отношения неэквивалентности в обмене.

Неэквивалентный обмен на постсоветском пространстве

После того как распался СССР, Россия осталась экономическим центром для стран на постсоветском пространстве¹, а российские компании занимают доминирующее положение в энергетике, сельском хозяйстве, финансах и сфере военного производства. Когда усилились международные санкции, а мировая экономика пошла по пути фрагментации, контакты с соседними государствами стали приобретать большее значение. В итоге вес постсоветских стран во внешней торговле России поднялся с 12,9% в 2019 г. до 14,6% в 2023 г.² Причиной тому стали антироссийские рестрикции, а также параллельный импорт и сохранившиеся производственные цепочки советского периода, общая транспортная сеть и энергетическая система, схожие правовые нормы и культурная близость. Постсоветский регион – одно из важных мест приложения российского капитала, и этот регион играет роль полупериферии в мировой экономике. Он одновременно является региональным лидером, находясь при этом в зависимом положении от более развитых государств Запада (Комолов, 2024). Такая двойственная, противоречивая позиция России по-

¹ К странам этой группы в данном исследовании отнесены Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

² Дмитрий Вольвач: регионы России успешно справляются с выстраиванием партнерских отношений с иностранными государствами. Министерство экономического развития РФ, 5 апреля 2024. https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_regionu_rossii_uspeshno_spravlyayutsya_s_vystraivaniem_partnyorskih_otnosheniy_s_inostrannymi_gosudarstvami.html (дата обращения: 01.04.2026).

зволяет поставить вопрос, во-первых, о направлении трансфера стоимости на постсоветском пространстве и, во-вторых, о том, какую долю внешних потерь стоимости в мировом масштабе страна компенсирует на региональном уровне. Это также позволит определить участников постсоветской интеграции, которые занимают относительно более выгодное положение в плане взаимных торговых связей, а также те страны, которые в большей степени испытывают отток стоимости.

Для решения поставленной задачи будет использована база данных The Eora Global Supply Chain Database, в частности ее агрегированная версия Eora26³. Эта база представляет собой глобальную многорегиональную систему таблиц «затраты-выпуск», охватывающую большинство стран мира.

Для расчета величины трансфера стоимости используется следующее уравнение:

$$T_i^{\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI_i}\right) \cdot (DVA_i + DVX_i),$$

где $T_i^{\$}$ – расчетная величина трансфера стоимости; DVA_i – внутренняя добавленная стоимость, воплощенная в национальном экспорте, в долларах; DVX_i – внутренняя добавленная стоимость, воплощенная в иностранном экспорте, в долларах; $ERDI$ (Exchange Rate Deviation Index) – индекс отклонения рыночного валютного курса от паритета покупательной способности для страны. Он рассчитывается так:

$$ERDI_{ij} = \frac{e_i^{\$}}{e_i^p},$$

где $e_i^{\$}$ – текущий рыночный валютный курс страны i к доллару (долларовое выражение единицы национальной валюты); e_i^p – курс, рассчитанный по паритету покупательной способности

Поскольку расчеты $ERDI$ включают показатель ППС к доллару, ориентиром при анализе трансфера стоимости станет экономика США. Если $ERDI > 1$, значит, универсальная абстрактная единица труда страны оценивается выше денежного выражения рабочего времени в США. Это означает приток стоимости в страну из-за рубежа. В обратном случае единица национального труда оказывается недооцененной относительно США. Переток стоимости между странами, таким образом, определяется в зависимости от степени недо- или переоцененности их национальных валют относительно американской экономики.

Указанный метод включает в себя только канал абсолютной ренты, т.е. факторы превосходства страны в распределении и присвоении стоимости. Факторы, обеспечивающие преимущества в создании стоимости (дифференциальная рента), остаются за границами настоящего исследования. Это связано с недоступностью агрегированных данных об отраслевых трудовых затратах в рассматриваемых странах. Однако, как показывает А. Риччи, в условиях глобализации конца XX в. – начала XXI вв. абсолютная рента играет роль ключевого канала неэквивалентного обмена. В 1995 г. абсолютная рента обеспечивала 44,8% трансфера стоимости в мировой экономике, а к 2007 г. эта доля выросла до 64,2% (Ricci, 2021: 213). Это объясняется следующими факторами. Во-первых, отраслевые структуры национальных экономик постепенно сближаются. Глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦС) изменили характер международного разделения труда и в значительной степени стерли границы между аграрной периферией и индустриальным центром мировой экономики. Значимость межотраслевого трансфера стоимости, основанного на отличиях в капиталовооруженности, снизилась. В этих условиях роль стран в центр-периферических отношениях зависит от их места в глобальной цепочке создания стоимости (добыча сырья, производство комплектующих, финальная сборка, маркетинг, разработка дизайна и программного обеспечения и другие функции). Во-вторых, в первой четверти XXI в. возросла регуляторная роль во внешнеэкономических связях. Это проявляется в форме валютных войн, торговых санкций, дипломатического давления и пр. Кроме того, усилилась роль глобальных корпораций, базирующихся преимущественно в странах центра. Они обладают контролем над каналами распределения товаров и обретают способность сохранять сверхприбыль независимо от места размещения производственных мощностей. Эти обстоятельства усиливают значение факторов присвоения и распределения стоимости, т.е. канала абсолютной ренты.

³ Eora26, The Eora Global Supply Chain Database. World MRIO. <https://worldmrio.com/eora26/> (дата обращения: 01.04.2026).

Чтобы высчитать показатели DVA и DVX по годам, необходимо провести преобразование таблиц перетока добавленной стоимости $EORA$ методами матричной алгебры. Они описаны в работе М. Ленцена с коллегами (Lenzen et al., 2013). В результате будет получена величина трансферта стоимости из выбранного набора стран во внешний мир. Из матрицы коэффициентов прямых затрат A формируется обратная матрица Леонтьева $B = (I - A)^{-1}$, которая учитывает полный прямой и косвенный выпуск, необходимый для удовлетворения конечного спроса. Диагональная матрица коэффициентов добавленной стоимости V выделяет из этого выпуска добавленную стоимость, воплощенную в экспортных потоках. Для каждой пары стран элементы соответствующего отраслевого блока агрегируются в страновой блок. Диагональные блоки соответствуют DVA , а внедиагональные элементы строки – DVX . Указанные блоки относятся к матрице добавленной стоимости в экспорте ($F = VBE$), где (E) – диагональная матрица валового экспорта по странам и отраслям. Рассчитанные на их основе показатели DVA и DVX затем подставляются в формулу трансферта стоимости с учетом $ERDI$.

Расчеты на глобальном и региональном уровнях решают разные аналитические задачи. На глобальном уровне оценивается положение страны относительно мирового валютно-ценового ориентира (например, США, если при расчете $ERDI$ используется паритет покупательной способности с долларом). Чтобы оценить внутрирегиональное перераспределение стоимости между странами постсоветского пространства, сопоставить относительные позиции стран, необходимо дополнить метод еще одной итерацией. Расчеты перетока стоимости через каналы абсолютной ренты необходимо провести относительно регионального «эталона». В нашей модели его роль будет играть Россия – крупнейшая экономика постсоветского пространства в торговом, инвестиционном, финансовом и политическом аспекте. Так, с 2013 до 2017 гг. в торговле между странами ЕАЭС доля рубля выросла с 61,8% до 74,9%⁴.

В качестве нормирующего показателя введем региональный показатель $ERDI_r$ – отношение $ERDI$ стран постсоветского пространства к российскому значению:

$$ERDI_{r,t} = \frac{ERDI_{i,t}}{ERDI_{RUS,t}},$$

где i – страна, t – год.

В результате уравнение перетока стоимости $T_i^{r\$}$ между странами внутри региона будет выглядеть следующим образом:

$$T_{i,t}^{r\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI_{r,t}}\right) \cdot (DVA_{i,t} + DVX_{i,t}).$$

Это уравнение задает модификацию агрегированного показателя трансферта стоимости для регионального уровня. Компонент $\left(1 - \frac{1}{ERDI_{r,t}}\right)$ включает денежно-курсовой диспаритет страны i по отношению к России. При $ERDI_{r,t} < 1$ он принимает отрицательное значение и отражает менее выгодную валютную позицию данной экономики внутри региона. В обратном случае, при $ERDI_{r,t} > 1$ знак становится положительным, а страна получает приток стоимости из внешнего мира. Вторая часть уравнения описывает стоимостную базу, которая реализуется в экспорте на диспаритетных условиях.

Расчеты трансферта стоимости по странам представлены в таблице 1.

Результаты расчетов указывают на то, что все рассматриваемые государства постсоветского пространства (за исключением стран Балтии) в рамках взаимной торговли в течение указанного периода сталкивались с потерей стоимости по отношению к внешнему миру, что связано с систематической недооценкой их национальных валют относительно паритета покупательной способности. В абсолютном выражении наибольшая величина трансферта стоимости приходится на экономику Украины и составляет 1,1 трлн долл., что эквивалентно 45,6% совокупного

⁴ О платежах за экспорт и импорт товаров и услуг в 2017 году. ЕЭК. https://eec.eaunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/ei_payments/express_payments_2017.pdf (дата обращения 15.03.2026).

ВВП страны за рассматриваемый период. К группе стран с максимальными потерями относятся также Кыргызстан и Таджикистан, где отток стоимости достигал соответственно 48,4% и 39,1% совокупного ВВП за период с 1992 по 2017 гг. Наибольшие потери на душу населения в 2017 г. понесли Беларусь, Казахстан, Украина, Грузия и Азербайджан: соответственно 6,2 тыс., 1,9 тыс., 1,8 тыс., 1,3 тыс. и 1,3 тыс. долл. Минимальное значение приходится на Молдову, что может быть связано с относительно малым объемом экспорта добавленной стоимости в рамках постсоветского региона⁵.

Таблица 1

Трансферт стоимости в торговле стран постсоветского пространства (1992–2017⁶ гг.)

Страна	Общий отрицательный трансферт, млрд долл.	Общий отрицательный трансферт, % ВВП ⁷	Относительно РФ, млрд долл.	Относительно РФ, % ВВП	Во внешний мир, млрд долл.	Во внешний мир, % ВВП	Общий трансферт на душу населения в 2017 г., долл.
Армения	19,1	12,7	3,2	2,1	15,9	10,5	1 103,80
Азербайджан	129,9	19	35,1	5,1	94,7	13,8	1 332,50
Беларусь	175,1	19	26,1	2,8	149	16,2	6 245,20
Грузия	33,2	15,2	5,3	2,4	27,9	12,8	1 367,10
Казахстан	343,6	14,9	47,6	2,1	295,9	12,9	1 909,10
Кыргызстан	46,1	48,4	12,7	13,3	33,4	35,1	643,5
Молдова	0,7	0,6	0,1	0,1	0,6	0,5	16,6
Россия	828,2	3,3	0	0	828,2	3,3	630,3
Таджикистан	37,7	39,1	10,1	10,4	27,7	28,6	253
Туркменистан	49,8	12,6	5,1	1,3	44,7	11,3	413,3
Украина	1 101,70	45,6	280	11,6	821,7	34	1 772,50
Узбекистан	186	20,1	47,9	5,2	138	14,9	584,7

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

Отдельного комментария заслуживает результат для Беларуси. Согласно расчету, в 2017 г. страна испытала наибольшую в регионе потерю стоимости на душу населения – 6,2 тыс. долл. На такую оценку могло повлиять введение санкций Европейского союза против России и ответных ограничительных мер в августе 2014 г. В этот период часть импортной продукции европейского происхождения поступала в Россию через территорию Беларуси в форме реэкспорта. При этом в белорусской таможенной статистике соответствующие товары зачастую отражались как продукция национального производства. В результате показатель DVA в экспорте резко вырос: в 2015 г. он превысил уровень 2014 г. в 7,5 раза, а в 2017 г. – в 9,2 раза. Чтобы исключить влияние фактора реэкспорта, заменим в расчетах значения DVA за 2015–2017 гг. средней величиной показателя за предшествующие четыре года. Результаты обновленного расчета представлены в таблице 2.

⁵ База данных Eora26 доступна для использования на безвозмездной основе для академических целей за период с 1992 по 2017 гг.

⁶ База данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database доступна на безвозмездной основе для академических целей до 2017 г.

⁷ Показатель в % ВВП рассчитывается как отношение суммы годовых расчетных величин трансферта стоимости за 1992–2017 гг. к сумме номинального ВВП страны за тот же период. Он используется для сопоставления масштаба полученной оценки трансферта с размером национальной экономики. Показатель не означает, что ВВП страны фактически сократился или оказался ниже на соответствующую величину, и не представляет собой оценку недополученного выпуска или национального дохода.

Таблица 2

Альтернативная оценка трансферта стоимости Беларуси за 1992–2017 гг.

Страна	Трансферт стоимости		Относительно РФ, млрд долл.		Во внешний мир		Общий трансферт на душу населения в 2017 г., долл.
	млрд долл.	%ВВП	млрд долл.	%ВВП	млрд долл.	%ВВП	
Беларусь	84,7	9,2	14,6	1,6	70,1	7,6	396,0

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

В альтернативном сценарии величина переданной стоимости на душу населения в Беларуси снижается до 396 долл. Совокупная величина потерь за 1992–2017 гг., таким образом, сокращается до 84,7 млрд долл., или 9,2% совокупного ВВП за период. В пользу России – 14,6 млрд долл., или 1,6% ВВП соответственно.

Российская экономика также имеет отрицательный совокупный трансферт стоимости во внешний мир в рамках внутрирегиональной торговли: 828,2 млрд долл., или 3,3% совокупного ВВП за период, что заметно ниже показателей большинства соседних стран. В 2017 г. отток на душу населения в России был равен 630,3 долл., что соответствует восьмому месту среди двенадцати рассматриваемых государств. При этом внутри постсоветского пространства Россия занимает более выгодную позицию. В региональном контексте российская экономика имеет положительный трансферт стоимости. За период 1992–2017 гг. его величина составила 473,2 млрд долл., или около 1,9% совокупного ВВП, что для российской экономики является небольшой величиной. Это связано с тем, что ключевым направлением внешней торговли России в последние десятилетия оставались страны Запада и Китай, а роль постсоветского пространства хотя и росла, но оставалась ограничена масштабом торговых связей России с ближайшими соседями. Однако для партнеров России на пространстве бывшего СССР и трансферт имел более существенное значение в масштабах их национальных экономик. Так, трансферт стоимости в пользу РФ составил величину, равную 13,3% совокупного ВВП Кыргызстана, 11,6% Украины и 10,4% Таджикистана.

Трансферт стоимости по каналу абсолютной ренты на постсоветском пространстве происходил в двух основных формах. Первая связана с неравными условиями воспроизводства рабочей силы между странами. Глубокий экономический спад, начавшийся после распада СССР, нанес ущерб всем постсоветским республикам. Кризис сопровождался разрушением межреспубликанских производственных связей, деиндустриализацией, дисбалансами в государственных финансах, обесценением доходов и накоплений граждан. Однако последствия кризиса для республик были неодинаковыми. Наибольший рост неравенства между странами случился после кризиса 1998 г. В 2000-е гг. Россия, Казахстан и Азербайджан получили значительные доходы от экспорта углеводородов. Всемирный банк отмечал, что рост нефтяных доходов позволил российскому государству повышать пенсии и зарплаты работников государственного сектора, расширять социальные выплаты и погашать накопившуюся задолженность по ним. Таким образом, сырьевая рента превратилась в один из ключевых источников роста доходов населения (Bossoutrot, 2005: 5). Сырьевая рента не относится к абсолютной ренте, а входит в состав дифференциального канала. Однако ее внутреннее перераспределение через бюджет – на выплату пенсий, зарплат в бюджетном секторе и развитие инфраструктуры повышает национальный стандарт воспроизводства рабочей силы.

В то же время в Молдове, Кыргызстане, Таджикистане, Армении и ряде других республик высокая безработица сочеталась с ростом трудовой миграции. С середины 2000-х гг. отток рабочей силы из Кыргызстана, преимущественно в Россию, резко увеличился. В 2014 г. переводы кыргызских мигрантов достигли 27,4% ВВП страны (Эргешбаев, Ешенова, 2016: 35). В Таджикистане они составляли 42,7% ВВП, причем более 90% средств поступало из России (Попов, 2015). В Молдове доля переводов в ВВП выросла с 11,5 до 32,8% в 2000–2006 гг. и составляла около 26% в 2014 г. (Путинцев, 2018: 34). Миграция позволяла снижать давление избыточного предложения рабочей силы, одновременно обеспечивая домохозяйства дополнительными денежны-

ми доходами из-за рубежа. Это позволяло государствам-донорам рабочей силы поддерживать низкие социальные стандарты. Одновременно Россия получала уже сформированную рабочую силу, создание и воспроизводство которой во многом были оплачены страной происхождения.

Другим фактором, определившим неравные условия воспроизводства рабочей силы, стал уровень формализации занятости. Разрушение промышленного производства в 1990-е гг. сопровождалось ростом самозанятости, мелкой торговли, натурального сельского хозяйства и неформального трудоустройства. По оценке ЕБРР, наиболее высокий уровень неформальной занятости сложился в аграрных и деиндустриализованных регионах постсоветских республик, что поддерживало там неблагоприятные институциональные условия воспроизводства рабочей силы. Так, в середине 2010-х гг. неформальная занятость в Таджикистане могла составлять от 30% до 50% общей занятости (Skakova, Livnyu, 2020: 9). Это ограничивало размер номинальных зарплат, а также сокращало расходы капитала на социальное страхование, оплату сверхурочной работы и охрану труда.

Еще одним фактором стала демографическая асимметрия. В России в течение 2000-х и особенно 2010-х гг. прирост внутреннего предложения рабочей силы был значительно ниже, чем в республиках Средней Азии, где на рынок труда выходили многочисленные молодые поколения. Это создавало разные условия формирования заработной платы. В России недостаток рабочей силы, который начал проявлять себя с начала 2010-х гг., относительно повышал цену труда по сравнению с соседними странами. В наибольшей степени это проявлялось в крупных городах, в таких отраслях, как строительство, транспорт и торговля. К фактору различий в производительности труда добавляются национальные особенности формирования рабочей силы.

Второй формой передачи стоимости между постсоветскими республиками через канал абсолютной ренты стали неравные условия присвоения прибыли, связанные с институциональными и политическими преимуществами национального капитала над конкурентами из соседних республик. К ним относится доступ к финансированию, контроль над инфраструктурой и рынками сбыта, государственная поддержка, монополизация рынков и концентрация собственности. Применительно к постсоветскому пространству такие различия складывались постепенно. В 1990-е гг. их основой стала неравномерная приватизация советского производственного комплекса. Россия унаследовала крупнейший внутренний рынок, головные структуры большинства союзных министерств, значительную часть финансовой инфраструктуры и экспортных каналов. Лидеры советской промышленности в области энергетики, металлургии, транспорта и машиностроения так оказались преимущественно под контролем российских собственников. На их основе в стране возникли вертикально интегрированные транснациональные компании, обладавшие значительно большим капиталом и переговорной силой, чем компании соседних республик.

Евразийский банк развития связывает устойчивость крупнейших российских транснациональных компаний с централизованным характером советской экономики. Модель выборочной приватизации и особый характер отношений между крупным бизнесом и государством обеспечили российский капитал институциональными преимуществами над конкурентами из соседних стран (Кузнецов и др., 2017). В небольших постсоветских экономиках приватизация проходила на фоне более глубокого дефицита бюджета, долгового кризиса, ограниченного внутреннего спроса и слабости национальных финансовых систем. Предприятия нередко переходили под контроль внешнего инвестора в результате неспособности национального капитала обеспечить их модернизацию или даже текущее обслуживание. Показателен случай Армении. В начале 2000-х гг. необходимость погашать долговые обязательства перед российской стороной стала основанием для перехода ряда армянских активов под контроль российского капитала. В рамках межгосударственной сделки «имущество в обмен на долг» Россия получила Разданскую ТЭС, оцененную в 31 млн долл. Севано-Разданский каскад ГЭС был передан РАО ЕЭС России в счет погашения 25 млн долл. задолженности Армянской АЭС перед российскими поставщиками ядерного топлива⁸. Таким образом, российская сторона обрела права собственности на инфраструктуру, а следовательно, и право на получение части будущего дохода, создаваемого внутри армянской экономики.

Особое значение имел отраслевой состав российских капиталовложений на постсоветском пространстве. По оценке Евразийского банка развития, к началу 2017 г. более половины российских прямых

⁸ Международная энергетическая корпорация получила лицензию на производство электроэнергии в Армении. РИА Новости, 5 сентября 2003. <https://ria.ru/20030123/304126.html> (дата обращения: 10.08.2026).

инвестиций в странах ЕАЭС приходилось на ТЭК; заметное место также занимали вложения в цветную металлургию, связь и информационные технологии, а также финансовый сектор, т.е. преимущественно в отрасли с высокими капитальными затратами, сетевыми эффектами, ограниченным числом участников и значительными барьерами входа⁹. Контроль над такими активами позволяет присваивать прибыль не только на стадии непосредственного производства, но и через транспортировку, распределение, кредитование и доступ к конечному потребителю. Так, к середине 2010-х гг. Газпром обрел полный или частичный контроль над газовой инфраструктурой ряда постсоветских экономик. Речь идет о ключевых газотранспортных и распределительных активах в Беларуси, Армении, Кыргызстане и Молдове.

Контроль над инфраструктурой дополнялся неравным доступом к финансированию. Российские банки могли предоставлять дочерним структурам дополнительный капитал даже в условиях, когда местные финансовые рынки не располагали сопоставимыми ресурсами. Так, в 2015–2016 гг. Внешэкономбанк, ВТБ, Сбербанк и Альфа-Банк неоднократно увеличивали капитал украинских дочерних банков. Это давало им возможность сохранять присутствие на рынке и финансировать операции в масштабах, недоступных большинству местных банков. Вместе с этим украинский пример показывает и пределы данного преимущества. Постоянные убытки и обесценение активов, особенно после событий 2014–2015 гг., привели к сокращению собственного капитала российских дочерних банков. Списание украинских активов вывело ВТБ из числа крупнейших региональных инвесторов. Таким образом, Россия выступала главным бенефициаром торговых отношений на постсоветском пространстве, извлекая абсолютную ренту благодаря благоприятным условиям воспроизводства рабочей силы и присвоения прибыли. Постоянно положительный трансфер стоимости из соседних стран позволяет России компенсировать часть потерь в отношении центра мировой экономики.

На рисунке 1 сопоставлены совокупный расчетный отток стоимости из РФ в торговле со всеми странами мира (Комолов, 2025) и расчетный приток, связанный с торговлей со странами СНГ, Грузией и Украиной.

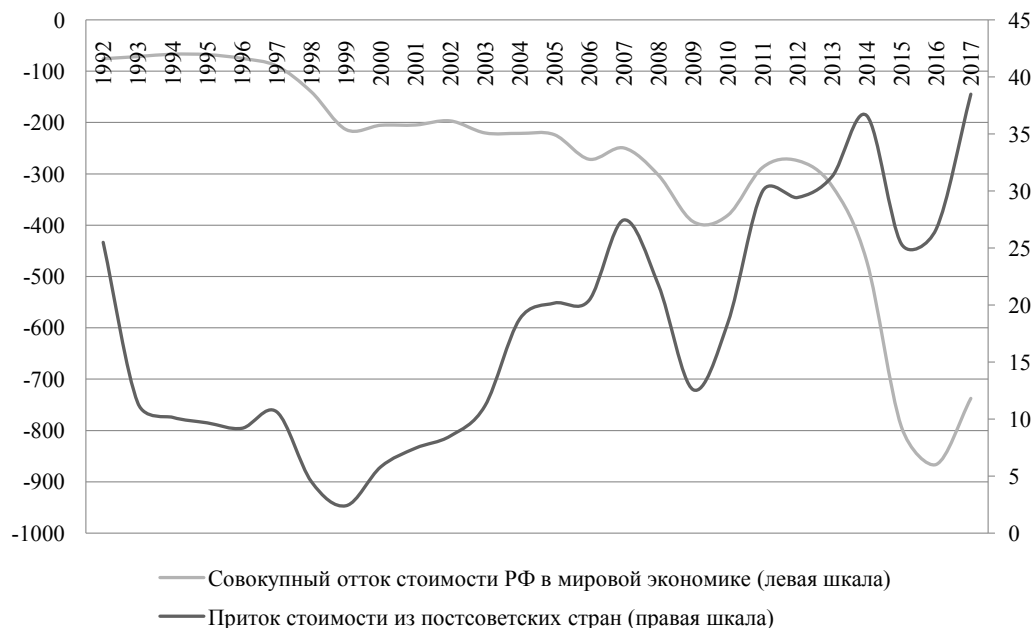

Рис. 1. Трансфер стоимости России в торговле со всеми странами мира и странами постсоветского пространства (млрд долл.)

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

⁹ Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017. Евразийский банк развития, 10 октября 2017. <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-v-stranakh-sng-2017/> (дата обращения: 10.08.2026).

Противоположная динамика обоих показателей согласуется с указанным выше тезисом об усилении асимметрии между центром и периферией мировой экономики. Россия, одновременно испытывая отток стоимости в отношении центра мировой экономики и приток из стран постсоветского пространства, занимает, таким образом, полупериферийное положение в международной экономической иерархии. Однако разрыв между двумя показателями сохранял тенденцию к росту на протяжении всего исследуемого периода (рис. 2).

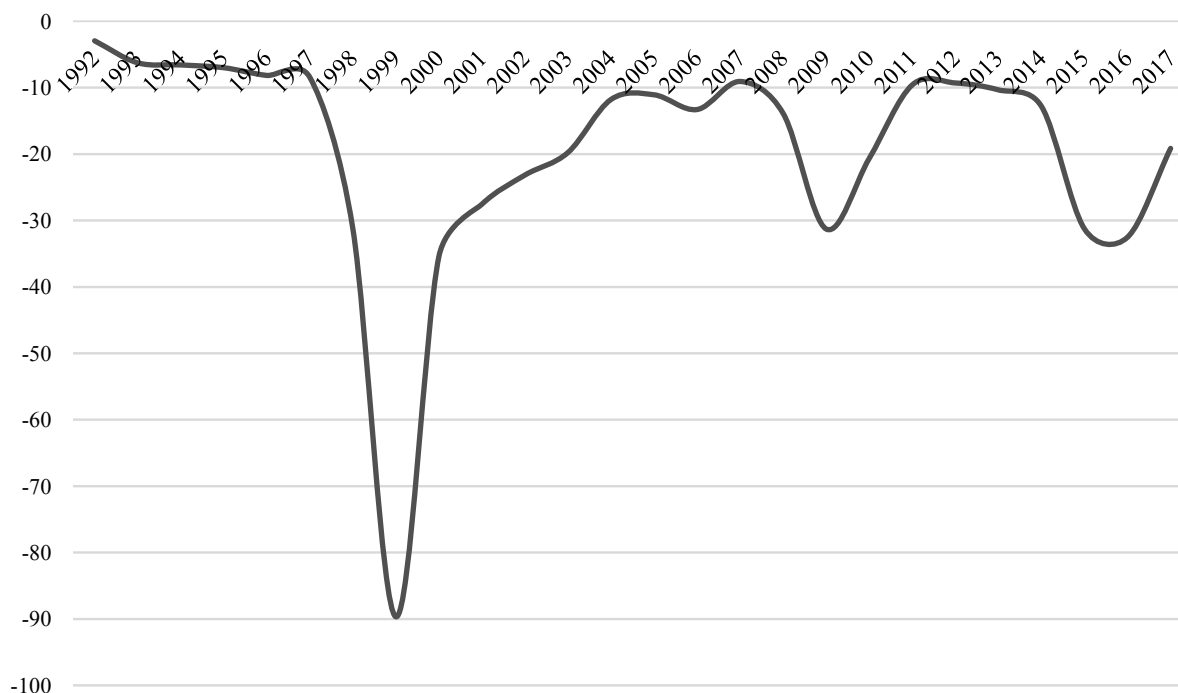

Рис. 2. Отношение оттока стоимости из РФ в пользу центра мировой экономики к притоку из республик бывшего СССР

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, <https://worldmrio.com/eora26/>; Population, total, World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, World bank, Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate, <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF>; GDP (current US\$), World bank, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 15.03.2026).

Так, в 1992 г. общий отток стоимости через канал абсолютной ренты превосходил приток из постсоветских республик в 3 раза, а в 2017 г. – в 19 раз. Это показывает, что выгоды от преимущественного положения России в регионе во все меньшей степени компенсировали отток стоимости в торговых связях прежде всего со странами ЕС и КНР, доля которых во внешнеторговом обороте России росла на протяжении 1990–2010-х гг. Полученные оценки указывают на усиление периферийных черт положения России в мировой экономике.

Заключение

Результаты исследования показывают высокую теоретическую и эмпирическую значимость проблемы неэквивалентного обмена в мировой экономике, который становится одним из ключевых факторов глобального неравенства. После распада СССР страны постсоветского пространства встроились в мировую капиталистическую систему на правах периферии. Непаритетные условия интеграции республик в мировое хозяйство характеризуются значительным отклонением национальных валютных курсов от паритета покупательной способности. Это свидетельствует о значительной недооценке денежного выражения национального рабочего времени в сравнении

со странами капиталистического центра. Вместе с тем иерархичность экономических отношений воспроизводит себя на региональном уровне. Россия, занимая более выгодное положение в международном разделении труда, выступает в роли реципиента стоимости, при этом передавая значительную часть собственной стоимости в пользу более сильных экономик. Расчеты показывают усиление асимметрии между потерями и приобретениями России в отношениях неэквивалентного обмена, что позволяет сделать вывод об усилении ее периферийных черт.

В условиях деглобализации мировой экономики возможности выхода из непаритетных отношений в значительной степени затрудняются. Когда развитые страны центра вводят протекционистские меры против стран периферии, для последних это неизбежно оборачивается потерями. Если они не отвечают на протекционистские меры, то теряют сбыт, лишаются притока иностранной валюты и доступа к технологиям. Вместе с этим растет долговая зависимость таких стран. Если периферийная экономика пытается компенсировать внешнее давление методами внутренней девальвации, это ведет к усилению неэквивалентности и оттока стоимости вовне. Таким образом, деглобализация способствует усилению глобального и регионального неравенства и ставит перед Россией задачу поиска пути укрепления экономической самодостаточности и технологического развития в условиях постоянно возрастающего внешнего давления.

Литература / References

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015). *Глобальный капитал*, в 2-х т., т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). М.: ЛЕНАНД. [Buzgalin, A., Kolganov, A. (2015). *Global Capital*, in 2 vols., vol. 2. Theory. The Global Hegemony of Capital and Its Limits ("Capital" re-loaded). Moscow: LENAND Publ. (in Russian)].
- Выгодский С.Л. (1975). *Современный капитализм: опыт теоретического анализа*. М.: Мысль. [Vygodskiy, S. (1975). *Modern Capitalism: An Attempt at Theoretical Analysis*. Moscow: Mysl Publ. (in Russian)].
- Комолов О.О. (2024). Неэквивалентный обмен как фактор воздействия на экономическое развитие России. *Вестник Института экономики Российской академии наук* (4), 47–64. [Komolov, O. (2024). Unequal exchange as a factor affecting Russia's economic development. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* (4), 47–64 (in Russian)].
- Комолов О.О. (2025). Воздействие внешних факторов на развитие экономики России и теория неэквивалентного обмена. *Российский экономический журнал* (4), 28–45. [Komolov, O. (2025). Impact of external factors on Russia's economic development and the theory of unequal exchange. *Russian Economic Journal* (4), 28–45 (in Russian)]. DOI: 10.52210/0130-9757_2025_4_28 EDN: NFGVOW
- Кузнецов А.В., Гемуева К.А., Квашнин Ю.Д. и др. (2017). *Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017*. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 55 с. [Kuznetsov, A., Gemueva, K., Kvashnin, Yu. et al. (2017). *Monitoring of Mutual Investments in CIS Countries – 2017*. St. Petersburg: Centre for Integration Studies, Eurasian Development Bank (in Russian)].
- Попов Д.С. (2015). Трудовая миграция из Таджикистана в цифрах. *Российский институт стратегических исследований*, 29 мая. [Popov, D. (2015). Labor migration from Tajikistan in figures. *Russian Institute for Strategic Studies*, May 29 (in Russian)]. <https://riss.ru/analitica/trudovaya-migratsiya-iz-tadzhikistana-v-tsifrakh/> (дата обращения: 10.08.2026).
- Путинцев И.С. (2018). *Особенности внутривнутриполитического развития Молдавии в постсоветский период (1991–2016 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО МИД России. [Putintsev, I. (2018). *Domestic Political Development of Moldova in the Post-Soviet Period (1991–2016)*. Candidate of Sciences Dissertation in History. Moscow: MGIMO University (in Russian)].
- Эргешбаев У., Ешенова С. (2016). Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана. *Народонаселение* (1-1), 34–41. [Ergeshbaev, U., Eshenova, S. (2016). Problems of external labor migration of the population of Kyrgyzstan. *Narodonaselenie* (1-1), 34–41 (in Russian)]

- Amin, S. (2012). The surplus in monopoly capitalism and the imperialist rent. *Monthly Review* **64**(3), 78–85.
- Anand, S., Segal, P. (2015). The global distribution of income. In: Atkinson, A., Bourguignon, F. (eds.) *Handbook of Income Distribution*, vol. 2 (pp. 937–979). Amsterdam: Elsevier.
- Baiman, R. (2010). The infeasibility of free trade in classical theory: Ricardo's comparative advantage parable has no solution. *Review of Political Economy* **22**(3), 419–437. DOI: 10.1080/09538251003665693
- Baran, P., Sweezy, P. (1966). *Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order*. N.Y.: Monthly Review Press.
- Bossoutrot, S.K. (2005). *Microfinance in Russia: Broadening access to finance for micro and small entrepreneurs*. World Bank Working Paper no. 67. Washington, D.C.: World Bank, 93 p.
- Cope, Z. (2019). *The Wealth of (Some) Nations: Imperialism and the Mechanics of Value Transfer*. L.: Pluto Press.
- Emmanuel, A. (1972). *Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade*. N.Y.: Monthly Review Press.
- Lenzen, M., Moran, D., Kanemoto, K., Geschke, A. (2013). Building Eora: A global multi-regional input-output database at high country and sector resolution. *Economic Systems Research* **25**(1), 20–49. DOI: 10.1080/09535314.2013.769938
- Piketty, T. (2020). *Capital and Ideology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1104 p.
- Shaikh, A. (2016). *Capitalism: Competition, Conflict, Crises*. Oxford: Oxford University Press.
- Skakova, D., Livny, E. (2020). *Tajikistan Diagnostic*. L.: European Bank for Reconstruction and Development. 47 p.
- Ricci, A. (2016). *Unequal Exchange in International Trade: A General Model*. Urbino: University of Urbino.
- Ricci, A. (2021). *Value and Unequal Exchange in International Trade: The Geography of Global Capitalist Exploitation*. Abingdon; N.Y.: Routledge.

Роль транспортной инфраструктуры в интеграции фрагментированного экономического пространства России: история и современность

Левин Сергей Николаевич

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Макарова Ирина Викторовна

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: makiv5@mail.ru

Цитирование: Левин С.Н., Макарова И.В. (2026). Роль транспортной структуры в интеграции фрагментированного экономического пространства России: история и современность. *Terra Economicus* **24**(3), 50–68. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-50-68

В представленной статье рассматривается роль транспортной инфраструктуры в интеграции фрагментированного экономического пространства России в имперский, советский и постсоветский периоды развития страны. Эта роль рассматривается в контексте сравнительного анализа общих характеристик и специфических особенностей соответствующих этапов модернизации российской экономики и общества. Место центрального субъекта в этих процессах занимали сменяющие друг друга «правлящие группы»: имперская автократия, реализующая консервативный проект модернизации; коммунистическая партия, инициировавшая социалистический проект; постсоветская правящая группа, стремящаяся найти баланс между идеями рыночных реформ и интеграцией политико-экономического пространства России как системы «имперского» типа. Методология исследования построена на интеграции моделей и инструментов мир-системного анализа, новой политической экономии и новой институциональной экономической теории. Показано, что процесс интеграции России как мир-империи в глобальную мир-экономику объективно приобретал секторальный характер, что воспроизводило фрагментацию ее экономического пространства. Российское государство берет на себя функции интеграции фрагментированного экономического пространства страны. Среди используемых им инструментов особую роль играет транспортная инфраструктура. Правящая группа выступает при этом как заказчик институциональных проектов, определяя выбор дискретных структурных альтернатив организации транспортной инфраструктуры. Выбирая конфигурацию институтов, государство ищет оптимальные варианты использования транспортной инфраструктуры как инструмента достижения сразу трех целей: интеграция фрагментированного экономического пространства, укрепление позиций страны в глобальной мир-экономике, обеспечение приемлемого уровня коммерческой эффективности.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура; фрагментация; интеграция; глобальная мир-экономика; мир-империя; дискретные структурные альтернативы

The role of the transport infrastructure in integrating Russia's fragmented economic space: History and modernity

Sergey N. Levin

Financial University, Moscow, Russia, e-mail: levin.sergey.n@gmail.com

Irina V. Makarova

Financial University, Moscow, Russia, makiv5@mail.ru

Citation: Levin S.N., Makarova I.V. (2026). The role of the transport structure in the integration of Russia's fragmented economic space: History and modernity. *Terra Economicus* 24(3), 50–68 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-50-68

The article examines the role of transport infrastructure in the integration of the fragmented economic space of Russia in the imperial, Soviet and post-Soviet periods of the country's development. This role is considered in the context of a comparative analysis of the general characteristics and specific features of the imperial, Soviet and post-Soviet stages of the economy and society modernization in Russia. The central actor in these processes was the successive "ruling groups" represented by the tsarist autocracy implementing a "conservative" modernization project; the Communist Party, which initiated a "socialist" project; and the post-Soviet ruling group striving to find a balance between the ideas of market reforms and the integration of Russia's political and economic space as an "imperial" type system. The research methodology is based on the consideration of the economy as a political-economic system. Approaches and models of world-system analysis, and new institutional economic theory represented by the concept of discrete structural alternatives are integrated to conduct research. It is shown that the process of Russia's integration as a world-empire into the global world-economy objectively acquired a sectoral character, which reproduced the fragmentation of its economic space. The Russian state is taking on the functions of integrating the country's fragmented economic space. Transport infrastructure plays a special role among the tools the state uses. The ruling group acts as the orderer of institutional projects determining the choice of discrete structural alternatives for the organization of transport infrastructure. When choosing the configuration of institutions, it seeks optimal variants for using transport infrastructure as a tool for achieving three goals at once, i.e. integration of the fragmented economic space and strengthening the country's position in the global world-economy while ensuring an acceptable level of its commercial efficiency.

Keywords: transport infrastructure; fragmentation; integration; global world-economy; world-empire; discrete structural alternatives

JEL codes: O10, O18, O43

Введение

Методология анализа роли транспортной инфраструктуры в интеграции фрагментированного экономического пространства России построена на использовании моделей и инструментов современной политической экономии. Последняя представляет собой не единую теоретическую программу, а совокупность лишь частично пересекающихся концепций исследовательских программ, базирующихся на двух конкурирующих парадигмах. Она включает в себя как модифицированные варианты политико-экономических исследований, развивающиеся в рамках гетеродоксальной экономической теории, так и новую политическую экономию, представляющую собой часть расширенного

мейнстрима. В ходе конкурентного взаимодействия модифицированной традиционной и новой политической экономии формируется предметное поле современных политико-экономических исследований, которое объединяет эндогенизация анализа взаимодействия политических и экономических субъектов как элементов интегральной политико-экономической системы.

Ключевую роль в методологии данной работы играют нижеперечисленные модели и инструменты:

1) мир-системного анализа (Валлерстайн, 2001; Арриги, 2006 и др.) – в части развития транспортной инфраструктуры России в контексте специфики модернизации отечественной экономики в имперский, советский и постсоветский периоды. Россия наряду с такими странами-цивилизациями, как Китай, и рядом других исторически с позиции мир-системного подхода представляла собой мир-империю, интеграция экономического и социально-политического пространства которой обеспечивалась при ключевой роли механизмов централизованного перераспределения ресурсов. Сложившаяся специфика организации экономики и социума в России получила отражение, в частности, в концепциях раздаточной экономики О.Э. Бессоновой (2026), институциональных матриц С.Г. Кирдиной (2014) – Россия рассматривается в ней как пример страны с X-матрицей, в которой преобладают нерыночные механизмы координации, – и ряда других. Принципиально значимым представляется охарактеризовать, как на трансформацию экономической системы России повлияла модернизация, которая с точки зрения мир-системного подхода рассматривается как процесс становления и развития глобальной мир-экономики, встраивающей в свой состав локальные мир-экономики и мир-империи;

2) подходов новой политической экономии, рассматривающих проблемы выбора дискретных структурных (институциональных) альтернатив организации политико-экономической системы (Левин, 2014; Левин, Саблин, 2024). Выбор путей и форм развития транспортной инфраструктуры рассматривается в контексте исторически сложившихся институтов взаимодействия политических и экономических субъектов.

Субъектом выбора дискретных структурных альтернатив организации политико-экономической взаимодействия выступают институциональные предприниматели (Левин, Саблин, 2026). Специфической особенностью ситуации, связанной со встраиванием отечественной мир-империи в глобальную мир-экономику, является роль правящей группы как центрального актора институциональных изменений. Интеграция фрагментированного экономического пространства России объективно воспроизводила условия возникновения того или иного варианта «вертикали власти», в рамках которой происходило взаимодействие основных политических и экономических субъектов. В этих условиях именно правящая группа определяла выбор и легитимизацию вариантов институциональной организации политико-экономической системы. В ходе развития имелось три типа правящей группы: имперская автократия, коммунистическая партия, постсоветская правящая группа. По характеру легитимизации они реализовывали соответственно: консервативный имперский; социалистический советский; постсоветский, эволюционирующий от нормативного «либерального» к государственно-корпоративному варианту политико-экономической организации экономики и общества.

Цель исследования – выявить общие характеристики и специфические особенности роли транспортной инфраструктуры в интеграции фрагментированного экономического пространства России в имперский, советский и постсоветский периоды развития страны.

Развитие и функции транспортной инфраструктуры в рамках имперского варианта модернизации

Центральным субъектом, играющим роль идеологического, политического, экономического и организационного центра в российской мир-империи, выступала имперская автократия, персонифицированная в лице монарха. Реформы рыночного типа были обусловлены необходимостью адаптации России к развивающейся глобальной мир-экономике. При этом вхождение отечественной экономики в глобальную мир-систему объективно приобретало секторальный характер. В этой связи отечественное государство вынуждено было решать две противоречивые задачи:

- 1) обеспечивать массированную протекционистскую поддержку капиталистического сектора;
- 2) сохранять баланс между традиционным и капиталистическим секторами, обеспечивая единство фрагментированного экономического пространства страны.

Решение этих задач обеспечивалось использованием централизованных политико-административных механизмов мобилизации и перераспределения ресурсов. Среди инструментов их решения особое место занимала транспортная инфраструктура.

Правящая группа («правитель») была ориентирована на формирование институтов на основе своих представлений о принципах социальной организации. Таким образом, государственное устройство и политический порядок стали детерминантами национальной стратегии в области формирования транспортной структуры и ее дальнейшего развития. Реформирование транспортной политики осуществляется в результате выявленных негативных причинно-следственных связей либо при ее недостаточной эффективности (Доббин, 2013).

Российское государство выступало при этом в качестве заказчика институциональных проектов, определяя выбор дискретных структурных альтернатив организации транспортной инфраструктуры. Выбирая конфигурацию институтов, оно вынуждено было искать варианты использования транспортной инфраструктуры как инструмента достижения сразу трех целей:

- 1) сохранения единства страны и укрепления ее позиций в мире, что предполагало ориентацию на решение политико-административных и военно-стратегических задач;
- 2) поддержки и обеспечения конкурентоспособности капиталистического сектора, определяющего место страны в глобальной мир-экономике;
- 3) обеспечение минимально приемлемого уровня коммерческой эффективности транспортной сферы.

Модернизационные проекты российского государства реализовывались в рамках ограничений, заданных «институциональными хозяйственными обстоятельствами» развития страны, включающими специфику: природно-климатических условий, геополитического и геоэкономического окружения, разнообразия этнического и религиозного состава населения страны. Для развития транспорта особое значение имели географические особенности, связанные с наличием плотной морской и речной сети, что исторически предопределило развитие водного транспорта – внутреннего речного и морского судоходства. Долгое время внутренний водный транспорт был основным средством перевозки пассажиров и грузов, а с развитием судоходства развивалось и судостроение¹.

С появлением железнодорожного транспорта и расширением сети автомобильных дорог значение водного транспорта не уменьшалось, особенно на востоке России, где расположена большая часть лесов, множество деревень и поселений, добраться в которые другими видами транспорта было невозможно, по рекам и их многочисленным притокам по-прежнему осуществлялся сплав древесины при проведении лесозаготовок (Ненашева, Олсен, 2018).

По мнению Д.А. Мачерета и И.А. Епишкина, особая роль в качестве стимулятора формирования рыночных институтов в истории России отводилась морскому транспорту. Поскольку мореходы полагались на природные ориентиры и на себя, они не зависели от воли государства. По этой причине «вплоть до эпохи промышленной революции водный (в том числе морской) транспорт был в большинстве случаев конкурентоспособней сухопутного, да и сейчас он реализует львиную долю мировой торговли» (Мачерет, Епишкин, 2017: 80–101).

В 1809 г. Александр I учредил Управление водными и сухопутными сообщениями в качестве первого в Российской империи органа централизованного управления транспортом с целью обеспечения потребностей военной безопасности, экономики, торговли.

Новые проекты не находили поддержки ни у Николая I, ни у правительства из опасения ослабления контроля над народом вследствие упрощения возможности перемещения по стране. Первая железная дорога в России была запущена только в 1837 г. от Петербурга до Царского Села, ее протяженность составила 27 км, максимальная скорость развивалась до 64 км/ч, а средняя – до 51 км/ч. Дорога была частной и приносила владельцам прибыль, что явилось стимулом к тому, чтобы ряд предпринимателей предложил проекты новых железных дорог. Запреты, налагаемые правительствами различных стран в разное историческое время, являли собой ограничения институциональных преобразований и замедляли экономическое развитие (Мачерет, Епишкин, 2017). В конечном итоге власть стоит перед выбором: экономическое развитие страны и потеря власти либо политическая стабильность, влекущая за собой экономический застой (Хусаинов, 2018).

¹ История флота России. Проект создан при поддержке Министерства транспорта Российской Федерации. <https://flot.projects.mintrans.ru/> (дата обращения: 03.02.2026).

Показательно, что Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон приводят примеры блокирования властными структурами развития железных дорог в Австро-Венгрии (Аджемоглу, Робинсон, 2020: 488–489) и Российской империи (Там же: 496–498).

Снятие этих ограничений, возникших в период правления Николая I, было связано с переходом к реформам модернизационного типа. Индикатором институциональной и экономической отсталости Российской империи, и особенно транспортной инфраструктуры, стало ее поражение в Крымской войне, что послужило толчком к проведению реформ и ускорению строительства железных дорог (Мачерет, Епишкин, 2017).

В пореформенный период ключевое место в модернизационных проектах заняло развитие железнодорожного транспорта. С позиции встраивания России в глобальную мир-экономику и укрепления ее позиций в рамках этой международной политико-экономической системы необходимо было решить три выше выделенные задачи. Во-первых, система железных дорог должна была стать инфраструктурным основанием интеграции экономического, политического и военно-стратегического пространства страны. Во-вторых, нужно было логистически обеспечить благоприятные условия отечественного экспорта, прежде всего сельскохозяйственной продукции, и импорта, необходимого для развития индустриального сектора. При выборе приоритетов в данном случае сталкивались интересы различных групп в рамках капиталистического и традиционного секторов экономики. В-третьих, надо было найти источники финансирования инвестиций в строительство железных дорог и обеспечение коммерческой эффективности их эксплуатации.

С приходом к власти Александра II в 1868 г. возобновилось строительство железных дорог на основе инвестиций частного капитала. Государство гарантировало 5-процентную прибыль на вложенный капитал, что обусловило высокие темпы строительства. Так, в период с 1868 по 1877 г. среднегодовой показатель строительства новых линий составил 1609,7 км/год. В 1902 г. насчитывалось: 36 железных дорог, из них 26 были казенные, две узкоколейные дороги; 11 подъездных путей, 9 из них – узкоколейные. Количество передаточных пунктов и ветвей составляло 51².

Возникали и негативные последствия такого рода решения. Дорог было много, они конкурировали между собой в том числе и по тарифам, зачастую работая в убыток. Желание собственников сократить эксплуатационные издержки приводило к плачевному техническому состоянию железных дорог и подвижного состава. Убытки покрывались из казны. Для получения поддержки со стороны императора владельцы дорог стали приглашать его многочисленных родственников и приближенных в совет директоров, что привело к усилению коррупции.

Поскольку убытки плохо управляемых железнодорожных обществ покрывались казной, то в условиях невозможности радикальных политических реформ проще было выкупить дороги. В августе 1892 г. принимается решение сделать железные дороги государственными.

Ф.И. Хусаинов, приводя цитату Э. Тери, отмечает: «... доля государства к 1900 г. достигла 69,6% общей сети железных дорог государственного значения. Эта пропорция сохранялась и в дальнейшем» (Хусаинов, 2018: 27). Парадоксально, но выкуп железных дорог осуществлялся под руководством С.Ю. Витте, не являвшегося сторонником государственного управления ими. Реформа проводилась с целью снижения коррупционной составляющей в расходах на содержание дорог и повышения их эффективности.

Несмотря на это, тарифная политика государства обеспечивала дешевизну железнодорожных перевозок, сохраняя их убыточность. Так, тарифы на пассажирские перевозки после реформы 1884 г. были самыми низкими в мире. Убытки казны от деятельности железных дорог в России с 1892 по 1905 г. составили 735 905 тыс. руб. С 1906 г. убытки были более 100 млн руб. в год, а в 1908 г. – близки к 150 млн руб. (Беляков, 2002).

Из года в год рос государственный долг страны. А.А. Беляков в статье «Оценка народно-хозяйственного ущерба от приоритетного развития железнодорожной сети в России во второй половине XIX в. (опыт построения контрфактической модели)» ссылается на министра финансов Е.Ф. Канкрин: «Он (Канкрин. – Прим. автора) называл железнодорожное строительство «уничтожением капиталов» (*der Nutzen des Kapitalzerstörung*), что для России с ее дефицитом капиталов недопустимо еще многие

² Схема железных дорог Российской империи. Издание И.Ф. Зауэра, 1902 год. Библиотека русского географического общества: Карты. <https://elibr.ru/safe-view/123456789/234951/1/0K7QqDE1N19uXzAwMTM5OS5wZGY=> (дата обращения: 26.10.2025).

десятилетия» (Беляков, 2002: 402). Беляков отмечает, что строительство железных дорог уничтожало все заемные капиталы при неимении собственных, являясь главной причиной роста долгов.

В то же время избранный приоритет в пользу развития железных дорог тормозил модернизацию других компонентов транспортной инфраструктуры. Проблема заключалась в том, что строительство железных дорог и их эксплуатация в России обходились дороже, чем, скажем в европейских странах или США, стоимость работ оценивалась уже миллиардами рублей. Заболоченные местности, многочисленные реки делали строительство весьма дорогим, и не было возможности осуществлять контроль за расходами в полном объеме. А.А. Беляков, ссылаясь на А.М. Соловьева, отмечает: «вообще все, что относится к гидротехнике, сильно дискредитировано, причем “невольною виновницею зла является железная дорога”. Но последняя порождала неизмеримо большие злоупотребления...» (Беляков, 2002: 412). В этих условиях финансирование других видов транспортной инфраструктуры осуществлялось по остаточному принципу. Как следствие этого, в плачевном состоянии находились дороги и водные пути; несмотря на эксплуатационную дешевизну, практически не строились причалы.

Представляется, что такая критическая оценка не учитывает многообразие функций транспортной инфраструктуры. Интеграция экономического, политико-административного и военно-стратегического пространства страны при одновременном обеспечении ее конкурентных позиций в глобальной мир-системе имела приоритет над задачами обеспечения коммерческой эффективности железных дорог.

Так, Российская империя являлась одной из ключевых стран – экспортеров зерна, к 1913 г. экспортировался 51% произведенных в стране муки и зерновых культур (Тагирова, 2015). Транспортная система России должна была обеспечить доставку грузов как на внутренний, так и на внешние рынки; расстояние поставок грузов достигало сотен, иногда тысяч километров. Долгое время транспортировка осуществлялась водными путями, а позже водным и железнодорожным транспортом.

В статье «Путешествие волжского хлеба: транспортные пути, коридоры в России (XIX – начало XX в.)» Н.Ф. Тагирова, ссылаясь на Т.М. Китанина, выделяет пять основных направлений движения хлебных грузов (Тагирова, 2015: 65):

- 1) юго-западные железные дороги. Зона притяжения – Бессарабия, Киевская, Херсонская, Подольская губернии. Далее зерно отправлялось на север и северо-запад (Брест, Варшава, Данциг, Кенигсберг) и на юг (Николаев, Одесса);
- 2) по Либаво-Ровенской железной дороге осуществлялись перевозки в сторону Петербурга – Варшавы;
- 3) центральные районы Европейской России: поставки зерна в направлении Риги;
- 4) зерно из юго-восточных областей Европейской России в Москву, Петербург и другие районы страны поступало по девяти железнодорожным линиям;
- 5) Волжский бассейн – самостоятельное направление, в рамках которого железные дороги выступали как часть транспортного коридора вместе с речным флотом.

При оценке эффективности транспортных путей необходимо учитывать и положительные внешние эффекты от их развития на макроуровне. Индустриализация страны производилась за счет доходов от экспорта хлеба. В этой связи можно отметить, что мультипликативные эффекты от железнодорожного строительства стали мощным стимулом для развития целого комплекса отраслей промышленности. Быстро развивалась угледобывающая промышленность, черная металлургия превратилась в главную отрасль тяжелой промышленности. Во второй половине 1890-х гг. были построены новые машиностроительные заводы. Особенно высоки темпы роста промышленности были с 1890 по 1899 г., за этот период выплавка чугуна увеличилась на 190%, благодаря чему Россия заняла четвертое место в мире; производство железа выросло на 131%, тогда как в США – на 61%, в Германии – на 78%, в Англии – только на 8%. Вывоз из России марганцевых руд составлял 50% от мирового экспорта. По производству металлов юг России значительно обгоняет Урал благодаря привлечению иностранных капиталов и их концентрации (Лапаева, 2005).

В результате индустриализации все больше населения переезжало из сельской местности в город, ведущую роль в экономике занимала промышленность, вытесняя сельское хозяйство; увеличивалось значение железнодорожного и автомобильного транспорта при снижении роли гужевого (Ореховский, Букина, 2025).

К концу XIX в. в России уже работало семь паровозостроительных заводов с ежегодной производительностью 1200 паровозов. Это были достаточно крупные производства. Для сравнения: Франция выпускала ежегодно 500, а Германия – 144 паровоза. Производство вагонов приблизилось к объему выпуска германских заводов, которые изготавливали около 30 тыс. товарных и 6 тыс. пассажирских вагонов³.

Следование вышеуказанным приоритетам реализовалось в уникальном по своим масштабам проекте строительства Великого Сибирского пути, соединившего Санкт-Петербург и Владивосток, протяженностью около 7000 км. Затраты на его строительство превысили 1,5 млрд руб. золотом (Канн, 2016).

К началу Первой мировой войны российские железные дороги имели протяженность, приближающуюся к 70 тыс. км, на 10 тыс. жителей приходилось порядка 4 км дорог; сегодня на 10 тыс. жителей приходится около 6 км дорог. И.М. Могилевкин указывает: «Были сооружены главные магистрали страны. В дальнейшем, при советской власти ...сеть дорог разрасталась, дополнялась, модернизировалась, но ее общая прежняя схема и далее служила основой развития железнодорожного транспорта» (Могилевкин, 2005: 172–173; цит. по: Мачерет, Епишкин, 2017).

В начале Первой мировой войны железные дороги вполне справлялись с нагрузкой, пока она соответствовала расчетному значению перевозок в мирное время. При этом с 1914 по 1917 г. продолжалось строительство новых железных дорог. К началу революции в стадии строительства было порядка 13,5 тыс. км новых железнодорожных путей⁴.

С середины 1915 г. с переброской основных сил Германии на русский фронт, ростом нашей армии, а также проводившейся эвакуацией в связи отступлением российских войск с территории Белоруссии, Польши, Литвы, Галиции нагрузка на железнодорожную сеть значительно возросла, что выявило ряд проблем в ее работе. Была нарушена плановость, возникали длительные простои и заторенность дорог, количество отправляемых поездов значительно превышало пропускную способность путей. Отсутствовали меридианные линии, позволяющие разгрузить основные магистрали. Из-за низкой провозной способности железнодорожных путей армия недополучала порядка 25% снабжения. Организация управления показала свою неэффективность. Так, на территории военных действий управление дорогами было отделено от Министерства путей сообщения и передано в подчинение начальнику военных сообщений. Такого рода децентрализация оказала негативное влияние на плановое и эффективное обслуживание страны товарами в целом. Н.Н. Головин, описывая состояние экономики, приводит цитату председателя Государственной думы М.В. Родзянко: «Москва и Петроград сидели без мяса, а в то же время в газетах писали, что в Сибири на станциях лежат битые туши и что весь этот запас в полмиллиона пудов сгниет при первой же оттепели. Все попытки земских организаций и отдельных лиц разбивались о преступное равнодушие или полное неумение что-нибудь сделать со стороны властей. Каждый министр и каждый начальник сваливал на кого-нибудь другого, и виноватых никогда нельзя было найти. Ничего, кроме временной остановки пассажирского движения для улучшения продовольствия, правительство не могло придумать»⁵.

Несостоятельность железных дорог побудила правительство перенаправить часть грузов на водные пути; перевозятся грузы миллионами пудов, в том числе каменный уголь из Донбасса через Сарепу по Волге, по Северной Двине из Астрахани до Котласа с перегрузкой по железной дороге в Санкт-Петербург⁶.

Тем временем технический прогресс вел к усложнению транспортной инфраструктуры страны, 1909 г. ознаменовался зарождением авиационной промышленности в России. Именно вагоностроительные заводы стали «кузницей» первых российских самолетов, которые предназначались для военных целей. К началу 1911 г. Российская империя «... занимала второе место по общему количеству аэропланов и третье место – по дирижаблям в мире»⁷.

³ Промышленность, торговля, финансы – Экономика России во второй половине XIX – История. FullIstoria.ru. <http://www.fullistoria.ru/fuists-762-1.html> (дата обращения: 23.11.2025).

⁴ Советский транспорт 1917–1927 гг. Издание Народного комиссариата путей сообщения. М., 1927, с. 159. <https://istmat.org/node/54111?ysclid=mpvhvcn4bs772460539> (дата обращения: 07.02.2026).

⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Военная литература [Исследования]. https://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/09.html (дата обращения: 12.12.2025).

⁶ Советский транспорт 1917–1927 гг., указ. соч., с. 181. <https://istmat.org/node/54111?ysclid=mpvhvcn4bs772460539> (дата обращения: 07.02.2026).

⁷ Ипатов А.М. Предпосылки создания Военного воздушного флота в Российской империи в 1912 году. <https://history.milportal.ru/predposylki-sozdaniya-voennogo-vozdushnogo-flota-v-rossijskoj-imperii-v-1912-godu/?print=print> (дата обращения: 08.10.2025).

К началу Первой мировой войны в России уже была создана авиационная промышленность, инвестиции носили исключительно частный характер, поскольку правительство настаивало на том, что средства, необходимые для развития железных дорог, не следует перенаправлять на развитие авиации. Однако авиационная отрасль оснащала армию по численности вторым в мире парком самолетов, насчитывалось 263 боевые машины. При этом все двигатели импортировались из Франции, что во время войны делало нашу авиационную промышленность уязвимой, поставки по железной дороге через Германию прекратились. Пришлось преодолевать серьезные трудности в сфере логистики. Была поставлена задача наладить собственное производство двигателей и нарастить объемы производства самолетов в России. В 1916 г. количество заводов увеличилось с семи до девяти, в армию поставлено уже 1432 самолета. В то же время устойчиво сохранялось отставание России в авиационной отрасли от Франции, Англии, Германии. Причиной тому являлась сохраняющаяся импортозависимость от поставок электроприборов, радиаторов, оборудования и пр.; собственное производство двигателей составляло 1/3 от потребностей производства. В 1916 г. государством был разработан план развития авиационной отрасли, выделены средства на поддержку частного производства и начато строительство крупных авиационных заводов, но завершить задуманное не удалось⁸.

Имперский проект модернизации не выдержал испытаний Первой мировой войной. Накопление политико-экономических и социально-экономических противоречий привело к слому существовавшей политико-экономической системы. На смену ей пришла возглавляемая коммунистической партией советская политико-экономическая система, ориентированная на реализацию социалистической модели развития.

Роль транспортной инфраструктуры в рамках советской политико-экономической системы

Советскую модель развития можно рассматривать в трактовке Й. Шумпетера как «систему политической экономии». Последний писал: «Под системой политической экономии я понимаю изложение системы экономической политики, которую автор отстаивает исходя из некоего единого нормативного принципа: экономического либерализма, социализма и т.д.» (Шумпетер, 2004: 101). В этой связи возникает вопрос о том, в какой степени социалистический проект советского типа вписывается в логику развития глобальной капиталистической мир-системы. С одной стороны, СССР позиционировал себя как центр реализации конкурирующего с капитализмом глобального политико-экономического и идеологического проекта. С другой стороны, он оставался в конечном счете частью глобальной мир-экономики. Й. Валлерстайн отмечал, что СССР реализовал особый вариант стратегии «меркантилистского полуухода» (Валлерстайн, 2001).

Характеризуя двойственную роль СССР в глобальной мир-системе, необходимо выделить следующие взаимосвязанные аспекты.

1. Условием легитимизации социалистического проекта являлось решение задач модернизации экономики и социума.

2. Исходя из вышесказанного СССР позиционировал себя как центр альтернативной экономической и военно-политической системы. При этом принципиальное значение имела его способность обеспечить военно-стратегический паритет с США как гегемоном мир-системы и его союзниками.

В этой связи Советский Союз, в трактовке Й. Валлерстайна, оставался, с одной стороны, периферией, а с другой – военно-политическим и экономическим контрцентром, балансирующим влияние США. Этот своеобразный «парадокс» в рамках мир-системного подхода можно объяснить в русле идеи Дж. Арриги об объединении процесса накопления капитала и обеспечения военно-политической гегемонии (Арриги, 2006). В данном случае речь идет о том, что в рамках «американского» цикла накопления у США как военно-политического гегемона в течение нескольких десятилетий существовал геополитический противник, ограничивающий данную гегемонию.

Вышеприведенный анализ показывает, что в советский период, как и в имперский, развитие транспортной инфраструктуры было ориентировано на достижение тех же трех основных целей. Однако

⁸ Ганн Ю. Царская Россия как быстро развивающаяся авиационная держава. *Улица Московская*. Электронное издание. <https://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/kraevedenie/item/7076-tsarskaya-rossiya-kak-bystro-razvivayushchayasya-aviatsionnaya-derzhava> (дата обращения: 08.10.2025).

при этом резко выросла значимость решения комплекса военно-стратегических, технологических и политико-административных задач, направленных на обеспечение военно-стратегического паритета с США и его союзниками, сохранение и укрепление геополитических позиций страны в мире. При этом выбор конкретных приоритетов определялся конкуренцией групп интересов, постепенно складывающихся в рамках формальной иерархии советской политико-экономической системы.

В развитии транспортной инфраструктуры страны в советский период можно выделить ряд этапов. Первый этап связан с периодом нэпа, и он укладывается в логику «восстановительного роста» (концепцию восстановительного роста и затухающих кривых развития обосновал отечественный экономист В.Г. Громан, а актуализировал в современной России Е.Т. Гайдар (2003)). Восстановительный рост в период нэпа базировался на использовании ранее созданных производственных мощностей и обученной до его начала рабочей силы. Для запуска механизма восстановительного роста необходимо ликвидировать дезорганизацию экономики и восстановить хозяйственные связи. Допущение рыночных отношений и частного сектора (пусть и в ограниченном масштабе), восстановление денежной системы, реорганизация государственной промышленности на основе объединения предприятий в тресты и синдикаты позволили преодолеть дезорганизацию экономики. При этом необходимым условием для развития хозяйственных связей было восстановление и развитие транспортной инфраструктуры. Это было обусловлено тем, что в результате Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны железнодорожная транспортная система была полностью расстроена. Тяжелые разрушения продолжались и во время Гражданской войны 1917–1922 гг.: взрывались станции, транспортные сооружения, сжигался транспорт. Сохранившийся подвижной состав железнодорожного транспорта представлял собой жалкую картину, разрушения были огромны. Транспортникам приходилось предпринимать невероятные усилия для выполнения поставленных задач по поставкам продовольствия, топлива. В условиях голода 1920–1921 гг. организовывались транспортные экспедиции за продовольствием, перевозки хлеба от силы составляли 1/3 от предвоенного значения 1913 г.⁹ Почти полный паралич водного транспорта увеличил нагрузку на железные дороги. На смену разрушенной системе управления транспортом пришло самоуправление на местах, что привело к полному хаосу. Только к 1921 г. удалось вернуться к единоначальной системе управления транспортом, была решена задача наведения порядка, решались задачи ремонта и восстановления. Система управления претерпевала многочисленные изменения: от централизации до передачи ряда вопросов на местное управление и децентрализации во время нэпа.

Основную массу перевозимых грузов до 1923 г. составляли товары потребления. С 1924 г. возник вопрос перевозок массовых грузов, а соответственно, и необходимости увеличения пропускной способности железнодорожного транспорта и возобновления массовых перевозок дешевых грузов водным транспортом¹⁰. С 1927 г. внимание к транспорту значительно возросло, что прежде всего было продиктовано потребностями растущей промышленности; процесс индустриализации продолжался.

На изменение направления отправляемых грузов и развитие железных дорог оказали влияние новые политические и экономические условия, в которых оказалась страна после Первой мировой войны и революции.

Изменение границ страны вместе с отошедшими приграничными территориями определило изменение потоков грузов, оборвались поставки к Балтийскому морю и на западную границу. С прекращением поставок иностранного угля набирали мощь отправки грузов с Украины в Ленинград, из Донбасса в Москву. Усиливалось значение окраин, набирали силу грузопотоки угля и сельскохозяйственной продукции из Сибири, строилась Туркестано-Сибирская железная дорога, Волго-Донской канал. В связи с увеличением объемов перевозимых грузов развивались Ташкентское и Ростовское направления. Расширялись транспортные узлы Днепропетровска, Киева, Ростова, Харькова, Ленинграда¹¹. Однако к 1927 г. железнодорожное хозяйство не достигло уровня довоенного времени.

Водные пути с 1915 г. не финансировались, такое положение дел сохранялось до 1923 г. С 1913 до 1924 г. протяженность путей сократилась с 39,942 тыс. км до 31,245 тыс. км. С 1925 г. положение изменилось в лучшую сторону, к 1926 г. протяженность водных путей составляла 42,437 тыс. км, улучшалось состояние судов, пострадавших во время войны и революции, строились плотины,

⁹ Советский транспорт 1917–1927 гг., указ. соч., с. 5.

¹⁰ Там же, с. 114.

¹¹ Там же, с. 117–118.

шлюзы, проводилось землечерпание (поддержание необходимых глубин водных путей). Водная транспортная система находилась в тяжелом состоянии, финансирование было недостаточным. Значительное внимание уделялось обеспечению водных транспортников жильем – как необходимое условие развития водопутей.

Изыскивались средства на переустройство действовавших систем, таких как Березинская и Мариинская, и строительство новых водных соединений: Лаче-Кубенское, Камско-Печерское, Сибири, Дальнего Востока, Закавказья. В 1926 г. 49,7% грузооборота водного транспорта приходилось на госпароходство, 45,6% – госорганы и кооперацию, 4,7% – на частные перевозки. К 1927 г. речные перевозки составили 73% довоенного уровня. Основная доля перевозок приходилась на нефтепродукты. Массовые грузы, традиционно перевозимые водным транспортом, такие как лес, строительные материалы, продукция сельского хозяйства, сырье, перешли в грузоперевозки железнодорожным транспортом. В целях повышения экономической эффективности перевозок Советом труда и обороны было принято решение об организации смешанной водно-железнодорожной транспортировки грузов¹².

Как отмечено в издании Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) 1927 г., наибольший ущерб был нанесен морскому торговому флоту. Помимо произведенных разрушений с 1914 по 1920 г., часть судов, находившихся во время революции за границей, не вернулась, часть судов была уведена за границу при эмиграции, часть угнана, часть мобилизована для нужд Красной армии. Порты Одессы, Мариуполя, Новороссийска, Херсона, Николаева, Ростова-на-Дону, Архангельска практически лишились исправных судов. Мелкие порты пришли в практически непригодное к эксплуатации состояние. Повсеместно был расхищен или уничтожен портовый инвентарь, отсутствовала надлежащая система управления. К 1920 г. количество транспортных судов в целом по стране сократилось наполовину. Особенно там, где была возможность угона за границу: так, на Балтийском море осталось 10% от имевшегося до революции транспортного флота. Более 83% всех сохранившихся судов имели возраст более 20 лет, а 39% из них – более 30 лет. Требовалось полное восстановление флота и серьезные инвестиции.

Помимо этого, после революции произошло отчуждение ряда территорий, входивших в состав Российской империи, в результате чего страна лишилась важных портов: Ревеля, Риги, Виндавы, Либавы – и менее значительных. На Балтийском море остался один порт – в Ленинграде, что отразилось на международном товарообмене, в первую очередь с Германией. Таким образом, изменилась география международного товарооборота и выросла значимость морских перевозок.

До 1924 г. прежде всего восстанавливали порты, осуществляющие зерновой экспорт. К 1927 г. был полностью восстановлен Туапсинский порт как особо значимый для экспорта хлебных продуктов, цемента и нефтепродуктов. Частично восстановлены порты в Батуми, Владивостоке – оттуда также осуществлялся хлебный и нефтяной экспорт. Так, к 1926 г. грузооборот порта во Владивостоке вырос более чем в четыре раза за счет экспорта леса и грузов из Маньчжурии. Одесский порт в большей степени использовался для перегрузки зернопродуктов для экспорта. Были проведены восстановительные работы в ряде других, менее значимых портов. На особом счету находился флот Каспийского моря, осуществлявший перевозку нефтепродуктов. Управление им осуществлялось акционерным обществом «Каспийское пароходство», в состав которого входили Народный комиссариат путей сообщения и Высший совет народного хозяйства; размер перевозок определялся величиной добычи и плановых потребностей народного хозяйства.

Следует отметить особую роль автомобильного и гужевого транспорта для всей транспортной системы страны.

В Российской империи система управления транспортом данного вида носила разрозненный характер. В 1918 г. была произведена централизация управления всем дорожным хозяйством.

Согласно изданию НКПС, отмечалась отсталость технического состояния транспорта, плохое состояние дорог, как следствие – увеличение простоя до разгрузки, удаленность районов от водных путей и железных дорог, отсутствие подъездных путей. Все это приводило к росту расходов на доставку грузов.

После Гражданской войны большая часть мостов, грунтовых дорог были в полуразрушенном состоянии. К 1923 г. около 60% государственных дорог требовали капитального ремонта или полного восстановления. Необходимость в ремонте местных дорог и мостов достигала 85%.

¹² Там же, с. 172–184.

До 1927 г. был восстановлен мост через Днепр, построены мосты через реки Великую, Гуйву, Лугу, Западную Двину, Южный Буг и пр. Из наиболее значимых шоссе: Анапа – Тоннельная; восстановлены кавказские и крымские шоссе; начато строительство дорог на Алданские прииски, а также в Якутию, Якша – Усть-Еловка, сибирских трактов, Фрунзе – Рыбачье и др. На четверть были отремонтированы мосты, требующие капитального ремонта¹³.

Состояние парка автомобильного транспорта отражено в табл. 1.

Таблица 1

Парк автотранспорта, 1917–1926 гг.

Год	Количество автомобилей, шт.
1901–1917	41 000
1918	8000
1919	13 448
1921	23 324
1927	28 599

Источник: Составлено авторами по: Советский транспорт 1917–1927 гг. М.: Народный комиссариат путей сообщения, 1927, с. 223–225.

Видно сокращение автотранспорта после революции: на ходу было порядка 20% дореволюционного парка автомашин, ряд из них был утрачен. К 1919 г. количество автотранспорта в рабочем состоянии возросло до 13 448 (числилось на учете) за счет ремонта автомобилей в сохранившихся мастерских. С 1921 г. стали осуществлять импорт автомобилей; до 1927 г. было импортировано более 4,5 тыс. автомобилей, также наладили и собственное производство. Следует отметить, что срок службы значительной доли автопарка в два раза превышал срок полной амортизации.

В этот период продолжилось развитие авиационных перевозок как отрасли транспортной системы. С 1922 г. стали осуществляться международные воздушные перевозки: рейс Москва – Кенигсберг, протяженность которого составляла 1300 км. К 1924 г. в стране работали авиалинии общей протяженностью более 5000 км (Котов, 2007: 54; цит. по: Бочкарева, Хотина, 2016).

Следующий этап развития транспортной инфраструктуры связан с переходом к ускоренной модернизации страны в годы первых пятилеток. Выбор в пользу использования механизмов централизации ресурсов при ориентации на ускоренное развитие группы А (производство средств производства) был обусловлен ранее отмеченным приоритетом решения комплекса военно-стратегических, технологических и политико-административных задач, позволяющих обеспечить паритет со странами глобальной мир-экономики. Издержками такого развития был замедленный рост благосостояния граждан (Ореховский, Букина, 2025).

Проведенный анализ показывает, что на данном этапе модернизации отечественной экономики развитие транспортной инфраструктуры в основном определялось решениями центральных органов управления. Приоритет имели задачи, связанные с обеспечением роли СССР как альтернативного контрцентра (конкурирующего с гегемоном) глобальной мир-экономики. Развитие транспортной инфраструктуры в период после Великой Отечественной войны было подчинено решению общих задач восстановления народного хозяйства СССР. Вопрос о выборе альтернатив развития транспортной системы актуализировался после 1960 г. В стране завершился процесс первичной модернизации, связанной с формированием индустриальной базы национальной экономики и соответствующего кадрового потенциала.

Возникла объективная необходимость перехода к следующему этапу модернизации, связанному с переходом к обществу массового потребления и освоением достижений научно-технической революции. В СССР были приняты решения по развитию массового жилищного строительства и увеличению производства товаров группы Б.

В новых условиях при выборе целей и направлений развития транспортной инфраструктуры в рамках системы централизованного руководства возникла необходимость поиска баланса

¹³ Там же, с. 207–219.

между традиционными задачами укрепления экономического, технологического и военно-стратегического потенциала страны и повышения благосостояния населения. С другой стороны, в рамках хозяйственной и партийно-политической номенклатуры сложились закрытые социальные сети, выступающие как группы особых интересов. Речь в данном случае идет о представителях традиционно доминирующего военно-промышленного и активно интегрирующегося в глобальную экономику топливно-энергетического комплексов – с одной стороны, и партийно-хозяйственного руководства наиболее влиятельных республик и регионов – с другой.

В целом интересы всех вышеуказанных групп сходились в признании необходимости развития транспортной инфраструктуры для обеспечения потребностей растущей экономики и общества.

К 1970 г. общая транспортная сеть составила более 1485 тыс. км, из них на железные дороги приходилось более 135 тыс. км, автомобильные дороги с твердым покрытием – более 511 тыс. км. С 1913 г. транспортная сеть выросла в 8,5 раза¹⁴. Ведущую роль сохранял железнодорожный транспорт. Грузооборот железных дорог СССР в 1970 г. занимал первое место в мире и превосходил грузооборот, осуществляемый по железным дорогам США, более чем в два раза, а по пассажирообороту – в 15 раз. Железнодорожным транспортом в 1970 г. перевезено 3353,8 млн пассажиров, а к 1988 г. этот показатель возрос в 1,3 раза; по РСФСР он составлял 3219,3 млн человек¹⁵. Протяженность путей сообщения общего пользования в 1980 г. составляла 141,8 тыс. км, а к 1990 году – 147,5 тыс. км. В период с 1955 по 1990 гг. было проложено порядка 27 тыс. км новых железнодорожных линий. Только с 1988 по 1991 г. построено 1361 км дорог; в среднем за год это составило 340,250 км¹⁶. Среди проектов развития железнодорожной сети самым масштабным являлся БАМ. В целом же основной упор был сделан на электрификацию и модернизацию существующей железнодорожной сети.

На качественно новый уровень вышел воздушный транспорт. В перевозках пассажиров он был самым востребованным после железнодорожного. Особенно это касалось перевозок на дальние расстояния и в труднодоступные районы. В последних все почтовые и грузовые перевозки осуществлялись воздушным транспортом. На направлениях Москва – Сочи, Москва – Новосибирск, Москва – Ташкент, Москва – Тбилиси на воздушный транспорт приходилось около 70% всех пассажироперевозок, а на линиях Москва – Хабаровск, Москва – Ашхабад – порядка 85%.

Гражданская авиация играла важную роль в обслуживании различных отраслей народного хозяйства:

- в сельском и лесном хозяйствах проводились химические работы, охрана лесов от пожаров;
- в обслуживании предприятий и организаций газовой и нефтедобывающей промышленности, геологии, метеорологии;
- в работе организаций, выполняющих строительство трубопроводов, линий электропередач;
- в рыбной промышленности;
- в труднодоступных районах страны и пр.

Протяженность международных воздушных линий к 1971 г. составила 224,6 тыс. км. Воздушные линии связывали СССР с 60 странами мира; самые удаленные от Москвы – Гавана, Монреаль, Нью-Йорк, Сингапур, Токио и Ханой¹⁷.

Внутри страны в 1970 г. авиатранспортом перевезено свыше 71 млн пассажиров, за период с 1966 по 1970 г. – более 300 млн пассажиров. К 1980 г. количество пассажироперевозок выросло до 2,6 млн пассажиров, в 1988 г. увеличилось до 4,2 млн, а к 1990 г. – до 8,1 млн¹⁸.

Постепенно росла значимость автомобильного транспорта. С 1961 по 1970 г. протяженность дорог с твердым покрытием выросла в 1,9 раза, с усовершенствованным покрытием – в 2,7 раза. Особое внимание уделялось строительству дорог с твердым покрытием в республиках Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Литва, Туркмения, Молдавия; общий рост составил 3,6 раза в сравнении с 1940 г. К 1980 г. длина шоссейных дорог, в том числе с твердым покрытием, выросла до

¹⁴ Транспорт и связь СССР: Статистический сборник. М.: Статистика, 1972, с. 320. <https://istmat.org/node/29535?ysclid=mpvie0zq4f868838986> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁵ Там же, с. 9.

¹⁶ Там же, с. 11.

¹⁷ Там же, с. 5.

¹⁸ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. ежегодник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991, с. 752. https://istmat.org/files/uploads/433/narodnoe_hozyaystvo_ssr_v_1990_g.pdf (дата обращения 03.03.2026).

1341,3 тыс. км, а в 1985 г. – до 1131,4 тыс. км¹⁹. К концу советского периода в РСФСР по объему перевозок первое место уже занял автомобильный транспорт, опередив железнодорожный (Макарова, Ореховский, 2025).

Свое историческое значение сохранял водный транспорт. В европейской части СССР была создана сеть искусственных речных путей, объединенных в глубоководную транспортную систему с выходом в море. Общая протяженность эксплуатируемых водных путей в районах Сибири и Дальнего Востока увеличилась с 1961 по 1970 г. более чем на 12 тыс. км. Были построены танкеры грузоподъемностью 5 тыс. тонн для перевозки нефтегрузов речными и морскими путями, теплоходы грузоподъемностью 2,7 тыс. тонн для транспортировки леса, насыпных и других грузов. Использовались грузовые теплоходы для перевозок железорудного концентрата от Кандалакши до Череповецкого металлургического комбината и из районов Волги в районы Кольского полуострова.

Таблица 2

Пассажирский подвижной состав в 1980–1990 гг., шт.

Пассажирский подвижной состав \ Год	1980	1985	1986	1988	1989	1990
Портовые морские суда общего пользования	345	329	325	308	296	311
Озерные и речные суда общего пользования, включая грузопассажирские	–	2353	2266	2188	2154	2113

Источник: составлено авторами по: Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Статистический ежегодник. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991, с. 605. https://istmat.org/files/uploads/433/narodnoe_hozyaystvo_sssr_v_1990_g.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

Были предприняты усилия по развитию гражданского морского флота, обеспечившие независимость страны от внешнего фрахтового рынка капиталистических стран. Перевозки морским флотом осуществлялись не только между советскими портами, но и со странами Ближнего и Среднего Востока, Канадой, Юго-Восточной Азией, Африкой, Латинской Америкой, Кубой, Австралией, Японией²⁰.

Развитие транспортной инфраструктуры СССР было ориентировано на решение задач интеграции экономического и социального пространства страны при подчиненном значении проблем коммерческой эффективности. В этой связи можно отметить поддержание низких тарифов на пассажирские перевозки, что особенно касалось воздушного транспорта. Такой разрыв приводил к возникновению ряда системных проблем. В их числе следует выделить дефицит билетов, особенно в сезон отпусков, и отставание в развитии инфраструктуры пассажирского транспорта (Ханин, 2008).

К концу 1980-х гг. возникли острые проблемы с пассажирскими перевозками автотранспортом. В РСФСР количество автобусов составляло 60%, автомобилей такси – 30% от потребностей народного хозяйства²¹. Наблюдался острый дефицит новых автомобилей. Списание автомобилей происходило только по причине полного физического износа и невозможности дальнейшей эксплуатации.

Завышенные планы объемов грузовых перевозок и их дальности приводили к существенным припискам на автопредприятиях. Усугубляло ситуацию старение парка грузовых машин и уплата в бюджет повышенной платы (в тройном размере) за эксплуатацию грузовых автомобилей после полной их амортизации, согласно решению Совета Министров СССР. Для обеспечения потребностей отраслей народного хозяйства Минпромторг был вынужден приобретать списанные грузовые автомобили Министерства обороны СССР со сроком эксплуатации свыше 13 лет. Данные факты усложняли финансовое положение предприятий в условиях хозрасчета. На конец 1990 г. исправные автомобили составляли 87,8% от всего парка автотранспорта (Макарова, Ореховский, 2025).

В результате осознания накопившихся проблем была предпринята попытка изменить «правила игры» с целью рационализации функционирования железнодорожного и автомобильного транспорта. Проект реформ соединял изменение форм централизованного управления с широким внедрени-

¹⁹ Там же, с. 622.

²⁰ Там же, с. 8.

²¹ Обеспечение потребностей населения в пассажирских перевозках. М.: Знание, Моск. дом науч.-технич. пропаганды им. Ф.Э. Дзержинского, 1990, с. 3.

ем хозрасчета и самофинансирования. В 1987 г. были введены «Методические указания по экономическому обоснованию распределения перевозок грузов между железнодорожным и автомобильным транспортом, планированию и учету этих перевозок». Они предназначались для объединений автомобильного транспорта, предприятий – владельцев грузов, железных дорог, планово- и снабженческо-сбытовых органов. Основанием целесообразности переключения поставок грузов с одного вида транспорта на другой являлись технико-экономические расчеты в каждом конкретном случае.

Предполагалось проведение оценки эффективности перевозки грузов автомобильным транспортом на расстояние свыше 600 км. В затраты включались расходы на перевозку, подвоз грузов на станцию для отправки, вывоз со станции назначения, выполнение работ по погрузке и разгрузке. Учитывались экологический ущерб, наносимый транспортом, и стоимость возможных потерь грузов. Большое внимание уделялось тарифам и поиску путей снижения транспортных расходов. В условиях внедрения хозрасчета необходимо было находить консенсус между интересами государства и интересами предприятий с учетом издержек, действующих тарифов, потерь при транспортировке (Минкин, 1990).

Предполагалось, что практическая реализация методических рекомендаций позволит использовать имеющиеся резервы автомобильного и железнодорожного транспорта без дополнительных капитальных вложений в масштабах страны.

Опыт показал, что ведущее значение на практике приобретали институциональные факторы, определяющие ослабление роли центральных органов управления. Формально централизованная экономика постепенно трансформировалась в систему многоуровневых административных торгов. На третьем этапе советской экономической системы (после 1960 г.) выбор видов транспорта определялся не столько централизованными рекомендациями, сколько действиями «распределительных коалиций» в лице различных групп партийно-политической и хозяйственной номенклатуры (Олсон, 1998; Левин, Саблин, 2024).

«Либеральный» проект трансформации институциональной организации транспортной инфраструктуры

Рыночные реформы 1990-х – начала 2000-х гг. базировались на «либеральном» нормативном проекте. Этот проект предполагал одновременную внутреннюю и внешнюю либерализацию. С точки зрения внутренней либерализации предполагалось создание политико-экономической системы, построенной на разделении конкурентных экономических и «политических рынков». Внешняя либерализация означала ориентацию развития экономики на «сигналы» глобальных рынков. Отечественные экономические и политические субъекты встраивались в мир-экономику в качестве зависимых элементов глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС). Такой подход предполагал постепенный отказ от реализации государством функций обеспечения единства фрагментированного экономического пространства страны и ее экономических и геополитических позиций с использованием централизованных политико-административных механизмов. Критики избранного подхода, в частности, обращали внимание на то, что в 1990-х гг. произошел «почти полный отказ от концепции единого народнохозяйственного комплекса и воспроизводственной теории экономических регионов вообще» (Минакир, Демьяненко, 2014: 226).

В рамках избранного подхода институциональную организацию транспортной инфраструктуры страны предполагалось реорганизовать на принципах либерализации и приватизации, отдав приоритет ее коммерческой эффективности. Результативность такого подхода сильно различалась в зависимости от специфики составных элементов транспортной инфраструктуры.

В наибольшей степени возможности развития на принципах частного конкурентного хозяйствования имел автомобильный транспорт. В этой связи Г. Ханин отмечал, что благодаря институциональным изменениям и активной предпринимательской деятельности в условиях отсутствия налогообложения и высоких тарифов последствия приватизации на автомобильном транспорте не привели к столь разрушительным последствиям, как в экономике в целом (Ханин, 2012). Автомобильный транспорт достаточно успешно вписался в формирующуюся рыночную экономику. И.В. Макарова и П.А. Ореховский (2025) обосновывают наличие в 1990-х гг. структурного сдвига в пользу автоперевозок по сравнению с железнодорожным транспортом в рамках перехода к системе рыночного типа. Они доказывают экономическую рациональность такого сдвига следующим

образом: «Учитывая то, что после 1992 г. главным растущим сектором в России на много лет стала торговля (особенно розничная), грузовой ж/д транспорт использовался прежде всего для перевозок ресурсов (угля, леса, ГСМ, проката, стройматериалов и т.д.), а не товаров конечного потребления, такая перестройка представляется вполне соответствующей новым рыночным реалиям» (Макарова, Ореховский, 2025: 176). По существу, речь идет о том, что автомобильный транспорт встроился в рыночный сектор современной отечественной экономики как ее неотъемлемый элемент. Наряду с развитием автомобильного транспорта приоритетное значение приобрели строительство и эксплуатация нефтепроводов и газопроводов преимущественно экспортной ориентации. Возникшие в ходе рыночной трансформации сдвиги в структуре транспортной инфраструктуры выступили как элемент закрепления в постсоветской России модели анклавной двойственной экономики. Экспортно-ресурсный сектор выступил как «анклав богатства», обеспечивающий выживание экономики и социально-политическую стабильность, но блокирующий формирование целостной (связанной) модели национальной экономики (Stiglitz, 2002; Левин, Саблин, 2024). Эти анклавы встраивались в глобальные цепочки создания стоимости (Humphrey, Schmitz, 2001; Gereffi, Sturgeon, 2013). При этом экспортно-ресурсный сектор через приток валютной выручки стимулировал развитие торговли и рост «неторгуемых» отраслей.

В то же время реорганизация железнодорожного и авиационного транспорта, которые традиционно выполняли функции по интеграции политико-экономического пространства страны и обеспечению ее геополитических и военно-стратегических позиций в мире, носила противоречивый характер и привела к ряду значимых разрушительных последствий.

Особая роль железнодорожного транспорта была признана тем, что он был отнесен к числу «естественных монополий». На первом этапе сохранилась традиционная административная модель управления, реализуемая Министерством путей сообщения (МПС). Только в 2003 г. на базе МПС было создано ОАО «Российские железные дороги», в котором 100% акций принадлежит государству (Федеральный закон от 27 февраля 2003 года № 29-ФЗ «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта»). С самого начала рыночных реформ выявилось противоречие между достижением коммерческой эффективности железнодорожного транспорта и выполнением им функций интегратора экономического и социально-политического пространства страны. Это противоречие проявилось в первую очередь в проблеме пассажирских перевозок. На железнодорожный транспорт пришлось более 40% таких перевозок. В целях обеспечения их доступности государство регулировало тарифы, особенно на пригородные поезда. В результате железнодорожный транспорт на фоне роста цен в других отраслях стал убыточным, поскольку на МПС возложили роль стабилизатора социального напряжения в обществе.

В 2001 г. была принята программа реформирования железнодорожного транспорта как одной из естественных монополий. Программа включала три этапа.

1. На подготовительном этапе (2001–2003 гг.) через создание ОАО «РЖД» были разделены функции государственного регулирования и хозяйственного управления.

2. На втором этапе (2003–2005 гг.) решались задачи сокращения перекрестного субсидирования пассажирских перевозок и подготовки институциональных условий для отделения от естественно-монопольных потенциально конкурентных видов деятельности через создание дочерних зависимых обществ (ДЗО).

3. Задачами третьего этапа реформы (2006–2010 гг.) были: приватизация дочерних компаний в сфере грузовых перевозок, создание Федеральной пассажирской компании по перевозкам в дальнем следовании, формирование пригородных пассажирских компаний с участием субъектов Российской Федерации.

Инвестиции новых собственников приватизированных компаний в сфере грузовых перевозок позволили кардинально обновить и увеличить численность вагонного парка, но при этом возникли проблемы перегрузки железных дорог избыточными вагонами. Сохраняется также ситуация с убыточностью пригородных пассажирских перевозок.

Центральной проблемой является развитие железнодорожной сети с учетом не только запросов рыночного сектора, но и обеспечения выполнения традиционных функций по интеграции политико-экономического пространства страны в условиях обострения глобальной конкуренции и геополитической нестабильности. Это требует привлечения долгосрочных инвестиционных ресурсов. Необходимо отметить, что развитие ситуации после введения против России всеобъемлющих санк-

ций показало правильность принятых ранее решений о долгосрочной программе реконструкции Транссиба и БАМа с привлечением ресурсов Фонда национального благосостояния (ФНБ).

Авиаперевозки стали отраслью транспортной инфраструктуры, рыночная реорганизация и приватизация которой породили серьезные проблемы, блокирующие выполнение ею функций по интеграции политико-экономического пространства страны. Аэрофлот был ликвидирован как единая структура, разделен по территориальному принципу, а также по типу осуществляемых перевозок (на внутренние и международные). К 1995 г. в России появилось 418 авиационных компаний, из них 390 были лицензированы²². Международные перелеты осуществляла практически одна компания – «Аэрофлот – российские международные авиалинии». К 2005 г. парк самолетов сократился до 5,5 тыс. В 2021 г. количество воздушных судов гражданской авиации составило 7,1 тыс., отмечается прирост к 2006 г. в 29%, но это ниже уровня 1995 г. на 11,3%. За 2022–2023 гг. статистика по количеству воздушного транспорта не публиковалась. По данным за первую половину 2025 г., к первой половине 2024 г. можно отметить сокращение пассажирских перевозок на 0,8%²³.

Следует выделить две системные проблемы.

Во-первых, свертывание до минимальных значений внутрирегиональных и межрегиональных авиаперевозок, что усилило дезинтеграцию экономического пространства страны.

Во-вторых, критическая зависимость отрасли от поставок самолетов иностранного производства. Эмбарго на поставки новой авиатехники и обслуживание ранее приобретенной нанесло серьезный ущерб отрасли.

Признанием необходимости ускоренного решения этих сложных проблем стало принятие «Комплексной программы развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 года» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 25 июня 2022 года № 1693-р с изменениями на 4 мая 2024 года). Показательно, что среди основных целей этой программы выделяются: обеспечение авиатранспортной связанности регионов РФ, мобильности населения и технологического суверенитета в авиатранспортной отрасли.

Общее состояние и структура транспортной отрасли на 2023 г. характеризуются следующими показателями:

1) на автобусный общественный транспорт приходилось 87,1% перевозок пассажиров, на железнодорожный – 11,72%, на воздушный – 0,11%, на внутренний водный – 0,04%, на морские перевозки – 0,03%. Таким образом, мы видим несущественный вклад в пассажирообороты внутреннего водного, морского и воздушного видов транспорта. Их общая доля составила 1,18%²⁴;

2) автомобильным транспортом осуществлялось 81,15% грузоперевозок, железнодорожным – 17,07%, внутренним водным – 1,36%, морским – 0,41, воздушным – 0,01%. Мы видим несущественный вклад в грузоперевозки тех же трех видов транспорта, доля которых равна 1,78%²⁵.

Для перевозок грузов и пассажирообороты в России наибольшее значение приобрели железнодорожный и автомобильный виды транспорта. В постсоветский период явно недостаточно внимания уделялось развитию других видов транспорта, несмотря на их значимость для обеспечения пространственной связанности экономики страны. А.Г. Гранберг определяет последнюю как «интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспортных... сетей»²⁶.

Развитие транспортной инфраструктуры должно быть вписано в решение по обеспечению интеграции экономического и политического пространства страны и ее конкурентных позиций в глобальной экономике и международной политико-экономической системе. В этой связи Д.Р. Белоусов²⁷ обосновывает значимость: развития высокомаржинальных перевозок (скоростные грузоперевозки); «формирования грузовой и пассажирской интегрированной межтранспортной

²² Заварский Л. (1996). Клиническая смерть. Коммерсант-Daily, 20 февраля; цит. по: Ханин, 2012, с. 374.

²³ Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. Январь – июнь 2025 года. М., 2025, с. 5.

²⁴ Транспорт в России. 2024: Стат. сб. М.: Росстат, 2024, с. 38.

²⁵ Там же, с. 37.

²⁶ Сальников В., Галимов Д. и др. Пространственная связанность экономики. Семинар ИНИП РАН, X/2024. http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Salnikov/prostranstvennaya-svyaznost-ekonomiki.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

²⁷ Белоусов Д.Р. (2025). Пять вызовов долгосрочного развития ОАО «РЖД» (Перспектива-2050: очень кратко): Важнейшие тренды и что они значат для Компании. Форсайт долгосрочного развития бизнеса и технологий ОАО «РЖД», организованном ОАО «РЖД» и Компанией «Иннопрактика». http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/2025-07-07RGD.pdf, с. 3 (дата обращения: 15.02.2026).

платформы (с ядром на инфраструктуру РЖД), интегрирующей железнодорожные, водные (при необходимости) и автомобильные (дроновые, решение проблемы «последнего километра») элементы»; превращения железнодорожных грузоперевозок в «абсолютно безопасный и прослеживаемый» вид транспорта; развития новых форматов пассажирских перевозок («круиз на поезде», «бизнес в вагоне как в офисе» и т.д.) и межтранспортной платформы (с широким использованием беспилотников).

Расположение Российской Федерации между Европой и Азией дает существенные преимущества, позволяющие раскрыть потенциал страны в создании международных транзитных коридоров (Зенкина, Кутовой, 2019). Страны Азии, особенно Индия и Китай, заинтересованы в развитии Северного морского пути. Как отмечает И.А. Стрельникова, благодаря транспортному коридору «Север – Юг» время доставки грузов из Индии в Россию сократится почти в два раза. Поставка грузов посредством Суэцкого канала занимает от 30 до 45 дней, а перевозка по коридору «Север – Юг» позволит сократить путь до 24–15 дней. Пока конечным пунктом данного маршрута планируется Санкт-Петербург. Если проложить путь через Мурманск до Архангельска, это позволит значительно увеличить величину грузоперевозок по Северному морскому пути²⁸.

Заключение

В статье развитие транспортной инфраструктуры рассматривается в контексте решения задач модернизации экономики и общества в России в имперский, советский и постсоветский периоды. Проведенный анализ показал, что сменяющие друг друга имперская автократия, коммунистическая партия и постсоветская «правящая группа» выступали в качестве заказчиков институциональных проектов, определяющих выбор дискретных структурных альтернатив организации данной отрасли. При этом выбор делался не на основе узких критериев экономической эффективности, а в рамках политико-экономического подхода, ориентированного на решение задач интеграции фрагментированного экономического пространства страны. Специфика этой фрагментации определялась противоречивым характером вхождения России как мир-империи в глобальную мир-экономику. Общие характеристики вышеуказанных институциональных проектов определялись необходимостью использования транспортной инфраструктуры как инструмента достижения сразу трех противоречивых целей:

- 1) интеграция политико-экономического пространства страны;
- 2) укрепление ее экономических, политических и военно-стратегических позиций в мире;
- 3) обеспечение приемлемого уровня коммерческой эффективности данной сферы.

Исторический опыт показывает, что последняя цель реализовывалась в той мере, в какой не препятствовала достижению первых двух. Специфические особенности выбора дискретных структурных альтернатив определялись тем, как они легитимизировались идеологическими установками сменяющих друг друга правящих групп – консервативными, социалистическими, гибридными (либерально-имперскими).

На современном этапе произошла дифференциация транспортной инфраструктуры. С одной стороны, активно развивались отрасли, встроившиеся в рыночный сектор экономики (примером может служить автомобильный транспорт). С другой стороны, нерешенными остаются проблемы выбора дискретных структурных альтернатив организации железнодорожного, авиационного и водного транспорта, способных обеспечить оптимальный баланс между выполнением ими функций интеграции политико-экономического пространства страны, поддержания глобальной конкурентоспособности национальной экономики при сохранении и повышении коммерческой эффективности.

Литература / References

- Арриги Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего. [Arrighi, G. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. Moscow: Territoriya budushchego Publ. (in Russian)].
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2020). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ. [Ajemoglu, D., Robinson, J. (2020). *Why Some Countries are Rich and Others are Poor. The Origin of Power, Prosperity and Poverty*. Moscow: AST Publ. (in Russian)].

²⁸ Ледаева М. Регионы СЗФО предложили включить в глобальные транспортные коридоры. Российская газета – Экономика Северо-Запада, 10 октября 2023, № 228(9173). <https://rg.ru/2023/10/10/reg-szfo/sevmorput-v-trende.html> (дата обращения: 10.02.2026).

- Бессонова О.Э. (2026). *Раздаточная матрица России: экономика, идеология, социум*. М.: Политическая энциклопедия. [Bessonova, O. (2026). *The Distribution Matrix of Russia: Economy, Ideology, Society*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya Publ. (in Russian)].
- Беляков А. (2002). Оценка народно-хозяйственного ущерба от приоритетного развития железнодорожной сети в России во второй половине XIX века (опыт построения контрфактической модели). *Экономическая история: ежегодник* **2001**, 399–417. [Belyakov, A. (2002). Assessment of national economic damage from the priority development of the railway network in Russia in the second half of the 19th century (Experience of building a counterfactual model). *Ekonomicheskaya Istoriya: Ezhegodnik* **2001**, 399–417 (in Russian)].
- Бочкарева А.С., Хотина Ю.В. (2016). К вопросу об истории развития пассажирских перевозок на воздушном транспорте. *Научные труды КубГТУ*, 51–7. [Bochkareva, A., Khotina, Yu. (2016). On the history of the development of passenger air transport. *Nauchnye Trudy KubGTU*, 51–7 (in Russian)].
- Валлерстайн Й. (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. [Wallerstein, I. (2001). *World-Systems Analysis and the Situation in the Modern World*. Saint Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ. (in Russian)].
- Гайдар Е. (2003). Восстановительный рост и некоторые особенности современной экономической ситуации в России. *Вопросы экономики* (5), 4–18. [Gaidar, E. (2003). The recovery growth and some specifics of modern economic situation in Russia. *Voprosy Ekonomiki* (5), 4–18 (in Russian)].
- Доббин Ф. (2013). *Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли*. М.: Изд. дом ВШЭ. [Dobbin, F. (2013). *Formation of Industrial Policy: The United States, Great Britain and France in the Period of Railway Industry Emergence*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian)].
- Зенкина Е.В., Кутовой В.М. (2019). Транспортная система и ее влияние на устойчивое развитие экономики России. *Вестник университета* (2), 95–100. [Zenkina, E., Kutovoy, V. (2019). The transport system and its impact on the sustainable development of the Russian economy. *Vestnik Universiteta* (2), 95–100 (in Russian)].
- Канн С.А (2016). Царская дорога: Транссибирская магистраль. *Живая история* (10), 24–31. [Kann, S. (2016). The tsar's road: The Trans-Siberian Railway. *Zhivaya Istoriya* (10), 24–31 (in Russian)].
- Кирдина С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. М.; СПб.: Нестор-История. [Kirdina, S. (2014). *Institutional Matrices and the Development of Russia. Introduction to X-Y-Theory*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (in Russian)].
- Котов Н.А. (2007). *История гражданской авиации России: с возникновения воздухоплавания до 1945 г.* СПб: Питер. Цит. по: Бочкарева, Хотина, 2016. [Kotov, N. (2007). *History of Civil Aviation in Russia: From the Origins of Aeronautics to 1945*. Saint Petersburg: Piter Publ. Cited in: Bochkareva, Khotina, 2016 (in Russian)].
- Лапаева Л.В. (2005). Возникновение и развитие металлургической промышленности в России (до 1917 года). *Вестник ОГУ* (6), 52–61. [Lapaeva, L. (2005). The emergence and development of the metallurgical industry in Russia (up to 1917). *Vestnik OGU* (6), 52–61 (in Russian)].
- Левин С.Н. (2014). Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России. *Мир России* **23**(4), 35–58. [Levin, S. (2014). Markets of power, property rights regimes and the political resource of entrepreneurs in modern Russia. *Mir Rossii* **23**(4), 35–58 (in Russian)].
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2024). Фрагментация политико-экономической системы в России: история и современность. *Terra Economicus* **22**(4), 19–33. [Levin, S., Sablin, K. (2024). Fragmentation of the politico-economic system in Russia: History and modernity. *Terra Economicus* **22**(4), 19–33 (in Russian)].
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2026). Институциональные изменения как политико-экономический процесс: субъекты и альтернативы. *Журнал институциональных исследований* **18**(1), 18–34. [Levin, S., Sablin, K. (2026). Institutional changes as a politico-economic process: Actors and alternatives. *Journal of Institutional Studies* **18**(1), 18–34 (in Russian)].
- Макарова И.В., Ореховский П.А. (2025). Транспортный коллапс 1990–1991 гг. и сдвиг в структуре российских грузоперевозок. *Вопросы теоретической экономики* (2), 164–180. [Makarova, I.,

- Orekhovsky, P. (2025). Transport collapse of 1990–1991 and a shift in the structure of Russian cargo transportation. *Issues of Economic Theory* (2), 164–180 (in Russian)].
- Мачерет Д.А., Епишкин И.А. (2017). Взаимное влияние институциональных и транспортных факторов экономического развития: ретроспективный анализ. *Журнал институциональных исследований* 9(4), 80–101. [Macheret, D., Epishkin, I. (2017). Mutual influence of institutional and transport factors of economic development: A retrospective analysis. *Journal of Institutional Studies* 9(4), 80–101 (in Russian)].
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2014). *Очерки по пространственной экономике*. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. [Minakir, P., Demyanenko, A. (2014). *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk: Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian)].
- Минкин В.Б. (1990). Дальноперебазные перевозки: экономически целесообразные сферы распределения. *Железнодорожный транспорт* (3), 52–55. [Minkin, V. (1990). Long-distance transportation: Economically feasible distribution spheres. *Zheleznodorozhny Transport* (3), 52–55 (in Russian)].
- Могилевкин И.М. (2005). *Транспорт и коммуникации: прошлое, настоящее, будущее*. М.: Наука. Цит. по: Мачерет, Епишкин, 2017. [Mogilevkin, I. (2005). *Transport and Communications: Past, Present, Future*. Moscow: Nauka Publ. Cited in: Macheret, Epishkin, 2017 (in Russian)].
- Ненасьева М.В., Олсен Ю.О. (2018). Водный транспорт Европейского Севера России: социальная значимость, проблемы и перспективы развития. *Арктика и Север* (32), 49–62. [Nenasheva, M., Olsen, J. (2018). Water transport in the European North of Russia: social significance, challenges and perspectives of development. *Arktika i Sever [Arctic and North]* (32), 49–62 (in Russian)]. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.32.49
- Олсон М. (1998). *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз*. Новосибирск: ЭКОР. [Olson, M. (1998). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. Novosibirsk: EKOR Publ. (in Russian)].
- Ореховский П.А., Букина И.С. (2025). Индустриализация в СССР 1923–1960. Структуралистский подход. *Журнал институциональных исследований* 17(1), 30–49. [Orekhovsky, P., Bukina, I. (2025). Industrialization in the USSR 1923–1960. A structuralist approach. *Journal of Institutional Studies* 17(1), 30–49 (in Russian)].
- Тагирова Н.Ф. (2015). «Путешествие волжского хлеба»: транспортные пути, коридоры в России (XIX – начало XX в.). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук* 17(3), 64–66. [Tagirova, N. (2015). “The Journey of Volga Bread”: Transport routes and corridors in Russia (19th – early 20th century). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* 17(3), 64–66 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2008). *Экономическая история России в новейшее время: Монография: В 2 т., т. 1. Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 год. Серия «Монографии НГТУ»*. Новосибирск: НГТУ. [Khanin, G. (2008). *Economic History of Russia in Modern Times: in 2 vols., vol. 1. The Economy of the USSR from the Late 1930s to 1987*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2012). Экономическая история России в новейшее время. *Terra Economicus* 10, специальный выпуск, 6–407. [Khanin, G. (2012). Economic history of Russia in modern times. *Terra Economicus* 10, special issue, 6–407 (in Russian)].
- Хусаинов Ф.И. (2018). Формирование и развитие железных дорог в России в XIX веке: стимулы и институты. *Бюллетень транспортной информации* (8), 19–28. [Khusainov, F. (2018). Formation and development of railways in Russia in the 19th century: Incentives and institutions. *Byulleten Transportnoy Informatsii [Bulletin of Transport Information]* (8), 19–28 (in Russian)].
- Шумпетер Й.А. (2004). *История экономического анализа: В 3 т., т. 1*. СПб.: Экономическая школа. [Schumpeter, J. (2004). *History of Economic Analysis: in 3 vols., vol. 1*. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ. (in Russian)].
- Stiglitz, J. (2002). *Globalization and Its Discontents*. N.Y.: W.W. Norton & Company.
- Humphrey, J., Schmitz, H. (2001). Governance in global value chains. *IDS Bulletin* 32(3), 19–29. DOI: 10.1111/j.1759-5436.2001.mp32003003.x
- Gereffi, G., Sturgeon, T. (2013). Global value chains and industrial policy: The role of emerging economies. In: Elms, D.K., Low, P. (eds.). *Global Value Chains in a Changing World* (pp. 329–361). Geneva: WTO Publications. DOI: 10.30875/091420f7-en

Субъективное благополучие россиян: барьеры и контуры социальной субъектности

Сушко Павел Евгеньевич

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: sushkope@mail.ru

Цитирование: Сушко П.Е. (2026). Субъективное благополучие россиян: барьеры и контуры социальной субъектности. *Terra Economicus* 24(3), 69–87. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-69-87

В статье на данных Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2025 г., N = 2000) исследуются особенности субъективного благополучия россиян, рассматриваемые в контексте проявлений и барьеров индивидуальной социальной субъектности. На основе авторского индекса субъективного благополучия (Индекс СБ), охватывающего оценки респондентами ситуации в 16 ключевых сферах их жизни, выделены пять групп, профили которых дифференцируются от субъективного неблагополучия до социальной успешности. Анализ взаимосвязи внутригрупповых структур, социально-демографического профиля, реализации жизненных целей и распространенных проблем позволяет сделать предположение об иерархической модели социальной субъектности россиян, развивающейся от базовой интегрированности в микросоциум к автономному проектированию жизненного пути. Показано, что последовательное расширение спектра позитивных оценок россиянами ситуации в разных сферах жизни происходит от первичного социального капитала (отношений в семье и ближнем круге) к материальным, профессиональным и рекреационным возможностям по мере роста Индекса СБ. Эта закономерность сопряжена с ростом числа достигнутых целей за последние три года и соответствующим углублением горизонтов планирования по мере перехода к наиболее благополучным группам. Зафиксировано изменение характера жизненных барьеров, при котором множественные проблемы, ограничивающие наименее благополучные группы, по мере роста субъективного благополучия сменяются дефицитом времени и высокой интенсивностью реализации целей. Таким образом, универсальным фундаментом социальной субъектности может выступать социальное признание в ближнем круге, а стабилизация материального положения – обеспечивать базовый контроль над внешними обстоятельствами и давать возможность адаптироваться к ним. На этом фоне доминирование позитивных оценок в отношении доступа к нематериальным ресурсам может свидетельствовать о переходе индивида к проактивной форме социальной субъектности, которая позволяет ему не просто адаптироваться к меняющейся реальности, но и преобразовывать ее под свои цели. В целом же выявленные закономерности отражают сложную иерархичную природу социальной субъектности, задавая концептуальный вектор для операционализации ее многоуровневой объяснительной модели в рамках будущих исследований.

Ключевые слова: российское общество; субъективное благополучие; социальное неравенство; социальная стратификация; качество жизни; социальная субъектность; самореализация

Russians' subjective well-being: Barriers and contours of social agency

Pavel Sushko

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia, e-mail: sushkope@mail.ru

Citation: Sushko P. (2026). Russians' subjective well-being: Barriers and contours of social agency. *Terra Economicus* 24(3), 69–87 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-69-87

Based on empirical data from the Institute of Sociology of FCTAS RAS (October 2025, N = 2000), this paper investigates the specifics of Russians' subjective well-being in relation to the manifestations and barriers of individual social agency. Applying the authors' Subjective Well-Being Index (SWB Index) based on respondents' evaluations of 16 life domains, the research delineates five groups ranging from subjective ill-being to social success. An analysis of the interconnections among intragroup structures, socio-demographic profiles, the realization of life goals, and prevalent everyday problems allows for the conceptualization of a hierarchical model of social agency. This model develops sequentially from basic integration into the micro-social environment toward the autonomous construction of a life trajectory. The findings demonstrate that as the SWB Index increases, the spectrum of positive assessments expands consistently from primary social capital, including family and close relations, to material, professional, and recreational opportunities. This structural pattern correlates with an increase in the number of realized goals over the past three years and a corresponding extension of planning horizons among the most well-off groups. Furthermore, the research reveals a qualitative shift in the nature of life barriers, where the multiple problems restricting the least well-off groups are gradually replaced by time deficits and a high intensity of goal realization as subjective well-being improves. Consequently, social recognition within primary networks may function as the universal foundation of social agency, while the stabilization of the material situation provides basic control over external circumstances and facilitates situational adaptation. Against this background, the predominance of positive assessments regarding access to non-material resources indicates an individual's transition to a proactive form of social agency, enabling them not merely to adapt to a changing reality but to actively transform it in accordance with their goals. Ultimately, the identified empirical patterns reflect the complex hierarchical nature of social agency, setting a conceptual vector for the operationalization of a multilevel explanatory model in future research.

Keywords: Russian society; subjective well-being; social inequality; social stratification; quality of life; social agency; self-realization

JEL codes: I24, I31, D63, J24, D10

Введение

Исследование повседневных практик россиян в условиях текучей современности (Бауман, 2008) и нарастающей геополитической турбулентности выводит на первый план проблему взаимосвязи субъективного благополучия и индивидуальной социальной субъектности. В ситуациях перманентных внешних вызовов традиционный анализ объективного положения россиян не всегда позволяет в полной мере оценить их реальную социально-экономическую устойчивость и способность к преодолению структурных ограничений. Именно субъективное измерение приобретает в этой связи ключевое значение для понимания внутреннего потенциала развития различных социальных групп. В частности, анализ субъективных оценок дает возможность эмпирически проследить сохранение баланса между интегративным единством системы и авто-

номией личности, который классики социологической науки рассматривали в качестве фундаментального условия долгосрочной устойчивости всего социального порядка (Парсонс, 2002).

Поддержание такого равновесия сегодня напрямую зависит от способности индивидов сохранять контроль над своим микромиром и конвертировать доступные ресурсы в реальные жизненные достижения. В рамках данного исследования выдвигается предположение о том, что профили субъективного благополучия могут выступать своеобразным индикатором результативности работы скрытых механизмов социальной субъектности. Высокий уровень удовлетворенности базовыми сферами жизни в такой оптике ассоциируется со способностью граждан автономно выстраивать свою траекторию и преодолевать дестабилизирующее влияние внешней среды. В свою очередь, преобладание негативных оценок может маркировать вероятные зоны блокировки социальной субъектности и высокую социальную уязвимость. Изучение структуры этих оценок у разных групп населения позволяет выявить ключевые барьеры самореализации и предварительно очертить эмпирические контуры социальной субъектности россиян без жесткого постулирования ее итоговой структурной модели.

Субъективное благополучие и социальная субъектность: концептуализация и методология анализа

Теоретико-методологическое осмысление субъективного благополучия в реалиях текущей современности требует релевантной объяснительной рамки с учетом влияния масштабных внешних вызовов последних лет на повседневную жизнь россиян (Горшков, Тихонова, 2025). Традиционно в научном дискурсе социальное благополучие связывалось с объективными индикаторами доходов и накоплением материальных активов. Однако в условиях нарастающей геополитической нестабильности эти параметры утрачивают роль исчерпывающего критерия. Объективный срез позволяет зафиксировать внешнее состояние повседневности и оказывается слабо чувствительным к скрытым механизмам работы социальной субъектности. Фиксация стабильных социально-экономических показателей ставит закономерный вопрос о природе этой стабильности. Важно понимать, является ли она результатом проактивного освоения самими гражданами открывающихся возможностей или же поддерживается за счет критического истощения их внутренних резервов. Такое латентное напряжение делает благополучие населения уязвимым в долгосрочной перспективе и требует учета его субъективных оценок.

Ограниченность исключительно материального измерения проявляется также в игнорировании феномена самодостаточности, при котором одним из ключевых факторов устойчивости общества выступает способность населения мобилизовать внутренний потенциал в ответ на институциональные дефициты (Горшков, Седова, 2015). Такой подход позволяет отчасти преодолеть объяснительный тупик, известный в науке как парадокс Истерлина. Речь идет об отсутствии прямой связи между ростом доходов и уровнем счастья (Easterlin, 1974). Фокус же на самодостаточности позволяет объяснить, каким образом субъективное благополучие поддерживается не только за счет внешнего притока благ, но и эффективности реализации внутренней субъектности. При этом доминирование краткосрочных и ситуативных стратегий планирования в условиях «текущей современности» (Бауман, 2008) существенно ограничивает индивидуальную автономию, что диктует необходимость рассмотрения самодостаточности не только как изолированного феномена, но и во взаимосвязи с субъективным благополучием в целом. Последнее, как известно, не является монолитным, поскольку предполагает принципиальное разграничение когнитивного компонента, связанного с осмыслением жизненных целей и достижений, и аффективного, отражающего эмоциональные реакции (Ryff, 1989; Diener et al., 1999). Если аффективные оценки подвержены ситуативным колебаниям под влиянием внешних шоков, то когнитивные самооценки позволяют зафиксировать сравнительно устойчивый баланс между затрачиваемыми усилиями и субъективно ощущаемой отдачей от них во всех ключевых сферах жизнедеятельности.

Рационализированная оптика когнитивных оценок как раз и открывает путь к исследованию взаимосвязи субъективного благополучия и социальной субъектности индивида. Генезис представлений о независимости действия восходит к философской традиции Р. Эмерсона, постулировавшего приоритет индивидуальной автономии над внешними обстоятельствами (Emerson,

1841). В современном научном дискурсе этот концепт получил развитие через теорию самоэффективности А. Бандуры и категорию агентности Э. Гидденса, где последняя рассматривается как способность индивида взаимодействовать со структурными ограничениями и преобразовывать их (Bandura, 1997; Гидденс, 2005).

Вместе с тем введение категории социальной субъектности в анализ субъективного благополучия позволяет более тесно связать ресурсную базу индивида с его субъективным мироощущением. Методологическим фундаментом такого синтеза выступает теория способностей (*capability*) А. Сена, дополненная концепцией человеческого развития М. Уль-Хака. Если А. Сен перенес фокус с обладания ресурсами на реальные возможности индивида реализовывать значимые виды деятельности (Сен, 2004), то М. Уль-Хак подчеркнул, что целью развития является расширение человеческого выбора и активное участие индивидов в формировании собственной жизни (ul Haq, 1995). В данной парадигме субъектность выступает ключевым связующим звеном между объемом доступных ресурсов и итоговым качеством жизни.

На этом фоне исследователи все чаще рассматривают социальную субъектность не просто как абстрактную категорию свободы воли, а как вполне измеримый конструкт, взаимосвязанный с уровнем субъективного благополучия. В частности, обосновывается позиция, согласно которой расширение материальной базы и доступа к нематериальным ресурсам формирует базис для эмансипативной агентности индивида, выступающей одним из ключевых факторов общей удовлетворенности жизнью (Welzel, 2013). Вместе с этим изучается эмпирическая взаимосвязь между расширением человеческих возможностей и субъективными метриками. Результаты исследований показывают, что обретение автономии как реальной возможности совершать свободный выбор и контролировать свою жизнь выступает самостоятельным и значимым фактором субъективного благополучия (Graham, Nikolova, 2015). При этом одни исследователи могут рассматривать субъектность как часть человеческого благополучия (Alkire, 2002, 2005), другие же более четко различают благополучие и субъектность (Sen, 1985; Crocker, 2008). Однако, несмотря на возможные различия в операционализации субъектности, фокус на ее взаимосвязи с субъективным благополучием и различными объективными метриками качества жизни сохраняет свою эвристическую ценность и подчеркивает безусловную актуальность подобных эмпирических исследований. Особую значимость для понимания внутренних ресурсов личности приобретает темпоральное измерение субъектности. В такой трактовке она включает в себя не только усвоенный опыт прошлого и практическую оценку настоящего, но и проективную способность конструировать будущее (Emirbayer, Mische, 1998; Hitlin, Elder, 2007). Именно проективный компонент, выражающийся в расширении горизонтов планирования, рассматривается в качестве надежного маркера перехода индивида от вынужденного приспособления к среде к преобразующему социальному действию.

Опираясь на эти теоретические предпосылки и учитывая отечественную традицию, в рамках которой саморегуляция личности рассматривается как механизм адаптации к нестабильности (Ядов, 2013), мы интерпретируем социальную субъектность как деятельностьную способность индивида самостоятельно конвертировать имеющиеся ресурсы в такое качество жизни, которое получает высокую оценку со стороны самого субъекта. В этом ракурсе она позволяет человеку выступать активным автором собственных жизненных стратегий, а не реактивно подстраиваться под внешние условия для ситуативного выживания. Эмпирически в рамках данного исследования представленный теоретический контур операционализируется через анализ оценок индивидами ситуации в ключевых сферах их жизнедеятельности. Мы исходим из того, что динамика и структура таких оценок способна отражать предполагаемое иерархическое развертывание субъектности от базовой поддержки в семье и обретения ресурсной автономии до готовности конструировать долгосрочные планы и реализовывать их.

Мы предполагаем, что удовлетворенность конкретными аспектами жизни отражает не просто уровень комфорта, а в том числе степень реализации субъектности индивида в заданных институциональных рамках. Субъективные оценки в данном случае выступают индикатором того, насколько эффективно имеющиеся у человека способности (в терминах А. Сена) конвертируются в осознаваемые им самим достижения. Предложенный подход во многом дополняет и углубляет отечественную линию анализа субъективного благополучия в его взаимосвязи с

объективными характеристиками и реальными жизненными достижениями россиян (Алмакаева и др., 2025; Сушко, 2023; Латова, 2017). В целом же данное исследование располагается на стыке двух аналитических направлений и фокусируется на изучении взаимосвязи стратификационных профилей субъективного благополучия и проявлений социальной субъектности индивида.

Методической основой анализа выступает Индекс субъективного благополучия, разработанный и ранее апробированный нами на многолетних массивах данных Института социологии ФНИСЦ РАН. Индекс строился на основе ответов россиян на вопрос «Как Вы оцениваете следующие стороны Вашей жизни?», включающий 16 сторон жизни со следующими вариантами ответа: «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо» (подробнее список сфер см. в табл. 1). Затруднившиеся ответить исключались из анализа. Оценкам «хорошо» присваивалось значение в 1 балл, «удовлетворительно» – в 0,5 балла, «плохо» – в 0 баллов. Итоговое значение Индекса СБ для каждого респондента рассчитывалось как простая сумма баллов по всем показателям на основе данных всероссийского опроса Института социологии ФНИСЦ РАН (октябрь 2025 г.). Значения Индекса СБ располагались в диапазоне от 0 до 16 баллов, а среднее и медианное значения составили 10 баллов. При определении границ групп мы ориентировались на минимизацию различий в оценках внутри них и максимизацию различий между ними. В частности, применялся метод критериальной группировки, основанный на анализе таблиц сопряженности итоговых баллов Индекса СБ и распределения ответов по каждой из 16 сфер жизнедеятельности. Ключевым маркером для проведения границ между группами выступали качественные сдвиги в структуре доминирующих оценок «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо».

В результате такого анализа значения Индекса были объединены в пять интервалов, соответствующих пяти группам с качественно различающимся уровнем субъективного благополучия. Первая группа (Неблагополучие) объединила показатели от 0 до 4,5 балла, которые отражали преобладание негативных оценок ситуации в этой группе в большинстве рассматриваемых сфер жизни. Вторую группу (Неустойчивое благополучие) сформировали значения Индекса СБ от 4,6 до 9,5 балла. Среди ее представителей доминируют удовлетворительные оценки ситуации в большинстве сфер жизни, однако доля негативных ответов численно превышает долю позитивных. Третья, срединная зона благополучия соответствует интервалу Индекса СБ от 9,6 до 11 баллов и характеризуется преобладанием удовлетворительных оценок при качественном сдвиге, когда ответы «хорошо» начинают превалировать над ответами «плохо». Четвертая группа (Устойчивое благополучие) охватывает диапазон значений Индекса СБ от 11,1 до 13 баллов, что соответствует абсолютному преобладанию хороших оценок в 11 из 16 исследуемых сфер. Пятая группа (Социальная успешность) объединяет максимальные значения Индекса СБ (от 13,1 до 16 баллов), фиксируя доминирование позитивных оценок ситуации представителями этой группы во всех анализируемых сферах жизни. Статистическая надежность подобного разделения на группы и общая согласованность измерительной шкалы были дополнительно подтверждены серией математических тестов¹.

Цель статьи состоит в исследовании взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия россиян и особенностями проявления их социальной субъектности. В такой логике предпринята попытка зафиксировать глубину субъективной автономии выделенных групп по уровню субъективного благополучия, в том числе с учетом их социально-демографического состава, особенностей реализации их представителями жизненных целей, специфики горизонта планирования и наиболее типичных проблем. Отдельное внимание сосредоточено на содержательном анализе качественных различий между профилями субъективного благополучия россиян и определении тех структурных барьеров, которые ассоциируются с ограничением возможностей граждан выступать активными субъектами своей жизни.

¹ Проверка значимости статистических различий между пятью выделенными группами по шкале Индекса СБ проводилась путем однофакторного дисперсионного анализа. Критерий равенства дисперсий Ливиня, основанный как на среднем, так и на медиане, превысил уровень значимости в 0,05, что позволило убедиться в корректности проведения дисперсионного анализа. Тест Анова показал, что между группами имеются значимые различия ($p \leq 0,01$), которые существенно превышают внутригрупповые различия $F = 4582,9$. То есть выделенные группы достаточно гомогенны внутри себя, но по отношению друг к другу значимо различаются. Внутренняя согласованность шкалы подтверждается высоким значением коэффициента альфа Кронбаха (0,905). Подробнее см.: Сушко, 2025.

Эмпирические профили субъективного благополучия россиян

Распределение населения по уровню субъективного благополучия, зафиксированное в октябре 2025 г., демонстрирует выраженную дифференциацию самооценок россиянами разных сфер жизни. Наиболее малочисленна группа с критически низкими оценками большинства показателей – она охватывает 3,5% россиян (табл. 1), что указывает на отсутствие среди населения массовой идентификации с социальными аутсайдерами. Вместе с тем данная пропорция отражает важную структурную особенность современного российского социума, дифференциация в котором проходит скорее по степени устойчивости благополучия, нежели по полярным осям неблагополучия и социальной успешности. Это согласуется с тезисами о том, что современная Россия представляет собой общество средних слоев, рассматриваемое как с объективной, так и субъективной точек зрения (Мареева, 2024). Несмотря на малочисленность группы субъективно неблагополучных, анализ ее профиля очень важен для понимания границ индивидуальной субъектности россиян в современных условиях.

Наиболее выраженная зона неудовлетворенности среди субъективно неблагополучных формируется вокруг базовых материальных ресурсов, каналов социальной мобильности и рекреации. Сюда относятся негативные оценки материального достатка, условий труда, профессиональной самореализации и доступа к образованию. В силу этих причин три четверти представителей данной группы оценивают и в целом свою жизнь как плохую. Другие аспекты жизни, оценки которых оказываются негативными более чем у половины состава этой группы, связаны с социальным статусом и витальными потребностями. В частности, это оценки респондентами собственного положения в обществе, уровня их личной безопасности, состояния здоровья, а также качества питания и возможности одеваться. Сравнительно менее критичные оценки указанных аспектов жизни могут объясняться тем, что витальные потребности и повседневное потребление в большей степени поддаются самостоятельному контролю со стороны человека, в отличие от ограничений на рынке труда или в сфере образования. Тем не менее преобладание негативных оценок указывает на то, что возможности компенсации различных негативных эффектов у данной категории россиян практически исчерпаны. В то же время рубежом, при котором среди субъективно неблагополучных начинают доминировать удовлетворительные оценки ситуации, становится локальный микромир и частная жизнь (жилищные условия, отношения в семье и место непосредственного проживания).

Наиболее массовый сегмент представлен группой неустойчивого благополучия, объединяющей 43,5% россиян. Профиль этой категории населения характеризуется высокой однородностью – абсолютное большинство ее представителей по всем анализируемым сферам жизни выбирает оценку «удовлетворительно». Подобная гомогенность структуры оценок свидетельствует о формировании массового стандарта восприятия повседневности, основанного на идее достаточной, но очень ограниченной нормы. Наиболее высокие уровни концентрации удовлетворительных оценок (в интервале 75–87%) в этой группе фиксируются в сферах, связанных с социальным статусом, работой, возможностями профессиональной самореализации и удовлетворением базовых материальных потребностей (питание, одежда, материальная обеспеченность). Схожим образом ее представителями оцениваются жилищные условия, доступ к образованию и состояние здоровья. Высокая плотность таких ответов подтверждает достижение базовой стабильности большинством этой группы, однако минимальная доля положительных оценок указывает на компенсаторный характер такой модели субъективного благополучия, не предполагающей ресурсов для дальнейшего качественного улучшения своего положения.

В сферах локального микромира (место жительства) и социальных связей (отношения в семье, возможности общения с друзьями) массовые удовлетворительные оценки дополняются сравнительно позитивным видением ситуации в них, что отражает их роль как ключевых внутренних опор. Тем не менее преобладающими для данной группы остаются удовлетворительные оценки, в том числе применительно к ситуации в жизни в целом. Стабильность этого массового слоя является ключевым элементом общей устойчивости социума, но фокус его представителей на удовлетворительных оценках свидетельствует об их высокой уязвимости перед лицом внешних шоков.

Таблица 1

Дифференциация россиян по уровню субъективного благополучия, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Сферы жизни и шкала их оценки	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Материально обеспечены	Хорошо	–	2,0	14,3	42,2	77,8
	Удовлетворительно	7,2	78,0	80,6	57,0	22,3
	Плохо	92,8	20,0	5,1	0,9	–
Питаются	Хорошо	1,4	11,2	44,8	74,7	95,5
	Удовлетворительно	42,0	85,5	55,2	25,3	4,5
	Плохо	56,5	3,3	–	–	–
Одеваются	Хорошо	–	7,9	34,9	64,2	93,5
	Удовлетворительно	40,6	86,9	64,8	35,8	6,5
	Плохо	59,4	5,2	0,3	–	–
Состояние здоровья	Хорошо	4,3	9,7	36,2	55,6	77,8
	Удовлетворительно	33,3	76,1	58,1	43,0	21,7
	Плохо	62,3	14,3	5,7	1,5	0,5
Жилищные условия	Хорошо	1,4	14,3	54,1	75,3	92,8
	Удовлетворительно	53,6	77,9	43,9	24,1	7,0
	Плохо	44,9	7,7	1,9	0,6	0,2
Отношения в семье	Хорошо	10,1	31,6	72,3	78,1	98,0
	Удовлетворительно	53,6	65,2	26,1	21,6	2,0
	Плохо	36,2	3,2	1,6	0,3	–
Возможности проведения досуга	Хорошо	–	6,3	26,0	49,7	83,5
	Удовлетворительно	11,8	72,7	70,8	48,8	16,5
	Плохо	88,2	21,0	3,2	1,5	–
Ситуация на работе	Хорошо	–	3,4	22,7	42,6	81,0
	Удовлетворительно	13,6	81,8	72,2	56,5	18,2
	Плохо	86,4	14,8	5,1	0,9	0,8
Возможность отдыха в период отпуска	Хорошо	–	3,3	20,1	34,3	74,4
	Удовлетворительно	7,7	65,1	67,2	61,4	24,8
	Плохо	92,3	31,6	12,6	4,3	0,8

Окончание табл. 1

Сферы жизни и шкала их оценки		Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Возможность общения с друзьями	Хорошо	11,6	24,5	60,7	72,3	94,3	52,0
	Удовлетворительно	44,9	65,7	39,0	27,4	5,7	42,2
	Плохо	43,5	9,8	0,3	0,3	–	5,9
Возможность реализовать себя в профессии	Хорошо	–	4,0	26,8	47,1	81,5	31,0
	Удовлетворительно	16,1	75,0	67,9	50,8	17,7	55,9
	Плохо	83,9	21,0	5,3	2,2	0,8	13,1
Возможность получения необходимого образования и знаний	Хорошо	–	4,4	29,6	43,6	83,1	31,3
	Удовлетворительно	23,1	77,5	66,1	54,6	16,7	57,3
	Плохо	76,9	18,1	4,2	1,8	0,3	11,4
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)	Хорошо	5,8	21,1	44,8	61,0	83,5	43,7
	Удовлетворительно	50,7	69,9	53,7	38,4	16,5	50,5
	Плохо	43,5	9,1	1,6	0,6	–	5,8
Ваше положение, статус в обществе	Хорошо	–	4,1	18,4	39,5	77,6	27,1
	Удовлетворительно	31,9	87,5	79,4	59,3	22,2	66,3
	Плохо	68,1	8,4	2,2	1,2	0,2	6,6
Уровень личной безопасности	Хорошо	–	7,7	18,2	32,8	71,8	26,3
	Удовлетворительно	33,3	74,2	70,4	63,7	28,2	61,1
	Плохо	66,7	18,1	11,5	3,5	–	12,6
Жизнь в целом	Хорошо	–	2,6	20,0	57,6	92,8	32,8
	Удовлетворительно	24,6	93,0	79,7	41,9	7,2	62,5
	Плохо	75,4	4,4	0,3	0,6	–	4,7
Всего		3,5	43,5	15,8	17,2	20,1	100

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Серым фоном в таблице выделены показатели, превышающие средневзвешенные значения не менее чем на величину статистической погрешности в 5%, жирным шрифтом – показатели, охватывающие свыше половины состава соответствующей группы.

Три следующие группы (от благополучия до социальной успешности) суммарно охватывают 53,1% российского населения и фиксируют последовательное увеличение позитивных самооценок. Главное сходство между ними и в то же время ключевое отличие от категорий субъективного неблагополучия и неустойчивого благополучия заключается в преодолении ощущения критического дефицита. В частности, доля оценок «плохо» во всех трех группах минимальна.

В то же время между этими группами наблюдается отчетливая дифференциация. Большинство россиян из благополучной группы оценивают на «удовлетворительно» собственную материальную обеспеченность, качество питания, возможность одеваться и ситуацию на работе, что сближает ее с массовым слоем неустойчивого благополучия. Качественное отличие проявляется в доминировании положительных оценок семейных отношений, общения с друзьями и жилищных условий. И хотя ситуацию в жизни в целом эта срединная группа воспринимает как удовлетворительную, ее профиль задается фиксацией положительных оценок в отношении базовых опор – семьи и ближайших связей.

В свою очередь, группа устойчивого благополучия демонстрирует расширение диапазона позитивных оценок («хорошо») применительно к качеству питания, возможности одеваться, жилищным условиям и состоянию здоровья. Отношения в семье и место проживания также большинством в этой категории оцениваются наилучшим образом. При этом положение дел в сферах, сопряженных с социальной интеграцией (профессиональная реализация, статус в обществе, ситуация на работе), все еще оценивается большей частью представителей этой группы на «удовлетворительно». В данном случае отсутствие базового дефицита и наличие устойчивых внутренних опор сопровождаются и сравнительным улучшением оценок ситуации в жизни в целом.

Специфика профиля группы социальной успешности состоит в доминировании оценок «хорошо» во всех рассматриваемых сферах повседневной жизни. В отличие от остальных групп, среди ее представителей фиксируются высокие показатели удовлетворенности условиями труда, социального продвижения и материального достатка. Соответственно, абсолютное большинство ее представителей дают позитивную оценку своей жизни в целом. Такая структура восприятия может отражать максимальные возможности адаптации к меняющимся условиям, когда объем доступных ресурсов выступает основой для проявления субъектности.

Таким образом, наибольшей дифференцирующей силой обладают самооценки материальной обеспеченности, возможностей для самореализации и рекреации (рынок труда, доход, отпуск), тогда как к универсальным социальным опорам относятся отношения в семье и близком кругу – первичный социальный капитал, по П. Бурдье (2002). Это позволяет предположить иерархичную структуру индивидуальной социальной субъектности россиян. Так, базовым для осознания собственной субъектности может выступать включенность индивида в микросоциум, которая выполняет роль универсальной социальной опоры.

В то же время масштаб и практическое воплощение потенциала социальной субъектности варьируется в зависимости от имеющихся у индивида материальных и нематериальных возможностей. Стабилизация материального положения и структуры базового потребления может обеспечивать независимость, необходимую для удовлетворительной оценки собственной жизни и, вероятно, усиления контроля над внешними обстоятельствами, под которые в условиях рутинного выживания постоянно приходится подстраиваться. При этом доступ к нематериальным ресурсам, даже в субъективном выражении (будь то профессиональная самореализация, образование или качественная рекреация), вероятно, переводит субъектность в проактивную форму, расширяя возможности человека не только по адаптации к социальной реальности, но и по преобразованию ее условий под свои цели.

Для дальнейшей верификации обнаруженных закономерностей сопоставим рассмотренные профили субъективного благополучия с объективными социально-демографическими характеристиками россиян.

Стратификационные профили и социально-демографические маркеры субъективного благополучия

Результаты опроса 2025 г. показывают, что различные модели субъективного благополучия сопряжены с позицией индивида в ключевых стратификационных моделях (доходной, поселенческой, возрастной, профессиональной, образовательной). Синергетический эффект сравнитель-

но высоких позиций в различных объективных иерархиях наиболее выражен применительно к профилям социальной успешности и устойчивого благополучия (табл. 2). В группе социально успешных сравнительно чаще встречаются представители высокодоходных слоев, предприниматели, специалисты с высшим образованием и жители крупных региональных центров (33,2% против 25,5% в группе с неустойчивым благополучием и 18,8% среди субъективно неблагополучных). Примечательно, что высокое субъективное благополучие здесь сопряжено с ранней зрелостью (18–24 года), что может указывать на «авансированный» оптимизм в молодежной среде. По мере перехода на последующие этапы жизненного цикла (особенно к 36–44 годам) повышается вероятность перехода индивида к профилю устойчивого благополучия, где акцент переносится на закрепление достигнутых позиций и стабилизацию жизненного уклада.

Более детальный анализ внутренней структуры благополучных групп демонстрирует, что хотя вероятность быть субъективно успешным существенно выше у наиболее обеспеченных, образованных и квалифицированных россиян, эта закономерность соблюдается далеко не всегда. Среди социально успешных свыше 40% имеют доходы не выше медианных, а каждый шестой (16,7%) находится в зоне явного материального дефицита (доходы до 0,75 медианы). Кроме того, свыше половины представителей этой группы не имеют высшего образования, а 21,7% не работали на момент опроса. Это может указывать на автономию ценностных ориентаций личности, способных удерживать стабильно высокую оценку качества жизни вопреки ситуативным материальным дефицитам (Ядов, 2013). Наиболее ярко это проявляется в контексте особенностей конструирования жизненных стратегий молодежью, когда отсутствие у них работы или диплома воспринимается не как депривация или маркер аутсайдерской позиции, а как этап гибкого маневрирования и накопления потенциала, связанного с достижением желаемого образа будущего (Зубок, 2020). В данном случае высокий уровень благополучия выступает не отражением текущего статуса, а субъективно конструируемой проекцией будущего, замещающей дефициты настоящего.

Анализ выявленных парадоксов позволяет заключить, что верхний полюс субъективного благополучия оказывается неоднороден, и его устойчивость обеспечивается двумя альтернативными механизмами. С одной стороны, для наиболее «ресурсного» ядра этой группы работает эффект композитных рент (Sorensen, 2000), когда объективно высокая позиция в одной иерархии сопряжена с сопутствующими преимуществами в смежных сферах. С другой стороны, для значительной части этой группы, не обладающей высокими позициями в различных объективных стратификационных моделях, субъективное благополучие имеет принципиально иную природу, выступая следствием специфической ценностной диспозиции и проекцией ожидаемых достижений.

Наряду с этим в группах неустойчивого благополучия и неблагополучия низкие статусные позиции сопряжены с доминированием соответствующих оценок положения дел в ключевых сферах жизни. Среди россиян с неустойчивым субъективным благополучием сравнительно чаще встречаются лица с низкими доходами, безработные или занятые в сфере услуг (см. табл. 2). Фактором риска выступает и старший возраст, по мере увеличения которого повышается вероятность фиксации негативных оценок собственной жизни. Главным же ресурсом субъективной стабильности в сравнительно неблагополучных группах, как было отмечено, остаются неформальные родственные и дружеские связи.

Как и в случае с наиболее благополучными группами, на противоположном полюсе фиксируется парадокс, когда почти треть россиян (31,0%) из сегмента неустойчивого благополучия имеют высшее образование, среднедушевой доход каждого пятого составляет свыше 1,25 медианы, а 13,8% заняты высококвалифицированным трудом. Такой разрыв может указывать на латентный кризис конвертации ресурсов и классическую статусную неконсистентность позиций индивидов в ключевых стратификационных иерархиях. Разбалансировка статусных позиций в таких случаях выступает барьером для роста субъективного благополучия. Так, относительно высокий доход части представителей этих групп может достигаться на непрестижных или прекаризованных профессиональных позициях, не принося ожидаемой удовлетворенности качеством жизни. Зеркально этому высокая квалификация специалистов из субъективно уязвимых слоев в силу различных барьеров не трансформируется в экономическую стабильность. В этом случае сформированная образованием высокая планка притязаний вступает в конфликт с социальной реальностью, порождая феномен субъективной депривации.

Таблица 2

**Социально-демографические особенности групп россиян
с разным уровнем субъективного благополучия, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %**

Социально-демографические характеристики	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Уровень среднемесячного дохода на каждого члена семьи						
До 0,75 медианы включительно	70,5 (+++)	44,0 (+++)	31,6	17,0 (----)	16,7 (----)	32,7
От 0,75 до 1,25 медианы включительно	21,3	34,8	41,7 (+)	33,8	26,8 (–)	33,6
От 1,25 до 2 медиан включительно	6,6 (–)	17,0 (----)	19,8	36,7 (+++)	31,0 (++)	23,3
Свыше 2 медиан	1,6 (–)	4,2 (----)	6,9	12,5	25,5 (+++)	10,4
Хи-квадрат Пирсона	$\chi^2 = 295,837, df = 12, p < 0,001$					
V Крамера	0,234					
Возраст						
18–24 года	2,9	4,9 (–)	5,1	8,7	16,2 (+++)	7,8
25–29 лет	1,4	7,4	7,6	9,0	9,2	7,9
30–35 лет	2,9	10,1	8,6	9,3	14,2 (+)	10,4
36–44 года	10,1 (–)	21,1	28,3	31,4 (++)	24,2	24,2
45–54 года	20,3	19,2	20,0	20,9	20,2	19,9
55–65 лет	20,3	14,3	14,3	13,4	10,2	13,5
66 лет и старше	42,0 (+++)	23,0 (+++)	16,2	7,3 (----)	5,7 (----)	16,4
Хи-квадрат Пирсона	$\chi^2 = 188,357, df = 24, p < 0,001$					
V Крамера	0,154					
Профессиональный статус						
Предприниматели и самозанятые	2,9	1,5 (–)	3,2	3,5	6,7 (+++)	3,3
Руководители разных уровней	1,4	2,4	1,9	4,9 (+)	3,5	3,0
Специалисты на должностях, предполагающих в/о	4,3 (–)	13,8 (–)	20,3	22,1	24,2 (++)	18,0
Служащие на должностях, не требующих в/о	1,4 (–)	10,0	10,8	13,4	11,2	10,7
Рядовые работники торговли или сферы бытового обслуживания	5,8	14,5 (++)	12,1	7,8 (–)	8,5	11,5
Рабочие от 5-го разряда	4,3	6,2 (–)	9,8	14,0 (+++)	8,7	8,6
Рабочие 1–4-го разряда и без разряда	7,2	17,3	12,4	12,8	15,5	15,0
В настоящее время не работают	72,5 (+++)	34,3 (+)	29,5	21,5 (–)	21,7 (–)	30,1
Хи-квадрат Пирсона	$\chi^2 = 175,513, df = 28, p < 0,001$					
V Крамера	0,148					

Окончание табл. 2

Социально-демографические характеристики	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
<i>Уровень образования</i>						
Без профессионального образования	36,2 (++)	16,8	18,4	13,1	14,0	16,6
Среднее специальное или неоконченное высшее	37,7	55,7 (++)	48,3	47,7	45,1	50,4
Высшее, два высших и др. (в том числе ученая степень)	26,1	27,5 (—)	33,3	39,2 (+)	40,9 (++)	33,1
<i>Хи-квадрат Пирсона</i>	$\chi^2 = 51,610, df = 8, p < 0,001$					
<i>V Крамера</i>	0,114					
<i>Всего</i>	3,5	43,5	15,8	17,2	20,1	100,0

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: В таблице фоном и знаками «+» / «–» отмечены ячейки, стандартизованные остатки которых значимы на уровне: ($\pm$) $p < 0,05$; ($\pm\pm$) $p < 0,01$; ($\pm\pm\pm$) $p < 0,001$. Приведенная разметка показателей указывает на наличие неслучайной связи уровня субъективного благополучия с рассматриваемыми социально-демографическими признаками, верифицированной методом анализа стандартизованных остатков (критическое значение – 1,96; $p < 0,05$). Знак «+» маркирует ячейки, в которых численность группы значительно превышает математически ожидаемую (эффект «притяжения» признаков), а знак «–» фиксирует статистически значимый дефицит представленности группы относительно среднего уровня по выборке.

Нейтральность по отношению к большинству статусных фильтров обнаруживается в срединной группе благополучия. За исключением умеренного ее представительства в среднедоходном слое, данная категория не имеет выраженных перекосов по возрасту, квалификации или профессии. Фундаментом субъективного благополучия здесь выступает связка первичного социального капитала и прочного экономического минимума. Особенности возрастного состава этой группы позволяют переосмыслить благополучие как динамический транзитный сегмент, который аккумулирует представителей старших возрастов и выполняет буферную функцию. Для молодежи это промежуточная точка стабильности, которую амбициозные субъекты стремятся пройти транзитом, двигаясь к социальной успешности (молодежь в составе этой группы относительно немногочисленна). Для пожилых же людей этот профиль становится «стабильной пристанью», позволяющей, в отличие от сверстников из зон неблагополучия и неустойчивого благополучия, удерживать баланс объективного и субъективного за счет базового материального достатка и сетей родственной поддержки.

В целом субъективное благополучие россиян взаимосвязано с их объективными характеристиками, но может предопределяться сложным сочетанием иных факторов (ценностной ориентации, неформальных сетей или статусного рассогласования), детальное рассмотрение которых остается за рамками данного исследования. В контексте предмета нашего анализа важно скорее то, что профили субъективного благополучия россиян не оторваны от реальности, а дифференцированная связь с объективными маркерами демонстрирует, что граждане в своих оценках опираются на свои реальные достижения. Это проявляется и в том, что по мере перехода к наиболее благополучным группам спектр позитивных оценок ситуации в разных сферах жизни расширяется последовательно, охватывая сначала первичный социальный капитал, затем базовый материальный достаток, а в наиболее успешных группах – широкий ряд образовательных, профессиональных и рекреационных возможностей. В этой связи для полноты картины необходимо перейти к деятельностному аспекту, отражающему трансформацию горизонтов планирования россиян, степень реализации их целей и ключевые барьеры на этом пути.

Взаимосвязь профилей субъективного благополучия россиян с деятельными проявлениями их социальной субъектности

Результаты сопоставления уровня субъективного благополучия с количеством реализованных россиянами за последние три года целей демонстрируют качественные различия в их жизненных стратегиях. В группах с низким уровнем субъективного благополучия концентрируется наивысшая доля тех, чьи планы не были реализованы, а шансы на одновременное достижение нескольких целей минимальны. В срединной группе нормой выступают точечные достижения, тогда как комплексный успех значимо чаще фиксируется среди представителей устойчиво благополучных и социально успешных групп (рис. 1), для которых риски срыва планов минимальны.

Рис. 1. Распределение респондентов с разным уровнем субъективного благополучия по количеству реализованных жизненных планов, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Хи-квадрат Пирсона (χ^2) = 351,004; df = 16, $p < 0,001$; V Крамера = 0,210. Значения ниже 2% на рисунке не указаны.

Результативность жизненных стратегий россиян сопряжена с их горизонтами планирования. Абсолютное большинство субъективно неблагополучных и более половины представителей сегмента неустойчивого благополучия не строят планы даже на год вперед, переходя к режиму, где целенаправленное конструирование будущего подменяется ситуативным реагированием на возникающие внешние обстоятельства (Тихонова, 2019). При этом способность переходить от вынужденного реагирования к краткосрочному целеполаганию может указывать на качественный рост субъектности по мере движения к благополучным группам. Так, профиль срединной группы знаменует точку перехода, где преобладающим становится краткосрочное планирование на один-два года (табл. 3). Представители устойчиво благополучных и социально успешных групп сравнительно чаще проектируют собственное будущее на среднесрочную перспективу (3–5 лет), сочетая целеполагание с готовностью оперативно корректировать свои действия по ситуации. Вместе с тем от четверти до трети из них в современных условиях предпочитают жить в режиме ситуативного реагирования.

С одной стороны, преобладание краткосрочных и среднесрочных горизонтов у экономически и социально активных граждан отражает общемировые тенденции, где долгосрочное планирование уступает место гибким стратегиям (Бек, 2000). С другой стороны, отказ от долгосрочных планов даже в наиболее благополучных группах свидетельствует о доминирующем влиянии средовой неопределенности, блокирующей формирование долгосрочных жизненных стратегий (Тощенко, 2020). В результате темпоральная субъектность даже наиболее благополучных слоев в российском обществе носит тактический характер, поскольку ориентирована на контроль текущих обстоятельств, оставаясь чувствительной к внешним изменениям.

Таблица 3

**Горизонт планирования и реализованные планы
с разным уровнем субъективного благополучия, 2025 г., %**

Горизонт планирования и реализованные планы	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
<i>Планируете ли Вы свою жизнь, и если да, то на какой период? *</i>						
Нет, так как в нашей жизни невозможно что-то планировать даже на год вперед	84,8	53,5	42,9	35,9	26,7	44,3
Планирую на ближайшие 1–2 года	13,6	33,6	41,0	42,3	44,9	37,9
Планирую на ближайшие 3–5 лет и затем просто корректирую планы	–	10,4	13,5	18,4	24,2	14,7
Планирую свою жизнь не меньше чем на 5–10 лет вперед и потом корректирую свои планы	1,5	2,5	2,6	3,5	4,2	3,0
<i>Удалось ли Вам за последние 3 года?</i>						
Повысить уровень образования и/или квалификации	–	3,1	12,4	18,9	14,7	9,5
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	–	4,4	11,1	10,5	15,5	8,6
Побывать в другой стране мира	–	3,6	6,7	14,2	16,2	8,3
Сделать дорогостоящие приобретения (купить дачу, автомобиль и т.п.)	2,9	3,1	4,4	7,0	13,7	6,1
Улучшить жилищные условия за счет покупки жилья	2,9	2,0	2,2	5,2	9,0	4,0
Улучшить жилищные условия за счет строительства собственного дома	–	0,7	3,8	2,3	5,7	2,5
Улучшить жилищные условия за счет получения наследства	2,9	1,2	2,5	2,3	2,2	1,9
Открыть собственное дело	–	0,7	0,3	0,3	3,2	1,1
Улучшить жилищные условия за счет получения жилья от государства или предприятия	–	0,5	1,0	1,2	1,0	0,8
Ничего из перечисленного реализовать не удалось, хотя планировал(а)	34,8	33,8	24,1	20,6	9,7	25,2
Ничего из перечисленного реализовать не планировал(а)	59,4	47,1	35,9	29,7	27,2	38,7

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, превышающие средневзвешенные более чем на величину статистической погрешности в 3–5%. В строке со звездочкой (*) приводится Хи-квадрат Пирсона (χ^2) = 148,395; df = 12; p < 0,001; V Крамера = 0,158.

Содержательная структура реализованных жизненных целей на этом фоне отражает то, как расширение горизонтов планирования способно трансформировать жизненные практики россиян от реактивных к накопительным. При низком уровне субъективного благополучия значимые достижения практически отсутствуют, что указывает на компенсаторный характер предпринимаемых представителями этой группы действий. По мере стабилизации самооценок среди представителей срединной группы благополучия возрастает представленность целей, связанных с накоплением человеческого потенциала – получением образования, повышением квалификации, сменой работы на более подходящую. Таким образом, вместе с увеличением горизонта планирования возрастает и результативность жизненных стратегий применительно к более широкому кругу целей.

Проведенный анализ был бы неполным без рассмотрения жизненных трудностей, которые в той или иной степени встречаются у россиян с разным уровнем субъективного благополучия. Данные о наиболее распространенных проблемах демонстрируют закономерное снижение общего уровня уязвимости по мере роста субъективного благополучия. Представители наименее благополучных групп чаще упоминают сразу несколько одновременно присутствующих в их жизни трудностей, а наиболее благополучные россияне сравнительно чаще декларируют полное отсутствие в их жизни серьезных проблем (рис. 2).

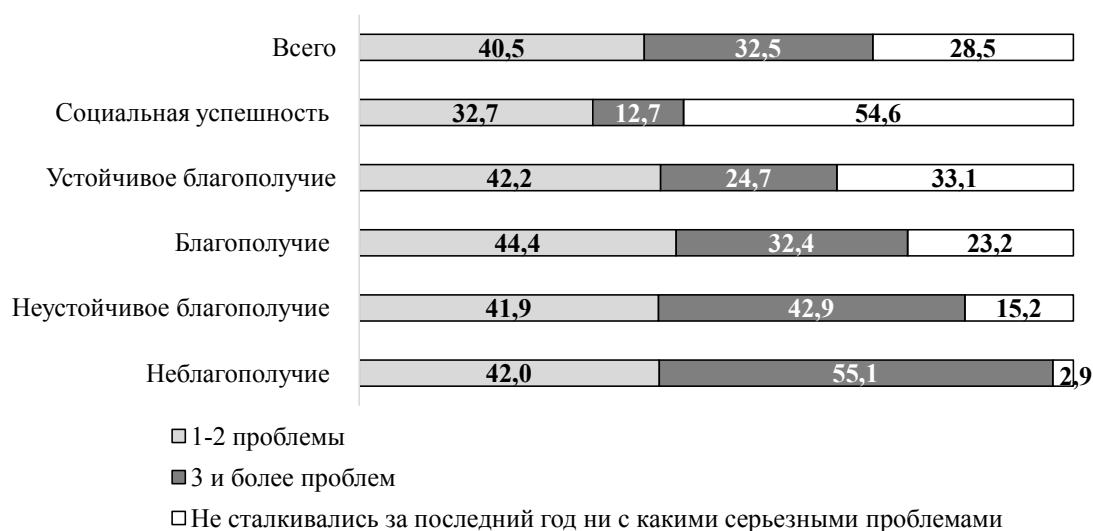

Рис. 2. Распределение россиян с разным уровнем субъективного благополучия по количеству переживаемых жизненных трудностей, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Хи-квадрат Пирсона (χ^2) = 281,906; df = 8, $p < 0,001$; V Крамера = 0,266.

Тем не менее содержательный анализ структуры этих трудностей показывает, что более благополучные слои не избавлены от них полностью, но их природа носит иной характер по сравнению с менее благополучными группами. В частности, по мере снижения уровня субъективного благополучия на первый план выходят проблемы с обеспечением базовых материальных и витальных потребностей (материальное положение, питание, здоровье, доступ к медицинской помощи), а также дефицит первичного социального капитала, выражающийся в ухудшении отношений в семье (табл. 4).

Эти распределения еще раз подтверждают, что уровень субъективного благополучия повышается по мере восполнения дефицитов в витальной и материальной сферах, однако одновременно они указывают на кризис микросоциальной среды в двух наименее благополучных группах. Ранее отмечалось, что субъектность представителей групп субъективного неблагополучия и неустойчивого благополучия с высокой вероятностью зиждется на ресурсе поддержки их близкого круга, но данные о распространенности в этих группах семейных проблем демонстрируют, что и эта первичная опора для многих из них оказывается подорвана. В меньшей степени семейные проблемы характерны для срединной группы благополучия и группы устойчивого благополучия, но и среди них практически каждый пятый говорит о наличии конфликтов в семье. Семейные неурядицы становятся редким исключением только для россиян с очень высоким уровнем субъективного благополучия, тогда как в остальных сегментах они формируют проблемный фон, выступая барьером для эффективных жизненных стратегий.

Таблица 4
Распространенность проблем среди россиян с разным уровнем субъективного благополучия, ФНИСЦ РАН, 2025 г., %

Перечень проблем	Неблагополучие	Неустойчивое благополучие	Благополучие	Устойчивое благополучие	Социальная успешность	Всего
Проблемы, связанные с Вашим здоровьем или здоровьем других членов семьи	39,1	39,1	25,4	28,2	15,7	30,4
Отсутствие времени на то, чтобы «в удовольствие» заняться тем, чем хотелось бы	7,2	22,1	22,9	25,9	16,5	21,2
Семейные проблемы	27,5	26,7	19,7	19,2	8,7	20,7
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	2,9	19,0	26,0	21,5	16,0	19,4
Проблемы с возможностью получить необходимую медицинскую помощь	33,3	25,1	19,0	12,5	5,5	18,3
Плохое материальное положение	47,8	26,5	12,1	7,8	3,7	17,2
Проблемы, связанные с работой	26,1	20,6	20,0	9,0	10,5	16,7
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы, инвалидности	26,1	14,5	14,3	5,8	2,7	11,0
Проблемы с детьми	14,5	12,0	14,6	10,2	4,2	10,6
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания и т.п.) у кого-либо из членов семьи	15,9	6,8	6,7	8,1	2,2	6,4
Проблемы с жильем	15,9	8,9	3,8	3,2	2,0	6,0
Одиночество и/или отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями	13,0	6,8	6,3	5,2	1,5	5,6
Последствия терактов, обстрелов и др. со стороны ВСУ, которые затронули Вас или Ваших близких	4,3	6,8	6,7	3,2	3,2	5,4
Плохое питание	36,2	6,7	1,9	1,7	1,5	5,1
Проблемы с одеждой или обувью	11,6	5,3	2,9	1,2	0,2	3,4
Незащищенность от насилия	4,3	4,3	1	0,3	0,5	2,3
Проблемы с возможностью получить образование	1,4	2,5	0,6	2,9	–	1,8
Считают, что живут нормально и не сталкивались за последний год ни с какими проблемами	2,9	16,6	24,8	34,0	56,6	28,4

Источник: рассчитано автором по данным ФНИСЦ РАН.

Примечание: Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, превышающие средненывыборочные более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

В целом же у граждан с высоким уровнем субъективного благополучия фокус повседневных проблем смещается в сторону нематериальных факторов. Отчасти этим могут объясняться случаи недостижения поставленных целей, которые ранее также были зафиксированы в данных группах. В частности, чем выше уровень субъективного благополучия, тем чаще встречается дефицит времени, упоминаемый в тройке главных повседневных проблем представителями трех наиболее благополучных групп. Таким образом, если уязвимые слои преимущественно сталкиваются с внешними и внутренними барьерами, способными блокировать саму возможность проактивного действия, то для субъективно благополучных групп главным препятствием становится дисбаланс между количеством жизненных целей и физическими границами суточного времени.

Заключение

Дифференцированные профили субъективного благополучия россиян выступают надежной эмпирической основой для изучения различных проявлений их социальной субъектности. Рассмотренные социально-демографические характеристики выделенных групп вкупе со спецификой реализованных ими целей и наиболее распространенных среди них повседневных проблем позволяют предположить существование тесной взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия и индивидуальной субъектностью.

Причем верхний полюс субъективного благополучия оказывается неоднородным по своей природе. Для одной части этой группы характерен эффект композитных рент, когда объективно высокая статусная позиция в одной иерархии сопровождается соответствующими самооценками разных сфер жизни. Однако для значительной доли субъективно благополучных граждан высокие оценки являются не констатацией текущего материального достатка или другой высокой позиции в объективной иерархии, а скорее проекцией конструируемого будущего и, вероятно, следствием проактивного целеполагания.

Содержательная структура реализованных целей и сопутствующих проблем выступает важным маркером, стратифицирующим профили субъективного благополучия россиян по уровню их деятельностной активности. В группах с низкими самооценками ситуации в разных сферах жизни нерешенные повседневные проблемы могут блокировать развитие индивидуальной субъектности, в том числе сужая целеполагание до тактического выживания и преодоления базовых дефицитов. Напротив, по мере перехода к субъективно благополучным группам характер проблем меняется, а фокус целей закономерно смещается от поддержания текущего статуса в сторону самореализации. Подобная трансформация деятельностного фона наглядно проявляется и в последовательном расширении спектра позитивных оценок ситуации в разных сферах жизни. Первоначально «хорошие» оценки охватывают сферу первичного социального капитала, затем зону базового материального достатка и в итоге переходят на образовательные, профессиональные и рекреационные возможности. Такая последовательность преодоления барьеров позволяет выдвинуть обоснованное предположение о существовании сложной гипотетической структуры социальной субъектности, элементы которой разворачиваются поэтапно. Базовым фундаментом в такой конфигурации может выступать признание индивида в рамках микросоциума, которое выполняет роль универсальной социальной опоры. Последующая стабилизация материального положения и потребления обеспечивает необходимую ресурсную автономию. В свою очередь, доступ к нематериальным ресурсам и качественной рекреации может создавать условия для проявления субъектности в более выраженной проактивной форме.

Выявленные закономерности свидетельствуют о том, что удлинение горизонтов планирования по мере роста субъективного благополучия выступает важнейшим драйвером и деятельностным проявлением социальной субъектности. Это обеспечивает последовательный переход индивида от вынужденной ситуативной адаптации к эффективному проектированию собственной жизненной стратегии. В целом очерченные эмпирические контуры отражают сложную и иерархичную природу социальной субъектности. Учитывая представленные эмпирические данные и концептуальные теоретические предпосылки, полученные результаты дают веские основания для последующей разработки и прямой операционализации комплексной структурной модели социальной субъектности в рамках будущих исследований.

Литература / References

- Алмакаева А.М., Настина Е.А., Догузов А.В. (2025). Динамика счастья и удовлетворенности жизнью в условиях экзогенных шоков. *Социологический журнал* **31**(2), 29–50. [Almakaeva, A., Nastina, E., Doguzov, A. (2025). Dynamics of happiness and life satisfaction under conditions of exogenous shocks. *Sociological Journal* **31**(2), 29–50 (in Russian)]. EDN: MPMQGO
- Бауман З. (2008). *Текущая современность*. М.: Питер. [Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. Moscow: Piter Publ. (in Russian)].
- Бек У. (2000). *Общество риска. На пути к новому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. [Beck, U. (2000). *Risk Society. Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya Publ. (in Russian)].
- Бурдьё П. (2002). Формы капитала. *Экономическая социология* **3**(5), 60–74. [Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Journal of Economic Sociology* **3**(5), 60–74 (in Russian)]. EDN: OYUVRD
- Гидденс Э. (2005). *Устройство общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический проект. [Giddens, A. (2005). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ. (in Russian)].
- Горшков М.К., Седова Н.Н. (2015). «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты. *Социологические исследования* (12), 4–16. [Gorshkov, M., Sedova, N. (2015). “Self-sufficient” Russians and their life priorities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12), 4–16 (in Russian)]. EDN: VGMFJB
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (отв. ред.). (2025). *Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая*. М.: Весь Мир. [Gorshkov, M., Tikhonova, N. (eds.). (2025). *Russian Society and the Challenges of the Time. Book 8*. Moscow: Ves mir Publ. (in Russian)].
- Зубок Ю.А. (2020). Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* **3**, 4–12. [Zubok, Yu. (2020). Youth: Life strategies in a new reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* **3**, 4–12 (in Russian)]. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
- Латова Н.В. (2017). Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017). *Социологические исследования* (12), 65–78. [Latova, N. (2017). Dynamics and factors of life satisfaction of Russians (1997–2017). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12), 65–78 (in Russian)]. EDN: ZWLWEF
- Мареева С.В. (2024). Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия. *Социологические исследования* (9), 3–16. [Mareeva, S. (2024). Monetary and non-monetary inequalities in modern Russian society: Dynamics of the recent decade. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (9), 3–16 (in Russian)]. EDN: QXFCVB
- Парсонс Т. (2002). *О социальных системах*. М.: Академический проект. [Parsons, T. (2002). *On Social Systems*. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ. (in Russian)].
- Сен А. (2004). *Развитие как свобода*. М.: Новое Издательство. [Sen, A. (2004). *Development as Freedom*. Moscow: Novoe Izdatelstvo Publ. (in Russian)].
- Сушко П.Е. (2023). Динамика субъективного социального благополучия россиян (2003–2023). *Социологические исследования* (12), 59–71. [Sushko, P. (2023). Dynamics of indicators of subjective social well-being of Russians (2003–2023). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12), 59–71 (in Russian)]. EDN: CHZYGR
- Сушко П.Е. (2025). Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **18**(4), 143–163. [Sushko, P. (2025). Structure of the mass strata of the Russian population by level of subjective well-being. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **18**(4), 143–163 (in Russian)]. EDN: RPFWJE
- Тихонова Н.Е. (2019). «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России. *Социологический журнал* **25**(1), 27–47. [Tikhonova, N. (2019). “Negative stabilization” and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia. *Sociological Journal* **25**(1), 27–47 (in Russian)]. EDN: YETRTV

- Тощенко Ж.Т. (2020). *Общество травмы: между эволюцией и революцией*. М.: Весь Мир. [Toshchenko, Zh. (2020). *Trauma Society: between Evolution and Revolution*. Moscow: Ves mir Publ. (in Russian)]. EDN: QLXXDD
- Ядов В.А. (ред.) (2013). *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. М.: ЦСПиМ. [Yadov, V. (ed.) (2013). *Self-Regulation and Forecasting of Social Behavior of Individual: Dispositional Concept*. 2nd ed. Moscow: TsSPiM – Center for Social Forecasting and Marketing (in Russian)]. EDN: SWYNQU
- Alkire, S. (2002). Dimensions of human development. *World Development* **30**(2), 181–205. DOI: 10.1016/S0305-750X(01)00109-7
- Alkire, S. (2005). Subjective quantitative studies of human agency. *Social Indicators Research* **74**(1), 217–260. DOI: 10.1007/s11205-005-6525-0
- Bandura, A. (1997). *Self-Efficacy: The Exercise of Control*. N.Y.: W.H. Freeman.
- Crocker, D. (2008). *Ethics of global development: Agency, capability, and deliberative democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Diener, E., Suh, E., Lucas, R., Smith, H. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin* **125**(2), 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276
- Easterlin, R. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: David, P., Reder, M. (eds.) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz* (pp. 89–125). N.Y., London: Academic Press.
- Emerson, R. (1841). Self-reliance. In: Emerson, R. *Essays* (35–73). Boston: James Munroe and Company.
- Emirbayer, M., Mische, A. (1998). What is agency? *American Journal of Sociology* **103**(4), 962–1023.
- Graham, C., Nikolova, M. (2015). Bentham or Aristotle in the development process? An empirical investigation of capabilities and subjective well-being. *World Development* **68**, 163–179. DOI: 10.1016/j.worlddev.2014.11.018
- Hitlin, S., Elder, G. (2007). Time, self, and the curiously abstract concept of agency. *Sociological Theory* **25**(2), 170–191. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2007.0030
- Ryff, C. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology* **57**(6), 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069
- Sen, A. (1985). Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures 1984. *The Journal of Philosophy* **82**(4), 169–221. DOI: 10.2307/2026184
- Sorensen, A. (2000). Toward a sounder basis for class analysis. *American Journal of Sociology* **105**(6), 1523–1558. DOI: 10.1086/210463
- ul Haq, M. (1995). *The Reflections on Human Development*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Welzel, C. (2013). *Freedom Rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Многополярное управление в российских вузах

Рыбачук Максим Александрович

Государственный университет управления, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
e-mail: rybachuk@cemi.rssi.ru

Кобылко Александр Анатольевич

Государственный университет управления, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия
e-mail: kobyлко@cemi.rssi.ru

Цитирование: Рыбачук М.А., Кобылко А.А. (2026). Многополярное управление в российских вузах. *Terra Economicus* 24(3), 88–104. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-88-104

В условиях глубокой трансформации российской системы высшего образования, обусловленной как внутренними вызовами, так и внешними факторами – цифровизацией, санкционным давлением, изменением государственной политики и переосмыслением роли университета в обществе в целом, – возрастает потребность в поиске новых подходов к управлению университетами. Традиционные модели корпоративного менеджмента, ориентированные преимущественно на операционную эффективность и внешние рейтинги, оказываются недостаточными для обеспечения устойчивости развития вузов в долгосрочной перспективе. В статье предложен инструментарий диагностики и оптимизации управленческой структуры университетов на основе концепции многополярного управления. Согласно данному подходу, управление организацией строится на взаимодействии четырех социальных полюсов – инспиративного, духовного, культурного и интеллектуального, каждый из которых управляется соответствующим социальным лидером и соотносится с определенной подсистемой университета (объектной, средовой, процессной или проектной). На базе контент-анализа стратегических документов 20 ведущих российских университетов (top-10 по версии RAEX и 10 федеральных вузов) выявлены доминирующие полюсы, выделена типология университетов и проанализированы дисбалансы их управленческой структуры. В частности, определены устойчивые паттерны, отражающие дифференциацию высшей школы в соответствии с ее миссией, профилем и территориальной ролью: инспиративно-гуманитарный, культурно-технический, интеллектуально-исследовательский и ценностно-региональный. На основе полученных данных предложены рекомендации по формированию сбалансированной многополярной структуры управления университетом с учетом его профиля и миссии, а также обозначены перспективы создания картографической модели российской системы высшего образования, которая могла бы служить основой для определения рационального числа вузов на конкретной территории и в масштабах страны в целом.

Ключевые слова: многополярное управление; полюсы управления; контент-анализ; высшее образование; вуз; университет; стратегия; программа развития

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00948. <https://rscf.ru/project/24-18-00948/>

Multipolar management in Russian universities

Maxim A. Rybachuk

State University of Management, CEMI RAS, Moscow, Russia, e-mail: rybachuk@cemi.rssi.ru

Alexander A. Kobylko

State University of Management, CEMI RAS, Moscow, Russia, e-mail: kobylko@cemi.rssi.ru

Citation: Rybachuk M.A., Kobylko A.A. (2026). Multipolar management in Russian universities. *Terra Economicus* 24(3), 88–104 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-88-104

In the context of a profound transformation of the Russian higher education system, driven by both internal challenges and external factors – digitalization, sanctions pressure, shifting government policy, and a rethinking of the role of the university in society as a whole – the need to find new approaches to university management is growing. Traditional corporate management models, focused primarily on operational efficiency and external rankings, are proving insufficient to ensure the long-term sustainable development of universities. This article proposes a framework for diagnosing and optimizing university management structures based on the concept of multipolar management. According to this approach, organizational management is built on the interaction of four social poles – inspirational, spiritual, cultural, and intellectual – each led by a corresponding social leader and aligned with a specific university subsystem (object, environment, process, or project). Based on a content analysis of the strategic documents of twenty leading Russian universities (the top 10 according to RAEX and 10 federal universities), dominant poles were identified, a typology of universities was defined, and imbalances in their governance structures were analyzed. Specifically, stable patterns reflecting the differentiation of higher education by mission, profile, and territorial role were identified: inspirational-humanitarian, cultural-technical, intellectual-research, and values-regional. Based on the data obtained, recommendations were proposed for developing a balanced multipolar university governance structure, taking into account the institution's profile and mission. The article also outlines prospects for creating a cartographic model of the Russian higher education system – a model that could serve as a basis for determining the optimal number of universities both in a specific region and at the national level.

Keywords: multipolar governance; management poles; content analysis; higher education; university; strategy; development program

Acknowledgment: The study was supported by the Russian Science Foundation (project № 24-18-00948). <https://rscf.ru/project/24-18-00948/>

JEL codes: C02, L1, I21

Введение

Современная российская система высшего образования переживает этап глубокой трансформации, обусловленной как внутренними вызовами – необходимостью повышения качества образовательных и научных услуг, модернизации управленческих практик, укрепления связей с реальным сектором экономики, так и внешними факторами – изменением государственной политики, санкционным давлением, цифровизацией и переопределением роли университета в обществе. В этих условиях вузы вынуждены переосмысливать свою миссию, выходить за пределы традиционной образовательной деятельности и превращаться в многопрофильные экосистемы, сочетающие образовательные, научные, инновационные и предпринимательские функции (см., напр.: Садовая, Юревич, 2025).

Анализ существующих подходов к управлению университетами показывает, что они в значительной степени опираются на традиционные модели корпоративного менеджмента и ориентированы на классические (экономические) показатели эффективности. При этом в стратегическом управлении часто недостаточно учитываются такие аспекты, как ценностная устойчивость, мотивационная вовлеченность персонала, качество научной и образовательной деятельности организации и др. Расширение функционала вузов требует пересмотра образовательных подходов, в том числе в части подготовки специалистов, способных создавать реальные продукты и услуги. Как показано в работе М.Б. Флека и Е.А. Угнич (2025), обмен знаниями и опытом с хозяйствующими субъектами благотворно влияет на формирование и развитие человеческого капитала студентов.

В этих условиях особую актуальность приобретает поиск новых концептуальных подходов, способных обеспечить системность, сбалансированность и многомерность модели управления организацией. Одним из таких подходов является *многополярное управление*. Согласно данной модели, управление организацией должно базироваться на взаимодействии четырех социальных полюсов – инспиративного, духовного, культурного и интеллектуального, каждый из которых отвечает за развитие соответствующей внутриорганизационной подсистемы и обеспечивает баланс между краткосрочными результатами и долгосрочным развитием.

В данной работе на основе анализа стратегических документов ведущих российских университетов оценивается мощность управленческих полюсов внутри организаций; на базе выявленных паттернов полюсной структуры формируется типология вузов, отражающая дифференциацию высшей школы в соответствии с ее миссией, профилем и территориальной ролью; предлагаются рекомендации по оптимизации полюсной структуры управления университетами.

Особенности управления российскими вузами

Проблемы управления и развития отечественной высшей школы

В отечественной практике крупные вузы в большинстве своем относятся к числу государственных, поскольку их учредителем выступают государственные органы, преимущественно Министерство науки и высшего образования РФ, а финансирование осуществляется из федерального бюджета. Структура управления российским вузом строится на сочетании принципов единоначалия и коллегиальности. Высшее руководство представлено ректором и проректорами, но также присутствуют и коллегиальные органы – ученый совет, общее собрание работников и обучающихся, попечительский или наблюдательный совет, совет студенческого самоуправления и др.

Многим вузам свойственны те же процессы, происходящие в современной экономике, что и для коммерческих организаций: цифровая трансформация, интеллектуализация, инновационное развитие и пр. (см., напр.: Kalebar et al., 2024; Ferdousmou et al., 2025), реализуемые также и в рамках Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования и аналогичных документов (Интеллектуальная экономика, 2009; Клейнер, 2020; Лапидус, 2024). При этом образовательные организации также оказывают платные услуги, что позволяет применять к ним подходы, используемые для развития коммерческих фирм.

Стоит отметить и другую особенность управления учебными заведениями. Руководителями вузов, как правило, становятся представители научно-образовательного сообщества, обладающие компетенциями в данной сфере и знакомые с ее спецификой; при этом их профессиональные управленческие компетенции часто являются вторичными, соответственно, не каждый руководитель обладает необходимыми навыками выстраивания эффективных бизнес-процессов в организации. Индивидуальные характеристики руководителя, в свою очередь, также могут существенно влиять на процесс управления организацией (см., напр.: Давий и др. 2024).

В монографии «Стратегии развития российских вузов» (2008: гл. 5) к отсутствию профессиональных менеджеров и, как следствие, слабости в стратегическом планировании добавляются следующие проблемы низкой эффективности управления университетами: вертикальная децентрализация власти; горизонтальная специализация на уровне подразделений; зачастую неразвитая технологическая структура.

К числу основополагающих необходимо отнести проблему низкой практикоориентированности образования и отсутствие прочных связей с реальным сектором экономики. Для решения этой

проблемы авторы предлагают не только меры по изменению подходов к формированию профессорско-преподавательского состава, но и вовлечение обучающихся в производственные процессы, кардинальный пересмотр учебных программ и дисциплин, а также дебюрократизацию всей университетской системы (Балацкий, Екимова, 2022b).

Также присутствуют проблемы представления отечественной высшей школы на международной арене. В последнее десятилетие предпринимались различные попытки для преодоления данной ситуации: национальный проект «Образование», «Проект 5-100» и др. В ряде работ (Гришин и др., 2019; Московкин и др., 2019; Губа, 2022; Эбзеева, Смирнова, 2022) указывается на системный характер данной проблемы, связанный не только с излишне амбициозными планами, но и с такими факторами, как малая доля качественных англоязычных публикаций, слабое финансирование НИОКР в стране, перегрузка профессорско-преподавательского состава и пр. (Курбатова, 2023). Применение административных мер по преодолению подобных барьеров, в свою очередь, повлекло лишь недобросовестные действия для достижения заявленных показателей – публикации в «хищнических» журналах, формальные международные коллаборации и т.п., что также вызвало негативный эффект.

Отмечается, что не существует универсальных рейтингов оценки мировых университетов, разные перечни зачастую противоречат друг другу, поэтому стремление отечественных вузов занять высокие позиции в одном из них может негативным образом отражаться на позициях в другом (Балацкий, Екимова, 2022a). При этом есть мнение, что отечественная высшая школа обладает рядом конкурентоспособных компетенций в некоторых научных направлениях, поэтому стратегия «гонки за лидером» в мировых рейтингах не должна противоречить стратегии сохранения уникальных научных школ (Воробьева, Краковецкая, 2017).

Подходы к оценке эффективности деятельности и управления университетом

Существует множество подходов к оценке эффективности управления университетом, которые часто основываются не только на объективных количественных показателях, но и на показателях качественного и субъективного характера.

Один из наиболее распространенных методов – оценка вузов с точки зрения целевой функции и базовых показателей результативности. Прежде всего, речь идет о мониторинге со стороны контролирующих органов, который опирается на анализ фактического исполнения плановых показателей, поставленных перед руководством вуза. В то же самое время этого не всегда достаточно для сравнения учебных заведений между собой в силу большого числа расхождений и неоднозначности установленных плановых показателей. Такой подход также несет в себе угрозу возникновения институциональной ловушки метрик, когда стремление к достижению плановых показателей результативности может негативно влиять как на накопление и передачу неявных знаний, так и на внутриорганизационные ценности (см. подр.: Вольчик и др., 2021).

Е.В. Романов (2021) предлагает подход, учитывающий различные типы вузов (федеральные, национальные, опорные и обычные), для которых выделяются группы показателей, характеризующие вклад в подготовку специалистов, генерацию знаний и кадровое воспроизводство. При этом отмечается, что важен не только учет входных характеристик (например, средних баллов абитуриентов), но и реальных достижений и вклада вузов в развитие региона и страны в целом.

Престижность обучения часто оценивается через международные рейтинги, формирующие оценки на основе комплексной системы показателей. К числу таких относятся всемирно известные рейтинги *QS*, *THE*, *ARWU*, *CWUR*, *NTU* и др. Методику оценки вуза, основанную на подобных рейтингах, предлагают в работе Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова (2018). Необходимым условием отнесения вуза к университетам мирового класса является его вхождение в топ-100 хотя бы одного из перечисленных рейтингов, достаточным условием – вхождение вуза в топ-50 не менее чем по пяти предметным рейтингам одной системы оценивания.

Подход к оценке эффективности деятельности университетов, основанный на производственной функции¹, предлагается в работе А.А. Егорова (2020). По мнению автора, результаты, полученные с помощью производственной функции, могут применяться в качестве дополнительной метрики по

¹ В качестве переменных в модель включаются доходы университета, средний балл ЕГЭ, численность НПП, численность трудоустроенных выпускников, количество публикаций, количество цитирований, объем НИОКР (Егоров, 2020).

распределению ресурсов между университетами – от менее эффективных к более эффективным. Иной подход продемонстрирован в работе Е.В. Романова (2019), согласно которому при определении эффективности деятельности университета необходимо обращать внимание на две основные составляющие: приобретенные выпускниками способности к самостоятельному обучению и формализации новых знаний, а также спрос на выпускников на рынке труда. Также требуется отметить подход, опирающийся на оценку стоимости интеллектуального капитала вуза (Новгородов, 2018).

Университеты нередко рассматриваются через отражение их деятельности в международных базах данных (см., напр.: Orduna-Malea et al., 2019), таких как *Web of Science* и *Scopus*. Такой подход часто подвергается критике (Tennant, 2020), в том числе предлагаются более продвинутые решения для оценки эффективности деятельности университетов в научной сфере (Bornmann et al., 2023).

Экосистемные аспекты деятельности отечественных вузов

Современные условия требуют от российских университетов выстраивания работы по экосистемному образцу за счет расширения набора функций, выхода за пределы исключительно образовательной деятельности и поиска более разностороннего приложения имеющихся у вузов компетенций. Под экосистемой в данном случае будем понимать «пространственно локализованный комплекс неконтролируемых иерархически организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота указанных благ и систем» (Клейнер, 2019: 40). Таким образом, экосистема университета представляет собой совокупность внешних и внутренних акторов, связанных друг с другом для обеспечения циклов производства и воспроизводства широкой номенклатуры продуктов и услуг, которые объединены под брендом образовательного учреждения. Университет может выступать либо участником территориально локализованной экосистемы, например, в рамках региона присутствия, либо инициатором формирования собственной экосистемы. Как отмечается в работе А.С. Березина с коллегами (2023), коллаборация с местными властями благотворно влияет на развитие университета, сохранение талантливой молодежи в регионе, повышение интеллектуального потенциала территории в целом.

В то же самое время в университетах наблюдается значительная неоднородность состава лиц, причастных как к управлению, так и к осуществлению формального и неформального контроля за деятельностью вуза (см. подр.: Маслова, Гаффорова, 2012). Дополнительно отметим, что спрос на результаты образовательных услуг также имеет двойственную природу: основным потребителем результатов и заинтересованными в качестве оказания образовательных услуг, с одной стороны, являются студенты и их родители, а с другой стороны, государственные и бизнес-структуры, потребность в кадрах которых удовлетворяют выпускники (Щербина, Попова, 2019). С точки зрения управления такой неоднородной структурой должны ставиться задачи не только обеспечения эффективного менеджмента каждого отдельного направления, но и гармонизации подходов к управлению организацией в целом (Kleiner, Kobylko, 2022).

Современный университет не только выполняет образовательную функцию, но и занимается исследовательской и коммерческой деятельностью. В ряде вузов открываются базовые кафедры предприятий, целью которых является целевая подготовка кадров (см., напр.: Флек, Угнич, 2020), создаются бизнес-инкубаторы, технопарки, центры трансфера технологий, стартапы, спин-офф компании и др. (см. также: Куракова, Цветкова, 2021; Юрова и др., 2023). Подчеркивается важная роль университета в качестве объединяющего и гармонизирующего элемента интересов бизнеса, общества и государства для развития инновационной экономики (Брылина, 2018: 2215).

Построение собственных экосистем наделяет университеты преимуществами, затрагивающими следующие внутренние процессы: образовательный, научно-исследовательский, предпринимательский, инновационный и организационно-управленческий (Изотова, Гаврилюк, 2022).

Внутреннее и внешнее управление в университетах

Последнее время развивается концепция так называемого внутреннего управления или «участия в управлении» (*shared governance*) в университетах, предполагающая коллегиальное управление университетом сотрудниками, преподавателями и другими стейкхолдерами. В книге «Участие в

управлении университетом» (2016) приводятся примеры успешного внедрения элементов такого подхода в российских университетах, а также выделяется ряд принципов для организации «участия в управлении»: все группы стейкхолдеров должны участвовать в управлении; за принятие решений отвечает группа с наибольшей экспертизой; у администрации есть право вето.

В результате исследования П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский (2017) приходят к выводу о необходимости усиления и развития открытости, демократизации, партисипативности в процессе управления российскими университетами. Данная тенденция коррелирует с современными подходами к долгосрочному планированию, согласно которым к разработке стратегии целесообразно привлекать не только топ-менеджмент, но и экспертов, обладающих глубоким пониманием специфических процессов и трендов (см.: Gegenhuber, Dobusch, 2016; Weinberger, 2019; Whittington, Yakis-Douglas, 2020; Splitter et al., 2021; Reeves, Candelon, 2022: ch. 2).

Однако, как отмечается в критическом анализе современных подходов к управлению в отечественных университетах (Томилин, 2023), в настоящий момент процессы бюрократизации замещают собой гармоничное взаимодействие руководства и сотрудников вузов на благо развития организации и ее эффективного функционирования на благо общества.

Наряду с внутренними аспектами управления важно учитывать и внешнее влияние. Вузы как бюджетные организации не являются независимыми, поэтому отвечают за реализацию целевых стратегических решений органов управления образованием в стране, тем самым формируя единую цепочку «государство – университет – работодатель» (Гурфова, Ашинова, 2020; Кулясова, Трифонов, 2020).

Ряд современных исследований подчеркивает роль университетов в продвижении принципов ответственного потребления и производства, рационального использования ресурсов и минимизации экологических рисков для будущих поколений (Azeiteiro, Davim, 2019; Galarowicz, 2025; Porokova, 2025; Panait et al., 2025). Данный аспект актуализирует духовно-воспитательную функцию вузов как неотъемлемую составляющую высшей школы.

Совокупность описанных выше проблем российских вузов приводит к необходимости внесения изменений в применяющиеся в них управленческие подходы. Возможным ответом, позволяющим преодолеть указанные проблемы, является реорганизация систем управления университетами с целью повышения их устойчивости, сбалансированности и гармоничности развития в стратегической перспективе. Основой такой реорганизации, на наш взгляд, могла бы стать концепция многополярного управления. В рамках данного подхода предлагается переход к многополярной структуризации деятельности организации, согласно которой в качестве объектов управления рассматриваются сквозные (по уровням и по целям) подсистемы.

Концепция многополярного управления

Согласно многополярному подходу к управлению, в любой организации можно выделить четыре полюса власти, в которых концентрируются силы взаимодействия между компонентами внутрифирменного пространства (Клейнер, 2024). Каждому из полюсов соответствует свой тип лидера, который объединяет вокруг себя команду единомышленников и придерживается определенного стиля (типа) управления (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие типов лидерства, стиля управления и социальных полюсов внутри организации

№ п/п	Социальный полюс	Социальный лидер	Тип управления
1	Инспиративный	Инспиративный	Административный
2	Интеллектуальный	Интеллектуальный	Автократический
3	Культурный (технологический)	Культурный	Бюрократический
4	Моральный	Духовный	Либеральный

Источник: составлено авторами по (Клейнер, 2024).

Каждый лидер отвечает за выполнение соответствующей целевой внутриорганизационной функции. Инспиративный лидер обеспечивает результативность деятельности организации в долгосрочной перспективе; интеллектуальный лидер – результативность в краткосрочной пер-

спективе; духовный лидер – эффективность деятельности организации в долгосрочной перспективе; культурный лидер – эффективность в краткосрочной перспективе (Клейнер, 2022). Под результативностью здесь понимается способность организации к достижению поставленных целей; под эффективностью – способность организации к рациональному использованию ресурсов в процессе достижения поставленных целей. Таким образом, для достижения устойчивого и гармоничного развития в организации должны присутствовать все четыре типа лидеров, выполняющих закрепленные за ними функции.

Если в организации отсутствует один или несколько лидеров определенных типов, то их зоны ответственности распределяются по имеющимся в организации лидерам. В этом случае происходит замещение функций одного лидера другим, что в большинстве случаев негативно сказывается на деятельности организации в целом. В свою очередь, лидерские качества руководства университета играют важную роль в повышении эффективности менеджмента, развитии партнерств и инновационной деятельности через делегирование, мотивацию и увеличение вовлеченности персонала во внутриорганизационные процессы (Mynbayeva et al., 2024).

Одним из способов оценки наличия и мощности социальных полюсов может быть анализ стратегии – документа, в котором сконцентрированы основные приоритеты долгосрочного развития организации. Необходимо отметить, что университет, как и любая образовательная организация, по своим пространственно-временным характеристикам относится к так называемому процессному типу организаций (см., напр.: Клейнер, Рыбачук, 2017 и др.). Это связано с цикличным характером деятельности университета, разделенной на семестры и сессии, учебные годы, различные уровни обучения и т.д. С позиции системной экономической теории такого рода организациям рекомендуется применение не классической интервальной стратегии, а ее модификации – стратегии, построенной на скользящем подходе, в рамках которого проводится периодическая актуализация действующего документа и его продление на соответствующий период.

Другим способом выявления ключевых элементов многополюсного управления может быть проведение опросов и глубинных интервью соответствующих внутриорганизационных стейкхолдеров.

Исходные данные и дизайн исследования

Стратегия развития как источник информации о деятельности университета

На сегодняшний день все крупные и средние вузы страны – участники проекта «Приоритет 2030» имеют программы долгосрочного развития. Ретроспективный анализ подобных документов показал, что крупные вузы уже достаточно давно начали разработку стратегий как в рамках внутренних инициатив, так и в качестве ответа на различные государственные проекты. Как правило, стратегии (программы) развития вузов представляют собой стандартизированные документы, разрабатываемые университетами с учетом их компетенций и территориальных особенностей.

Структуры стратегий (программ) развития российских вузов также являются стандартными для научно-образовательных организаций, но отличаются от аналогичных материалов в корпоративном секторе. Преимущественно стратегия развития вуза представляет собой текстовый документ, концептуально описывающий желаемое состояние организации и результаты реализации принятой программы за обозначенный срок, и включает в себя:

- историческое и текущее описание объекта планирования;
- отчет о реализации предыдущих стратегий (программ) развития и иных документов (проектов, стратегий по отдельным направлениям деятельности и пр.), если такие имеются – опционально;
- надстратегические внутренние установки – миссия вуза, его цель и т.п.;
- надстратегические внешние установки – соответствие нормативно-правовым документам, макроэкономическим и отраслевым стратегиям;
- территориальные установки, характерные для региональных вузов – описание места образовательной организации в социально-экономическом развитии региона присутствия;
- целевые установки – качественные характеристики и количественные показатели объекта в результате реализации стратегии (программы) развития;

- сценарии достижения обозначенных показателей, дорожные карты;
- перспективные проекты, реализация которых предполагается в рамках стратегии (программы) развития.

Стратегия развития вуза – публичный документ, согласуемый с вышестоящей инстанцией – профильным министерством. Горизонт планирования крупных вузов в настоящий момент – около 10 лет. При этом в рамках образовательной сферы срок планирования редко отвечает каким-либо единым требованиям. Стратегии с длительными сроками исполнения могут быть разделены на два-три этапа (последовательно реализуемые подстратегии в виде дорожной карты в составе программы развития). При этом для многих стратегий развития университетов характерно фактически бессрочное планирование, когда действующая стратегия подвергается актуализации или заменяется своей новой версией раньше даты окончания своего действия. Реализация подобных документов зачастую носит хаотичный характер, обусловленный изменениями, связанными с желанием вхождения вуза в ту или иную государственную программу (проект).

Отметим, что стратегические документы вузов в большинстве своем согласуются с другими стратегическими документами макро- и мезоэкономического уровней. Проблема согласования стратегических документов различных уровней экономической иерархии подробно рассмотрена в (Кобылко, Рыбачук, 2024).

Выборка вузов для проведения исследования

В качестве объекта исследования выбран ряд крупнейших российских вузов для выявления и оценки мощности внутрифирменных полей (полюсов) в структуре управления. В выборку вузов вошли:

- 1) десять крупнейших российских университетов из числа топ-10 по версии *RAEX* за 2024 г.:
 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ);
 - Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО);
 - Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ);
 - Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (МГТУ);
 - Национальный исследовательский ядерный университет «Московский инженерно-физический институт» (МИФИ);
 - Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (МФТИ);
 - Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС);
 - Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ);
 - Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ);
 - Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет).
- 2) десять федеральных университетов:
 - Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ);
 - Дальневосточный федеральный университет (ДФУ);
 - Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (КФУ им. В.И. Вернадского);
 - Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ);
 - Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ);
 - Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ);
 - Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ);
 - Сибирский федеральный университет (СФУ);
 - Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ);
 - Южный федеральный университет (ЮФУ).

Для полноты анализа и расширения географической распространенности выборки к крупнейшим вузам из числа топ-10, в которые входят университеты, расположенные в двух городах – Москве и Санкт-Петербурге, были добавлены федеральные университеты, которые находятся в крупных российских городах – Казани, Красноярске, Владивостоке, Калининграде и др.

Стратегические документы университетов, вошедших в выборку, публичны и доступны для анализа. Отметим, что в настоящий момент все исследуемые образовательные организации имеют утвержденные и действующие программы развития.

Дизайн исследования

Проведение оценки мощности управленческих полюсов в университетах, вошедших в выборку, включает в себя следующие этапы исследования.

1. *Контент-анализ стратегических документов вузов и оценка частоты встречаемости лемм (тегов, ключевых слов).* С помощью скрипта на языке *R* актуальная версия стратегии вуза, размещенная на его официальном сайте, разделяется на ключевые слова (теги, леммы). После этого подсчитывается частота встречаемости тегов в документе и отбирается 300 тегов с наибольшей частотой встречаемости (весом) для последующего анализа.

2. *Выделение стратегических приоритетов развития (тем) и их весов.* Для выделения стратегических приоритетов вузов наиболее часто встречающиеся теги, отобранные на предыдущем шаге, классифицируются по приоритетам (темам) развития. Классификация производится вручную, на основе метода экспертных оценок. После этого рассчитывается относительная частота встречаемости тегов, отнесенных к каждой теме, по отношению к общей частоте встречаемости всех тегов по университету. Дополнительно также учитывается ограничение – суммарная частота встречаемости тегов, которая была классифицирована по темам, должна составлять не менее 50% от общей частоты встречаемости тегов, отобранных для анализа, по каждому университету.

3. *Классификация стратегических приоритетов по полюсам управления (лидерам).* Полученные темы соотносятся с социальными лидерами (инспиративным духовным, культурным и интеллектуальным), таким образом определяется мощность соответствующих внутриорганизационных полюсов. После этого выполняется нормализация степени (доли) влияния каждого лидера на организацию и каждый социальный полюс по отдельности.

4. *Классификация университетов по группам в зависимости от полученных результатов.* С учетом особенностей структуры управления и усиления (ослабления) тех или иных полюсов вузы распределяются по группам.

Ниже приводятся результаты проведенного исследования многополярного управления в российских вузах на основе их стратегических документов.

Результаты контент-анализа стратегических приоритетов и организационных особенностей в российских университетах

Контент-анализ стратегических документов 20 ведущих российских университетов выявил восемь ключевых тематических блоков, отражающих долгосрочные приоритеты развития данных организаций. Отдельно отметим, что одной из центральных тем в проанализированном массиве стратегических документов стало научное и технологическое лидерство. Данный факт дополнительно подтверждает тезис о смещении приоритетов университетов с образовательной деятельности на научно-технологическое развитие.

Более подробно результаты распределения тегов по темам, полученные за счет классификации наиболее часто встречающихся тегов, представлены в табл. 2.

Ввиду низкой информативности и отсутствия технической возможности корректно представить полный массив данных по частоте встречаемости всех тегов перейдем к распределению тем по социальным лидерам (табл. 3) и ниже приведем агрегированный анализ нормированной частоты встречаемости тегов в разрезе социальных полюсов в топ-10 крупнейших вузов (табл. 4) и федеральных университетах (табл. 5). Дополнительно введем условные обозначения: инспиративный полюс (*A*), духовный полюс (*B*), культурный полюс (*C*) и интеллектуальный полюс (*D*).

Классификация тем по полюсам выполнена в соответствии с концепцией многополярного управления, согласно которой каждый социальный лидер олицетворяет определенный тип власти и отвечает за развитие соответствующей подсистемы организации. *Инспиративный лидер* связан с мотивацией, вовлеченностью и управлением ресурсами; *духовный лидер* – с ценностями, идентичностью и внешней миссией; *культурный лидер* – с процессами, технологиями и образовательной средой;

интеллектуальный лидер – с наукой, исследованиями и стратегическим мышлением. Отнесение тем к конкретному полюсу управления осуществлялось на основе содержательного анализа лексических маркеров и семантической близости к функциям соответствующей подсистемы.

Таблица 2

**Результаты классификации тегов по приоритетам
стратегического развития российских вузов**

№	Темы	Теги
1	Научное и технологическое лидерство	Исследователь, наука, прикладной, технологический, отрасль, научный, эксперт, консорциум, НТР, продукт, потенциал, ученый, внедрение, интеллектуальный, результат, разработка, исследовательский, исследование, академический, инновационный, грант, инновация и др.
2	Цифровизация, искусственный интеллект (ИИ) и цифровые двойники	Цифровой, информационный, цифровизация, ИИ, искусственный, интеллект, нейросеть, цифровой двойник, цифровая кафедра, ИТ, информационные технологии, моделирование, модель, трансформация, большие данные, big data, ИКТ, информационно-коммуникационные технологии, среда, облачный, аналитика, информационные системы и др.
3	Образование и подготовка кадров	Знание, НПР, компетенция, преподаватель, квалификация, учебный, специалист, кадровый, педагогический, профессиональный, обучаться, студент, курс, кадр, повышение, образовательный, обучение, программа, дополнительный, институт, образование, аспирант и др.
4	Региональное развитие и национальная безопасность	Национальный, политика, социальный, федеральный, российский, федерация, страна, регион, региональный, жизнеобеспечение, эксклав, безопасность, суверенитет, национальная повестка, территория, Россия, территориальный, власть, отечественный, государственный и др.
5	Международное сотрудничество и глобальные вызовы	Международный, глобальный, мировой, иностранный, сотрудничество, мир, внешний, диалог, участие, зарубежный, экспорт, мягкая сила, международные связи, импорт, импортный, экспортный, соглашение, ЕАЭС, БРИКС, туризм и др.
6	Инженерное и техническое лидерство	Проект, технология, платформа, платформенный, лаборатория, оборудование, инженерный, инженер, приборостроение, технический, промышленный, инжиниринг, индустриальное партнерство, инженерные компетенции, модернизация, техника, оснащение, проектный, ИЦК, квантовый, производственный, чип и др.
7	Управление, инфраструктура и эффективность	Управление, бизнес, бюджет, качество, экономический, эффективный, эффективность, анализ, бюджетный, финансовый, рынок, рост, доход, стратегия, кампус, объем, стратегический, университет, целевой, цель, центр, экономика и др.
8	Молодежная политика и таланты	Мероприятие, молодой, талант, талантливый, молодежный, молодежь, стажировка, студенческий, выпускник, стартап, профориентация, карьера, лауреат, олимпиада, креативный и др.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

**Распределение тем по социальным лидерам (полюсам управления)
в российских университетах**

№	Социальный лидер	Темы
1	Инспиративный полюс (А)	– управление, инфраструктура и эффективность (7)
2	Духовный полюс (В)	– региональное развитие и национальная безопасность (4); – международное сотрудничество и глобальные вызовы (5); – молодежная политика и таланты (8)
3	Культурный полюс (С)	– цифровизация, ИИ и цифровые двойники (2); – образование и подготовка кадров (3); – инженерное и техническое лидерство (6)
4	Интеллектуальный полюс (D)	– научное и технологическое лидерство (1)

Источник: составлено авторами.

Таблица 4
Результаты расчетов мощностей внутриорганизационных полюсов в российских вузах (топ-10)

Полюс \ Вуз	ВШЭ	МГИМО	МГУ	МГТУ	МИФИ	МФТИ	РАНХиГС	СПбГУ	СПбПУ	Финансовый университет
Инспиративный полюс (А)	35,08%	24,49%	23,78%	25,91%	18,90%	21,58%	30,98%	30,13%	25,61%	32,73%
Духовный полюс (В)	14,70%	20,64%	17,81%	8,50%	5,62%	10,43%	15,48%	13,58%	14,01%	15,33%
Культурный полюс (С)	36,88%	37,32%	34,53%	47,21%	61,71%	42,31%	41,03%	37,26%	44,93%	34,39%
Интеллектуальный полюс (D)	13,34%	17,55%	23,87%	18,38%	13,77%	25,67%	12,51%	19,03%	15,45%	17,55%
	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 5
Результаты классификации тегов по приоритетам стратегического развития российских вузов (федеральные вузы)

Полюс \ Вуз	БФУ	ДВФУ	КФУ им. В.И. Вернадского	КФУ	САФУ	СВФУ	СКФУ	СФУ	УрФУ	ЮФУ
Инспиративный полюс (А)	31,49%	31,90%	24,82%	22,89%	29,86%	22,81%	31,17%	24,94%	28,75%	27,08%
Духовный полюс (В)	14,44%	13,39%	13,75%	16,36%	21,21%	14,10%	16,84%	17,18%	10,00%	8,55%
Культурный полюс (С)	35,65%	32,44%	39,31%	39,91%	35,21%	43,16%	31,83%	33,75%	39,71%	41,63%
Интеллектуальный полюс (D)	18,42%	22,27%	22,12%	20,84%	13,72%	19,93%	20,16%	24,14%	21,55%	22,75%
	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%	100,00%

Источник: рассчитано авторами.

Выводы исследования

В результате анализа распределения управленческих полюсов в 20 ведущих российских университетах – десяти из топ-10 по рейтингу *RAEX* и десяти федеральных – выявилась устойчивая структурная особенность: во всех вузах доминирует культурный полюс, в котором приоритет отдается развитию цифровизации, качества образовательных процессов, инженерного и технического лидерства. Доля указанного полюса колеблется от 32% до 62%, достигая максимума в технических вузах, таких как МИФИ, МГТУ и СПбПУ. В свою очередь, инспиративный полюс, связанный со стратегическим планированием, повышением эффективности деятельности и развитием инфраструктуры, ярко выражен в социально-экономических вузах – ВШЭ, Финуниверситете, РАНХиГС и некоторых федеральных университетах, таких как ДВФУ, БФУ и СКФУ.

Анализ распределения мощностей управленческих полюсов позволил выявить четыре устойчивых паттерна, отражающих дифференциацию высшей школы в соответствии с ее миссией, профилем и территориальной ролью. Вузы, в которых доминирует культурный полюс ($C > 40\%$) и имеющие относительно низкие значения мощности духовного полюса ($B < 15\%$), отнесены к группе *культурно-технических университетов*. В эту группу вошли МГТУ, МИФИ, СПбПУ, СВФУ – преимущественно технические вузы или вузы с техническим уклоном. Вторая группа – *инспиративно-гуманитарные университеты*, демонстрирующие высокие значения мощности инспиративного полюса ($A > 30\%$). К этой группе были отнесены ВШЭ, РАНХиГС, Финуниверситет – преимущественно гуманитарные вузы. Третья группа – *интеллектуально-исследовательские университеты*, отличающиеся высокими значениями мощности интеллектуального полюса ($D > 20\%$) и относительно сбалансированным распределением мощности остальных полюсов. В вузах данной группы – МГУ, СФУ – приоритет отдается развитию научного и технологического лидерства. Четвертая группа – *ценностно-региональные университеты* – обладает повышенной долей духовного полюса ($B > 20\%$) и выраженной региональной ориентацией. Сильной стороной данных вузов – МГИМО, САФУ – является нравственно-патриотическое развитие молодежи, социально-экономическое развитие территорий и расширение международного сотрудничества.

Остальные вузы представляют имеют смешанные профили, в которых комбинируются черты нескольких базовых паттернов, указанных выше. Так, МФТИ является как интеллектуально-исследовательским ($D > 20\%$), так и культурно-техническим университетом ($C > 40\%$, $B < 15\%$). СПбГУ и БФУ тяготеют больше в сторону инспиративно-гуманитарных вузов, но при этом обладают развитыми интеллектуальными полюсами. ДВФУ и СКФУ могут быть отнесены как к группе инспиративно-гуманитарных вузов ($A > 30\%$), так и к группе интеллектуально-исследовательских университетов ($D > 20\%$). При этом у СКФУ также высока мощность духовного полюса. КФУ им. В.И. Вернадского и КФУ больше тяготеют к профилю культурно-технических университетов, но имеют высокую мощность духовных полюсов и могут быть в то же самое время отнесены и к группе интеллектуально-исследовательских вузов ($D > 20\%$). УрФУ и ЮФУ, в свою очередь, имеют профили как культурно-технических, так и интеллектуально-исследовательских университетов, отличительной особенностью которых является высокая мощность инспиративных полюсов.

Таким образом, можно заключить, что в российских вузах наблюдается значительная дифференциация структуры управленческих полюсов и только чуть больше половины (11 из 20) рассмотренных университетов можно отнести к разряду монопрофильных. С другой стороны, расширение функционала университетов и размывание их профилей следует рассматривать не как отклонение от нормы, а как следствие адаптации к требованиям времени и вызовам территориального развития.

Обсуждение результатов

Полученные в исследовании результаты подтверждают, что модель многополярного управления позволяет выявлять паттерны стратегического поведения организаций и может быть использована для повышения качества управления.

Во-первых, анализ весовых характеристик четырех управленческих полюсов (инспиративного, духовного, культурного и интеллектуального) позволяет перейти к оценке реального управленческого профиля вуза. Такая диагностика может стать основой целенаправленной ре-

организации управленческой структуры, направленной на устранение дисбалансов и повышение системной устойчивости организации.

Во-вторых, выделенные паттерны управления университетами могут быть использованы для дифференциации и повышения эффективности государственной политики поддержки вузов. Так, для преодоления структурной асимметрии одним организациям требуются ресурсы на развитие научной инфраструктуры, другим – на укрепление связей с партнерами в регионах и/или за рубежом, третьим – на поддержку инновационных проектов.

В-третьих, модель многополярного управления может быть использована для распределения ответственности за реализацию стратегических приоритетов между ключевыми лидерами внутри организаций, что позволит повысить эффективность достижения долгосрочных целей за счет синхронизации усилий и четкого закрепления персональной ответственности за конкретные направления развития.

Вместе с тем следует отметить и ряд ограничений предложенной модели, которые необходимо учитывать при ее внедрении в управленческую практику. В соответствии с исходным вариантом теории социального лидерства предполагается, что в организации должны присутствовать четыре социальных лидера, формирующих вокруг себя соответствующие поля притяжения. В реальности некоторые лидеры могут отсутствовать или имеющиеся специалисты могут вступать в противоречия, что снижает скорость принятия решений и общую эффективность деятельности. Кроме того, в модели не учитываются внешние ограничения (нормативно-правовые, бюджетные, кадровые и др.), которые в российской системе высшего образования часто определяют содержание стратегии в большей степени, чем внутренние управленческие приоритеты. Наконец, стратегические документы, на основе которых проводился анализ, могут носить «отчетный» характер и только косвенно отражать реальные стратегические приоритеты, поскольку университеты часто вынуждены адаптировать свои стратегии под требования государственных программ.

Заключение

В ходе исследования выявлены стратегические приоритеты и проведена оценка структуры управления российскими университетами. Определено, что во всех вузах, вошедших в выборку, наибольшим весом обладает культурный полюс, что представляется логичным, учитывая традиционную роль высшей школы как института образования и воспитания. В то же время более детальный анализ стратегических документов показывает, что основное внимание вузы уделяют не развитию образовательных инициатив, а процессам управления, цифровизации, инфраструктурной модернизации, коммерциализации научных результатов и повышению эффективности деятельности – направлениям, характерным скорее для корпоративного сектора, чем для образовательных организаций.

Содержание рассмотренных стратегий подтверждает широкий функционал, разноплановую и многоаспектную деятельность современных университетов, выходящую далеко за рамки классического понимания роли организаций высшего образования. Подобная трансформация отчасти соответствует глобальным трендам, отчасти обусловлена внешним нормативным давлением, ориентацией на государственные программы и рейтинговые процедуры.

В связи с этим особую значимость приобретает соответствие университета своему «профилю». Каждый вуз, с одной стороны, должен развивать ведущий(ие) полюс(ы) как ядро своей идентичности и конкурентных преимуществ, а с другой – сохранять минимально необходимый уровень развития остальных полюсов, поскольку их ослабление ставит под угрозу системную целостность и долгосрочную устойчивость организации.

Таким образом, ключевым условием устойчивого развития университетов становится поиск баланса между специализацией и целостностью, который, в свою очередь, должен определяться как установленными приоритетами развития страны, так и конкретными запросами территорий, на которых расположены эти вузы. В перспективе полученные результаты создают основу для картографирования российской системы высшего образования – создания карты университетов, отражающей их профильную ориентацию и конфигурацию полюсов. Такая карта могла бы лечь в основу научно обоснованной государственной политики в сфере высшего образования, позволяя обосновать оптимальное количество и территориальное распределение университетов каждого типа на региональном и федеральном уровнях.

Литература / References

- Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. (2017). Управление университетами в оценках образовательных общностей. *Университетское управление: практика и анализ* **21**(3), 100–111. [Ambarova, P., Zborovsky, G. (2017). University management in the assessments of educational communities. *University Management: Practice and Analysis* **21**(3), 100–111 (in Russian)]. DOI: 10.15826/umpa.2017.03.042
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2018). Опыт идентификации университетов мирового класса. *Мировая экономика и международные отношения* **62**(1), 104–113. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2018). Experience in identifying world-class universities. *World Economy and International Relations* **62**(1), 104–113 (in Russian)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-104-113
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022a). Идентификация университетов мирового класса: деструктивный плюрализм. *Мир новой экономики* **16**(3), 6–19. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2022a). Identification of world-class universities: Destructive pluralism. *The World of New Economy* **16**(3), 6–19 (in Russian)]. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022b). Переформатирование российского университета в условиях гибридной войны. *Вопросы регулирования экономики* **13**(4), 24–38. [Balatsky, E., Ekimova, N. (2022b). Reformatting the Russian university in the context of hybrid warfare. *Journal of Economic Regulation* **13**(4), 24–38 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2078-5429.2022.13.4.024-038
- Березин А.С., Минаева О.А., Медведицкова А.С., Юрова О.В. (2023). Развитие экосистемы проектной деятельности университета в интересах ключевых стейкхолдеров региона. *Вопросы инновационной экономики* **13**(1), 453–470. [Berezin, A., Minaeva, O., Medveditskova, A., Yurova, O. (2023). Development of the university project activity ecosystem in the interests of key regional stakeholders. *Issues of Innovative Economy* **13**(1), 453–470 (in Russian)]. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117040
- Брылина И.В. (2018). Роль региональных университетов в кластерно-сетевом партнерстве. *Профессиональное образование в современном мире* **8**(4), 2212–2223. [Brylina, I. (2018). The role of regional universities in cluster-network partnerships. *Professional Education in the Modern World* **8**(4), 2212–2223 (in Russian)]. DOI: 10.15372/PEMW20180409
- Вольчик В.В., Жук А.А., Фурса Е.В. (2021). Механизмы преодоления институциональных ловушек в сфере образования и науки. *Журнал институциональных исследований* **13**(1), 135–155. [Volchik, V., Zhuk, A., Fursa, E. (2021). Mechanisms for overcoming institutional traps in education and science. *Journal of Institutional Studies* **13**(1), 135–155 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.1.135-155
- Воробьева Е.С., Краковецкая И.В. (2017). Продвижение российских вузов в мировые рейтинги конкурентоспособности: цель близка? *Креативная экономика* **11**(5), 521–552. [Vorobyeva, E., Krakovetskaya, I. (2017). Promoting Russian universities in global competitiveness rankings: Is the goal near? *Creative Economy* **11**(5), 521–552 (in Russian)]. DOI: 10.18334/ce.11.5.37857
- Гришин В.И., Штыхно Д.А., Шубенкова Е.В. (2019). Повышение конкурентоспособности российских университетов на мировой арене: проблемы и пути решения. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова* (4), 85–95. [Grishin, V., Shtykhno, D., Shubenkova, E. (2019). Enhancing the competitiveness of Russian universities on the global stage: Challenges and solutions. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics* (4), 85–95 (in Russian)]. DOI: 10.21686/2413-2829-2019-4-85-95
- Губа К.С. (2022). Наукометрические показатели в оценке российских университетов: обзор исследований. *Мир России. Социология. Этнология* **31**(1), 49–73. [Guba, K. (2022). Scientometric indicators in the assessment of Russian universities: A review of studies. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology* **31**(1), 49–73 (in Russian)]. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-49-73
- Гурфова Р.В., Ашинова И.В. (2020). Взаимодействие университета и региона в условиях цифровой экономики. *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий* **82**(4), 307–312. [Gurfova, R., Ashinova, I. (2020). University-region interaction in the digital economy. *Proceedings of Voronezh State University of Engineering Technologies* **82**(4), 307–312 (in Russian)].
- Давий А.О., Молодчик М.А., Матвеева-Рам, Е.Е., Санина К.Ю. (2024). Влияние индивидуальных характеристик руководителя на процесс цифровизации предприятия. *Российский журнал*

- менеджмента **22**(4), 698–718. [Daviy, A., Molodchik, M., Matveeva-Ram, E., Sanina, K. (2024). The impact of individual leader characteristics on enterprise digitalization. *Russian Management Journal* **22**(4), 698–718 (in Russian)]. DOI: 10.21638/spbu18.2024.404
- Егоров А.А. (2020). Оценка эффективности деятельности университетов на основе их производственных функций. *Университетское управление: практика и анализ* **24**(4), 87–99. [Egorov, A. (2020). Assessing university performance based on production functions. *University Management: Practice and Analysis* **24**(4), 87–99 (in Russian)]. DOI: 10.15826/umpra.2020.04.037
- Изотова А.Г., Гаврилюк Е.С. (2022). Экосистемный подход как новый тренд развития высшего образования. *Вопросы инновационной экономики* **12**(2), 1211–1226. [Izotova, A., Gavriluk, E. (2022). Ecosystem approach as a new trend in higher education development. *Issues of Innovative Economy* **12**(2), 1211–1226 (in Russian)]. DOI: 10.18334/vines.12.2.114869
- Интеллектуальная экономика – технологические вызовы XXI века: Монография (2009) / науч. ред. О. Сабден, Е. Наумов. Алматы: Эксклюзив. [Sabden, O., Naumov, E. (eds.) (2009). *Intellectual Economy – Technological Challenges of the 21st Century*. Almaty: Eksklyuziv Publ. (in Russian)].
- Клейнер Г.Б. (2019). Экономика экосистем: шаг в будущее. *Экономическое возрождение России* (1), 40–45. [Kleiner, G. (2019). Ecosystem economics: A step into the future. *Economic Revival of Russia* (1), 40–45 (in Russian)].
- Клейнер Г.Б. (2020). Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний. *Экономическое возрождение России* (1), 35–42. [Kleiner, G. (2020). Intellectual economy of the new century: Post-knowledge economy. *Economic Revival of Russia* (1), 35–42 (in Russian)].
- Клейнер Г.Б. (2022). Социальное лидерство, расщепление власти и инклюзивное управление организацией. *Вопросы экономики* (4), 26–44. [Kleiner, G. (2022). Social leadership, power splitting, and inclusive organizational governance. *Voprosy Ekonomiki* (4), 26–44 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-4-26-44
- Клейнер Г.Б. (2024). Многополярное управление организацией. *Российский журнал менеджмента* **22**(2), 163–178. [Kleiner, G. (2024). Multipolar organizational governance. *Russian Management Journal* **22**(2), 163–178 (in Russian)]. DOI: 10.21638/spbu18.2024.201
- Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. (2017). *Системная сбалансированность экономики*. М.: Издательский дом «Научная библиотека». [Kleiner, G., Rybachuk, M. (2017). *Systemic balance of the economy*. Moscow: Publishing House “Scientific Library” (in Russian)].
- Кобылко А.А., Рыбачук М.А. (2024). Сравнительный анализ стратегий мезоуровня: регион, отрасль, корпорация. *Russian Journal of Economics and Law* **18**(4), 898–911. [Kobylko, A., Rybachuk, M. (2024). Comparative analysis of meso-level strategies: Region, industry, corporation. *Russian Journal of Economics and Law* **18**(4), 898–911 (in Russian)]. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.4.898-911
- Кулясова Е.В., Трифонов П.В. (2020). Развитие форм взаимодействия университетов и бизнес-сообщества в условиях цифровой экономики. *Стратегические решения и риск-менеджмент* **11**(2), 216–223. [Kulyasova, E., Trifonov, P. (2020). Developing forms of interaction between universities and the business community in the digital economy. *Strategic Decisions and Risk Management* **11**(2), 216–223]. DOI: 10.17747/2618-947X-2020-2-216-223
- Куракова Н.Г., Цветкова Л.А. (2021). Технологическое предпринимательство в региональных университетах России: факторы сдерживания и ускорения. *Экономика науки* **7**(3), 170–187. [Kurakova, N., Tsvetkova, L. (2021). Technological entrepreneurship in regional Russian universities: Constraining and accelerating factors. *Economics of Science* **7**(3), 170–187 (in Russian)].
- Курбатова М.В. (2023). Управление по результатам в российском образовании: проблемы нормативного регулирования. *ЭКО* (3), 8–26. [Kurbatova, M. (2023). Results-based management in Russian education: Issues of regulatory regulation. *ECO* (3), 8–26 (in Russian)]. DOI: 10.30680/EC00131-7652-2023-3-8-26
- Лapidус Л.В. (2024). Онтогенез цифровой экономики и экономики данных: концепция «интеллектуальная гиперсвязанность в Индустрии X.0». *Российский журнал менеджмента* **22**(3), 370–400. [Lapidus, L. (2024). Ontogenesis of the digital economy and data economy: The concept of “intelligent hyperconnectivity in Industry X.0”. *Russian Management Journal* **22**(3), 370–400 (in Russian)]. DOI: 10.21638/spbu18.2024.302

- Маслова Л.Д., Гаффорова Е.Б. (2012). Стратегическое управление вузами: анализ требований заинтересованных сторон. *Университетское управление: практика и анализ* (5), 53–60. [Maslova, L., Gafforova, E. (2012). Strategic university management: Stakeholder requirements analysis. *University Management: Practice and Analysis* (5), 53–60 (in Russian)].
- Московкин В.М., Чжан Х., Садовски М.В. (2019). Какие российские университеты имеют шансы войти в 2020 г. в TOP-100 трех ведущих мировых рейтингов? *Экономика науки* 5(2), 143–156. [Moskovkin, V., Zhang, H., Sadovskii, M. (2019). Which Russian universities have a chance to enter the top 100 of the three leading global rankings in 2020? *Economics of Science* 5(2), 143–156 (in Russian)]. DOI: 10.22394/2410-132X-2019-5-2-143-156
- Новгородов П.А. (2018). Эффективность деятельности вузов: от мониторинга и рейтингов к оценке интеллектуального капитала. *Управленец* 9(1), 48–55. [Novgorodov, P. (2018). University performance efficiency: From monitoring and rankings to intellectual capital assessment. *Upravlenets – The Manager* 9(1), 48–55 (in Russian)]. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-1-7
- Романов Е.В. (2019). Оценка эффективности деятельности вузов: противоречия и парадоксы. Часть I. *Образование и наука* 21(9), 9–48. [Romanov, E. (2019). Assessing university performance: Contradictions and paradoxes. Part I. *Education and Science* 21(9), 9–48 (in Russian)]. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-9-9-48
- Романов Е.В. (2021). Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? *Образование и наука* 23(6), 84–125. [Romanov, E. (2021). Assessing the performance of Russian universities: Is it necessary to change the paradigm? *Education and Science* 23(6), 84–125 (in Russian)]. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-6-83-125
- Садовая Е.С., Юревич М.А. (2025). Образование в контексте современной борьбы за лидерство. *Terra Economicus* 23(3), 68–80. [Sadovaya, E., Yurevich, M. (2025). Education in the context of the modern struggle for leadership. *Terra Economicus* 23(3), 68–80 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-3-68-80
- Стратегии развития российских вузов: ответы на новые вызовы* (2008) / Под науч. ред. Н.Л. Титовой. М.: МАКС Пресс. 668 с. [Titova, N. (ed.) (2008). *Strategies for the development of Russian universities: Responding to new challenges*. Moscow: MAKS Press. 668 pp. (in Russian)].
- Томилин О.Б. (2023). Критический обзор эволюции практик университетского менеджмента. *Университетское управление: практика и анализ* 27(3), 115–130. [Tomilin, O. (2023). A critical review of the evolution of university management practices. *University Management: Practice and Analysis* 27(3), 115–130 (in Russian)]. DOI: 10.15826/umpa.2023.03.027
- Участие в управлении университетом: Научное издание* (2016) / Ответ. ред. О. Бычкова. СПб.: Норма. 120 с. [Bychkova, O. (ed.) (2016). *Participation in University Governance: A Scientific Publication*. St. Petersburg: Norma Publ. (in Russian)].
- Флек М.Б., Угнич Е.А. (2020). Взаимодействие вуза и предприятия: опыт базовой кафедры в подготовке инженерных кадров. *Университетское управление: практика и анализ* 24(3), 122–136. [Flek, M., Ugnich, E. (2020). University-enterprise interaction: The experience of a basic department in training engineering personnel. *University Management: Practice and Analysis* 24(3), 122–136 (in Russian)]. DOI: 10.15826/umpa.2020.03.030
- Флек М.Б., Угнич Е.А. (2025). Развитие устойчивой карьеры инженера в экосистеме воспроизводства человеческого капитала предприятия. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)* 16(4), 762–779. [Flek, M., Ugnich, E. (2025). Developing sustainable engineering careers in the ecosystem of enterprise human capital reproduction. *MIR (Modernization. Innovation. Research)* 16(4), 762–779 (in Russian)]. DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.4.762-779
- Щербина В.В., Попова Е.П. (2019). Вуз как специфический тип организации, его функции и взаимоотношения с внешним окружением. *Научный результат. Серия: Социология и управление* 5(4), 184–199. [Shcherbina, V., Popova, E. (2019). The university as a specific type of organization: Functions and relationships with the external environment. *Research Result. Sociology and Management* 5(4), 184–199 (in Russian)]. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-16
- Эбзеева Ю.Н., Смирнова Ю.Б. (2022). Позиции российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология* 22(4), 909–918.

- [Ebzeeva, Yu., Smirnova, Yu. (2022). Positions of Russian universities in global rankings in 2022. *RUDN Journal of Sociology* **22**(4), 909–918 (in Russian)]. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-909-918
- Юрова О.В., Медведицкова А.С., Березин А.С., Минаева О.А. (2023). Центры проектной деятельности как элемент экосистемы предпринимательства в университетах. *Лидерство и менеджмент* **10**(2), 579–596. [Yurova, O., Medveditskova, A., Berezin, A., Minaeva, O. (2023). Project activity centers as an element of the entrepreneurship ecosystem in universities. *Leadership and Management* **10**(2), 579–596 (in Russian)].
- Azeiteiro, U., Davim, J.P. (Eds.). (2019). *Higher Education and Sustainability: Opportunities and Challenges for Achieving Sustainable Development Goals*. CRC Press. DOI: 10.1201/b22452
- Bornmann, L., Gralka, S., de Moya Anegón, F., Wohlrabe, K. (2023). Efficiency of universities and research-focused institutions worldwide: The introduction of a new input indicator reflecting institutional staff numbers. *Journal of Informetrics* **17**(2), 101400. DOI: 10.1016/j.joi.2023.101400
- Ferdousmou, J., Samiun, M., Mohammad, N. et al. (2025). IT management strategies for scaling artificial intelligence-powered educational systems in American schools and universities. *Journal of Posthumanism* **5**(2), 470–486. DOI: 10.63332/joph.v5i2.433
- Galarowicz, A. (2025). Cooperation between universities and the business community as a form of achieving sustainable development. *E-mentor* **108**(1), 14–24. DOI: 10.15219/em108.1692
- Gegenhuber, T., Dobusch, L. (2016). Making an impression through openness: How open strategy-making practices change in the evolution of new ventures. *Long Range Planning* **50**(3), 337–354. DOI: 10.1016/j.lrp.2016.09.001
- Kalebar, R., Swetha, N., Mahadev, A., Naveen, C.L., Diganta, K. D. (2024). Strategic management in higher education: Navigating challenges and opportunities. *Journal of Informatics Education and Research* **1**(2), 97. DOI: 10.52783/jier.v4i2.717
- Kleiner, G., Kobylko, A. (2022). Business ecosystem strategy: Design and specifics. In: Vasiliev Y.S., Pankratova N.D., Volkova V.N., Shipunova O.D., Lyabakh N.N. (eds.) *System Analysis in Engineering and Control. SAEC 2021. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 442 (pp. 43–51). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-98832-6_4
- Mynbayeva, A., Minazheva, G., Sadyrova, M., Zholdassova, M. (2024). Examining leadership styles in higher education management: evidence from Kazakhstan. *International Journal of Leadership in Education* (1), 22. DOI: 10.1080/13603124.2024.2304564
- Orduna-Malea, E., Aytac, S., Tran, C. (2019). Universities through the eyes of bibliographic databases: A retroactive growth comparison of Google Scholar, Scopus and Web of Science. *Scientometrics* **121**, 433–450. DOI: 10.1007/s11192-019-03208-7
- Panait, M., Ionescu, R., Hysa, E., Blessinger, P. (2025). Powering the future: Green energy and sustainable development in universities. In: Machado, C., Davim, J. (eds.) *Management in Higher Education for Sustainability. Management and Industrial Engineering*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-84963-3_6
- Popkova, E. (2025). Advanced experience of sustainable development of EdTech based on Universities 4.0 in Russia and Central Asia for strategic academic leadership. In: Sergi, B., Popkova, E., Adieva, A., Atabekova, N. (eds.) *University 4.0 and Educational Technology for Sustainable Development. Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects*, vol 75. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-96-7376-6_1
- Reeves, M., Candelon, F. (2022). *New Leadership Imperatives*. De Gruyter. DOI: 10.1515/9783110775174
- Splitter, V., Jarzabkowski, P., Seidl, D. (2021). Middle managers' struggle over their subject position in open strategy processes. *Journal of Management Studies* **60**(7), 1884–1923. DOI: 10.1111/joms.12776
- Tennant, J.P. (2020). Web of Science and Scopus are not global databases of knowledge. *European Science Editing*, e51987. DOI: 10.3897/ese.2020.e51987
- Weinberger, D. (2019). *Everyday Chaos: Technology, Complexity, and How We're Thriving in a New World of Possibility*. Harvard Business Review Press.
- Whittington, R., Yakis-Douglas, B. (2020). The grand challenge of corporate control: Opening strategy to the normative pressures of networked professionals. *Organization Theory* **1**(4), 1–19. DOI: 10.1177/2631787720969697

Бюрократия и экономический рост: опыт российских регионов

Борщевский Георгий Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия, e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

Цитирование: Борщевский Г.А. (2026). Бюрократия и экономический рост: опыт российских регионов. *Terra Economicus* 24(3), 105–122. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-105-122

В статье предложена модель оценки экономического эффекта от деятельности государственной бюрократии на региональном уровне. Рассмотрены элементы производственной функции бюрократии, такие как численность, укомплектованность и оплата труда публичных служащих (федеральных государственных гражданских служащих территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, гражданских служащих органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных служащих органов местного самоуправления) по всем регионам страны за период с 2007 по 2022 гг. Средний размер оплаты труда в экономике и на публичной службе изменяется циклически и в согласованной динамике, средняя заработная плата на публичной службе со временем сблизились со средней по экономике. Увеличилось число регионов, где публичные служащие имели зарплату ниже средней по экономике, что указывает на снижение конкурентоспособности публичной службы на рынках труда. Доля публичных служащих не превышает 3% от числа занятых в экономике. Численность публичных служащих за 15 лет уменьшилась на 24%. Отмечено снижение средней укомплектованности на всех трех уровнях публичной власти. Взаимосвязь заработной платы публичных служащих и среднедушевого ВРП оценена с помощью панельной регрессии с фиксированными эффектами. Повышение заработной платы публичных служащих положительно связано со среднедушевым ВРП, особенно в последний период. Пространственные эффекты распределены неравномерно. С позиций «нового государственного управления» сделан вывод, что российская бюрократия на региональном уровне является фактором экономического роста, производя больше общественных благ и задействовав при этом меньше факторов. Увеличение производительности бюрократии на фоне повышения среднедушевого ВРП позволяет предположить некоторое повышение эффективности бюрократии в исследуемый период.

Ключевые слова: бюрократия; экономический рост; государственная служба; валовой региональный продукт; публичная служба; новое государственное управление

Bureaucracy and growth: Evidence from Russian regions

Georgy A. Borshchevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
e-mail: borshchevskiy-ga@ranepa.ru

Citation: Borshchevskiy G.A. (2026). Bureaucracy and growth: Evidence from Russian regions. *Terra Economicus* 24(3), 105–122 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-105-122

This article proposes a model for assessing the economic impact of state bureaucracy at the regional level. We examine elements of the bureaucracy's production function, such as staffing and compensation of public servants (federal civil servants of territorial divisions of federal executive bodies, and civil servants of state authorities of the regions of the Russian Federation, and municipal employees of local governments) across all regions for the period from 2007 to 2022. Average wages in the economy with public servants salaries fluctuate cyclically and consistently. Wages in the public service have converged with the national average over time. The number of regions where public servants' salaries are below the regional average has increased, indicating a decline in the competitiveness of the public service in labor markets. The share of public servants does not exceed 3 per cent of the total employed in the economy. The total number of public servants has decreased by 24 per cent over 15 years. A decrease in average staffing has been noted at all three levels of public administration. The relationship between public servant salaries and per capita GRP was assessed using a panel regression with fixed effects. Increases in public servant salaries have a positive impact on per capita GRP, especially in the recent period. Spatial effects are unevenly distributed. From a New Public Management perspective, it is concluded that Russian bureaucracy at the regional level is a factor in economic growth, producing more public goods while employing fewer factors. The increase in bureaucratic productivity against the backdrop of an increase in per capita GRP suggests some increase in the effectiveness of the bureaucracy during the period under study.

Keywords: bureaucracy; economic growth; civil service; gross regional product; public service; New Public Management

JEL codes: D73; H75; M12

Введение

Государство оказывает существенное влияние на экономическую политику, в том числе на региональном уровне. После принятия конституционных поправок 2020 г. в России создается единая система публичной власти, включающая федеральный, региональный и местный уровни¹. При сохраняющемся разграничении полномочий обеспечение сбалансированного социально-экономического развития является общей задачей, на что неоднократно указывал глава государства².

С появлением в середине XX в. концепции «нового государственного управления» не прекращаются попытки оценить влияние государства и бюрократии на экономический рост. Однако эта научная проблема по-прежнему сохраняет актуальность, так как управленческие (регуляторные) воздействия имеют косвенный, трудноизмеримый характер. Данной статьей мы стре-

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»; Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

² Например, на совещании 24.04.2024: «Главное, чтобы проблемы, с которыми люди сталкиваются, в том числе чрезвычайного характера, эффективно решались, чтобы к людям прислушивались, на их обращения своевременно и по делу реагировали, чтобы вся система публичной власти страны работала слаженно и четко». Цит. по: Администрация Президента России. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73933?ysclid=mn5w64qs9f348683828> (дата обращения: 25.03.2026).

мимся внести вклад в решение этой проблемы, предложив модель оценки экономического эффекта от деятельности государственной бюрократии на региональном уровне.

Начиная с Й. Шумпетера, экономический рост трактуется как количественное увеличение общественного продукта и факторов производства, выражаемое в приросте валового продукта. В рамках нового институционализма (Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон) эффективность управления (и бюрократии) рассматривается как один из факторов экономического роста.

Понятия «государственная бюрократия», «бюрократия», «государственная служба» и «публичная служба» в рамках данной статьи понимаются тождественно, если иное не следует из контекста, для обозначения федеральных государственных гражданских служащих территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти, гражданских служащих органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных служащих органов местного самоуправления. При этом мы опираемся на теоретические взгляды основоположника «нового государственного управления» Уильяма Нисканена, который понимал бюро как часть государственного аппарата (системы госуправления), поставляющую общественные блага и финансируемую из бюджета (Niskanen, 1996). Нисканен не акцентировал различия между юридическим статусом бюро и его работников, но указывал, что соотношение объема поставляемых благ и затрачиваемых ресурсов характеризует экономическую роль бюрократии. Вероятно, эта роль может быть нейтральной или даже отрицательной, но, следуя работам предшественников, для ее обозначения мы пользуемся терминами «экономическое развитие» (Besley et al., 2022), «экономический эффект» (Henderson et al., 2007) или «экономический рост» (Evans, Rauch, 1999), понимая их здесь как равнозначные.

Попытку оценить взаимосвязь между параметрами функционирования бюрократии (такими как численность, укомплектованность и оплата труда публичных служащих) и параметрами социально-экономического развития (валовой продукт, численность занятых и средний уровень оплаты труда) мы начнем с обзора существующих подходов и гипотез. На этой основе будет предложена модель для описания их взаимосвязей, описаны статистические данные за период 2007–2022 гг. и рассмотрены их тренды. Модель рассчитаем в различных спецификациях и выберем ту, которая лучше соответствует данным. В завершение сделаем ряд выводов и постараемся интегрировать их в контекст современных дискуссий.

Практическая ценность подобного исследования может состоять в использовании эмпирических данных для объяснения экономических и управленческих процессов.

Обзор литературы

Бюрократия составляет основу государственного сектора в большинстве стран, а государственные служащие – не просто лояльные работники, но и часто лица, принимающие решения (Sorensen, Torfing, 2024). На экономическую функцию бюрократии впервые обратили внимание теоретики «нового государственного управления», доказавшие, что бюрократия как институт вносит вклад в экономический рост, поставляя общественные блага в обмен на бюджетное финансирование (Niskanen, 1996). Измерение вклада государства и его работников в экономический рост является непростой задачей. Эксперты предлагают отдельно оценивать бюджетную эффективность (затраты, inputs), организационную производительность (непосредственные результаты, outputs) и социальную эффективность управления (результаты, outcomes) (Van Ark, 2022). Совокупная факторная производительность измеряется объемом затраченного труда (мерой которого является численность занятых) и капитала (оцениваемого, в частности, по уровню расходов на оплату труда) (Dunleavy, 1991). Производительность существенно различается между организациями государственного сектора (Somaní, 2021).

В общем виде модель производительности бюрократа принимает вид:

$$Y_{it} = U(I(y_{it}), e_{it}, \theta_i), \quad (1)$$

где: y_{it} – показатель производительности, зависящий от типа бюрократа θ_i , объема усилий e_{it} и характеристик, влияющих на характер задачи $v_{J(i,t)}$. Полезность увеличивается в I и уменьшается в e_{it} , поэтому вознаграждение желательно, а усилия требуют больших затрат (Besley et al., 2022).

Пусть n – количество бюрократов, работающих в организации; тогда можно заменить уравнение (1) следующим выражением:

$$y_{it} = g(\theta_i, \dots, \theta_n, e_{1t}, \dots, e_{nt}, \tau_i, \vartheta_{f(i,t)}), \quad (2)$$

где τ_i – это назначение задачи бюрократу i . Можно рассматривать агрегирование производительности всей бюрократии как своего рода производственную функцию:

$$Y_t = F(y_{1t}, \dots, y_{nt}). \quad (3)$$

Достоверная оценка факторов, влияющих на эффективность бюрократии в масштабе, представляет собой проблему при переходе от анализа на индивидуальном уровне (уравнение 2) к анализу на уровне организации (уравнение 3). Акцент на организационных характеристиках бюрократии по определению ограничивает количество единиц, которые можно изучить, что сужает круг выводов, которые можно сделать, и результаты, которые можно обобщить.

Питер Эванс и Джеймс Раух операционализировали тип бюрократа θ_i через соответствие бюрократии принципам меритократии и доказали, что подобная бюрократия способствует росту ВВП (Evans, Rauch, 1999). Позднее было выяснено, что меритократия содействует снижению бедности (Henderson et al., 2007) и коррупции (Dahlström, Lapuente, 2017). Меритократический подход тесно связан с повышением эффективности работы правительства в разных странах (Oliveira et al., 2024). Есть и иная точка зрения, что ранние исследования завышали влияние данного фактора (Cornell et al., 2020), а меритократия не оказывает положительного влияния на рост после 2008 г. и даже влияет на него отрицательно в странах с высоким уровнем дохода (Lee, Ki, 2017). Есть мнение, что рост ВВП содействует улучшению бюрократии, а не наоборот (Kurtz, Schrank, 2007). Эта дискуссия побуждает нас использовать валовой продукт в качестве индикатора экономического роста, но отказаться от изучения типа бюрократии ввиду трудностей однозначной идентификации типа и его влияния на рост.

Исследуется влияние и других факторов функции производительности бюрократии. Так, численность госслужащих (n) положительно влияет на ВВП (Kraay, Van Rijckeghem, 1995; Wray et al., 2019), хотя повышает бюджетные расходы, налоговую нагрузку и инфляцию (Ungureanu, Iancu, 2012). Существует обратная U-образная зависимость между долей государственных служащих в численности занятых и экономическим ростом (Baerlocher, 2022). Повышение числа занятых в государственном секторе способствует вытеснению занятости в частном секторе как в развитых (Faggio, Overman, 2014), так и в развивающихся странах (Behar, Mok, 2019). Эффект вытеснения частных рабочих мест государственными более выражен в тех странах, где государственный сектор обеспечивает высокую рентабельность (Algan et al., 2002).

Такой фактор, как заработная плата государственных служащих (производная от объема их усилий e_{it}), в долговременной перспективе отрицательно влияет на ВВП (Kraay, Van Rijckeghem, 1995). Если оплата труда госслужащих существенно отстает от средней по экономике, то это замедляет рост (Fernández et al., 2019). Бедные страны тратят относительно большую долю ВВП на выплаты и компенсации работникам центрального правительства, а развитые – на органы регионального и муниципального уровня (Clements et al., 2010). Зарботная плата государственных служащих может не только расти, но и снижаться, особенно в периоды экономических кризисов (Nwaubani et al., 2020). Наконец, оплата по результатам (так называемый «эффективный контракт») не способствует повышению эффективности бюрократии, особенно в развивающихся странах (Schiavo-Campo et al., 1998).

Существуют количественные оценки влияния региональной бюрократии на различные макроэкономические параметры: распространенность профсоюзов (Anzia, Trounstein, 2025); производительность работы почты (Aneja, Xu, 2024); качество социального обеспечения (Andreotti et al., 2024); собираемость таможенных пошлин (Moreira, Pérez, 2024).

Применительно к России некоторые авторы пишут, что при принятии кадровых решений на региональном уровне экономическая динамика, как правило, не учитывается (Rochlitz et al.,

2015). При этом показано влияние социально-экономических показателей регионов на ротацию губернаторов (Reuter, Turovsky, 2021). Происходит сближение кадровых практик на федеральной и региональной государственной службе и на муниципальной службе (Barabashev, Zaytseva, 2020). Оценки экономического эффекта бюрократии в России носили в основном описательный характер (Абрамова и др., 2025). Есть данные, что бюрократия оказывает отрицательное влияние на экономический рост, а при сокращении численности служащих уровень оплаты их труда растёт (Басовская, Басовский, 2026). Увеличение бюрократического аппарата связано со снижением экономических показателей регионов (Libman, 2012), однако по другим данным, в субъектах Российской Федерации с более многочисленной бюрократией приватизация проводилась более эффективно (Brown et al., 2009). Рост заработных плат в российской экономике на 1% в 2000–2019 гг. способствовал увеличению ВВП на 0,6 п.п. (то есть зарплата растёт быстрее, чем ВВП), а также повышению численности занятых в экономике (Винокуров, 2021). Далее мы верифицируем подобные утверждения на региональных данных.

Данные и методы

Работы предшественников позволяют нам сформулировать две рабочие гипотезы:

- 1) численность государственных и муниципальных служащих (далее – публичные служащие) положительно связана с ВВП и отрицательно – с численностью занятых в экономике;
- 2) уровень оплаты труда публичных служащих отрицательно связан с ВВП и положительно – со средней зарплатой работников в экономике.

Таким образом, численность и оплата труда публичных служащих, предположительно, связаны противоположным образом.

Официальная статистика содержит данные в разрезе субъектов Российской Федерации за 2007–2022 гг. об уровне оплаты публичных служащих, их численности и укомплектованности (доля замещенных должностей)³. Это весь массив, доступный для исследования, так как с 2023 г. публикация таких данных прекращена. Следует подчеркнуть, что статистические показатели соответствуют факторам функции производительности бюрократии, указанным в предыдущем разделе. Это делает возможной оценку взаимосвязи между развитием бюрократии и экономическим ростом на региональном уровне.

Данные для каждого региона представлены в трех разрезах: федеральные гражданские служащие территориальных органов федеральных органов исполнительной власти; государственные гражданские служащие в органах власти субъектов Федерации; муниципальные служащие органов местного самоуправления. Все три типа публичных служащих представлены в каждом регионе. Их функциональные обязанности обусловлены распределением полномочий между уровнями публичной власти (например, все налоговые инспектора – федеральные чиновники; работники жилищного надзора – госслужащие субъектов, а в городских администрациях работают муниципальные служащие).

Факторы производительности бюрократии (ее численность, укомплектованность и оплата труда), вероятно, связаны с общей численностью занятых и средним уровнем оплаты труда в региональной экономике. Источниками данных являлись статистические показатели «Среднегодовая численность занятых в экономике»⁴ и «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций»⁵. Заработные платы приведены к масштабу цен 2022 г. путем корректировки на годовые значения индекса – дефлятора ВВП, который показывает масштаб инфляции в национальной экономике, а не только в сегменте потребительских товаров, как индекс потребительских цен.

Общераспространенным индикатором экономического роста является валовой продукт. Показатель «Валовой региональный продукт на душу населения»⁶ позволяет сравнивать регионы не только в экономическом, но и в социальном измерении. Значения показателя за все годы

³ О численности и оплате труда государственных гражданских и муниципальных служащих на региональном уровне. См., например: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b09_03/IssWWW.exe/Stg/trud/49-2008.htm (дата обращения: 25.03.2026).

⁴ Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС). <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>; <https://www.fedstat.ru/indicator/43211> (дата обращения: 25.03.2026).

⁵ Там же. <https://www.fedstat.ru/indicator/33433>; <https://www.fedstat.ru/indicator/58701>

⁶ Там же. <https://www.fedstat.ru/indicator/42928>; <https://www.fedstat.ru/indicator/61483>

также приведены к масштабу цен 2022 г. Так как регионы значительно варьируют не только по масштабам экономики, но и по темпам роста, рассмотрим показатель «Индекс физического объема валового регионального продукта»⁷, динамика которого может быть выше у регионов с небольшим размером ВРП, а у самых крупных, напротив, ниже.

Описательная статистика всех переменных представлена в таблице 1.

Таблица 1

Описательная статистика переменных

Название переменной	Обозначение	Ед. изм.	Наблюдений	Сред. знач.	Станд. отклон.	Min	Max
Валовой региональный продукт:							
на душу населения	GRPpc	тыс. руб.	1356	817,9	1204,9	120,8	11800
индекс физического объема	GRPindex	процент	1356	102,3	4,92	80,4	126,4
Среднемесячная номинальная заработная плата, в том числе публичных служащих:							
Федеральных	SalaryF	тыс. руб.	1356	65,2	22,0	35,5	204,2
Региональных	SalaryR		1356	85,9	41,3	32,7	301,7
Муниципальных	SalaryM		1356	61,8	35,1	23,7	244,5
всех категорий	SalaryPS		1356	71,0	31,3	34,8	220,2
Занятых в экономике	Salary		1356	55,2	24,4	19,9	161,4
Фактическая численность на конец года, в том числе публичных служащих:							
Федеральных	EmployF	человек	1273	4888	3929	105	28310
Региональных	EmployR		1273	2170	2467	243	22905
Муниципальных	EmployM		1273	3721	2767	81	17527
всех категорий	EmployPS		1273	10779	8003	650	53678
Занятых в экономике	Employ	тыс. чел.	1356	845,7	981,4	30	8890
Укомплектованность должностей публичных служащих							
Федеральных	FilledF	процент	1273	91,4	3,623	71,7	99,0
Региональных	FilledR		1273	94,5	2,803	78,0	100,2
Муниципальных	FilledM		1273	95,7	3,133	68,4	102,2
всех категорий	FilledPS		1273	93,9	2,497	78,6	99,8

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Примечания: все стоимостные значения в ценах 2022 г.; заработная плата без учета выплат социального характера; численность служащих без персонала по охране и обслуживанию административных зданий; под федеральными служащими понимаются гражданские служащие территориальных органов ФОИВ в субъектах РФ.

Строим панель данных, размер которой связан с количеством анализируемых лет (15) и наблюдаемых объектов – российских регионов. Их число оставалось стабильным, исключая принятие в 2014 г. в состав России Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Выборка включает 1356 наблюдений (для показателей численности и укомплектованности их количество несколько меньше, так как данные представлены с 2008 г.). Каждому субъекту РФ присвоен код (ID), позволяющий проследивать временные изменения.

Оценим эконометрическую модель с фиксированными эффектами для каждого региона:

$$GRP_{it} = \alpha_i + Z'_{it}\beta + X'_{it}\gamma + \lambda_t + \varepsilon_{it} \quad (4)$$

⁷ Там же. <https://www.fedstat.ru/indicator/59449>; <https://www.fedstat.ru/indicator/31083>

где GRP_{it} обозначает логарифм валового регионального продукта на душу населения в году t в регионе i ; α_i – неизменные во времени характеристики i -го региона; Z_{it} – вектор-строка показателей функционирования публичной службы в регионе i (логарифмы численности служащих, укомплектованности должностей и заработной платы); β – интересующие нас коэффициенты; X_{it} – вектор изменяющихся во времени макроэкономических характеристик региона i (контрольные переменные), включающие логарифмы численности занятых в экономике и средней заработной платы, обобщенно обозначенные как γ ; λ_t показывает временные фиксированные эффекты; ε_{it} – случайная ошибка.

Используется логарифмическая модель (log-log model), при которой зависимая и независимые переменные выражены в логарифмах. Логарифмирование обусловлено значительными вариациями исходных данных, выраженных в разных единицах измерения. Необходимо учитывать область определения переменной, так как логарифм не определяется для неположительных значений. Из таблицы 1 следует, что все переменные являются положительными.

Поскольку выборка включает все регионы, то индивидуальные эффекты не являются случайными, что делает модель с фиксированными эффектами теоретически более оправданной, чем модель со случайными эффектами. Итоговый выбор осуществляется между тремя моделями: сквозной регрессии (OLS), со случайным эффектом (RE) и с фиксированным эффектом (FE) с помощью стандартных тестов Хаусмана, Бройша-Пагана и F-теста.

В моделях мы контролируем:

- годы (Year), так как все объясняющие переменные изменяются со временем;
- федеральные округа (FD), так как принадлежность к ним характеризует географическое расположение регионов.

Для определения порядка интегрированности данных применен тест Фишера (ADF), для проверки мультиколлинеарности – VIF-тест, а также тест Вальда на гетероскедастичность.

Результаты

Дескриптивный анализ

Прежде, чем переходить к поиску закономерностей, кратко остановимся на каждой из рассматриваемых переменных.

Лидерами среди регионов по уровню оплаты публичных служащих в 2007 г. являлись 12 регионов, пять из которых относятся к Дальнему Востоку, три – к Уралу (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область), три – к Северо-Западному федеральному округу (Санкт-Петербург, Ненецкий автономный округ и Мурманская область) и один – к Центральному (Москва). В Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах оплата труда государственных служащих субъектов РФ изначально превышала 200 тыс. руб. в ценах 2022 г. В конце наблюдений высокий (свыше 100 тыс. руб.) средний уровень оплаты труда публичных служащих сохранили 10 регионов (кроме Петербурга и Хабаровского края).

В начальный период заработная плата публичных служащих существенно (более чем в два раза) превышала среднюю зарплату в экономике в шести регионах (Алтайский край, Республика Дагестан, Нижегородская, Волгоградская, Рязанская и Воронежская области), а к 2022 г. подобного разрыва не было уже ни в одном регионе. Напротив, оплата труда публичных служащих была ниже средней по экономике изначально только в Москве, но постепенно число таких регионов увеличивалось и достигло девяти (республики Якутия и Татарстан, города Москва и Санкт-Петербург, Забайкальский край, Томская, Ленинградская, Смоленская и Московская области), что указывает на снижение конкурентоспособности публичной службы на рынках труда, особенно в северных и высокоразвитых промышленных регионах.

Разрыв между регионами по уровню оплаты федеральных государственных служащих в 2007 г. составлял 5 раз, региональных и муниципальных по 7, столько же в средних зарплатах по экономике. К 2022 г. разрыв составлял 4, 9, 7 и 4 раза соответственно. Это свидетельствует о сокращении диспропорций по оплате между экономиками регионов и среди федеральных госслужащих, однако на муниципальных и региональных должностях разрыв сохраняется и усиливается, что, вероятно, провоцирует переток квалифицированных чиновников в регионы с более высокой оплатой и социальными гарантиями.

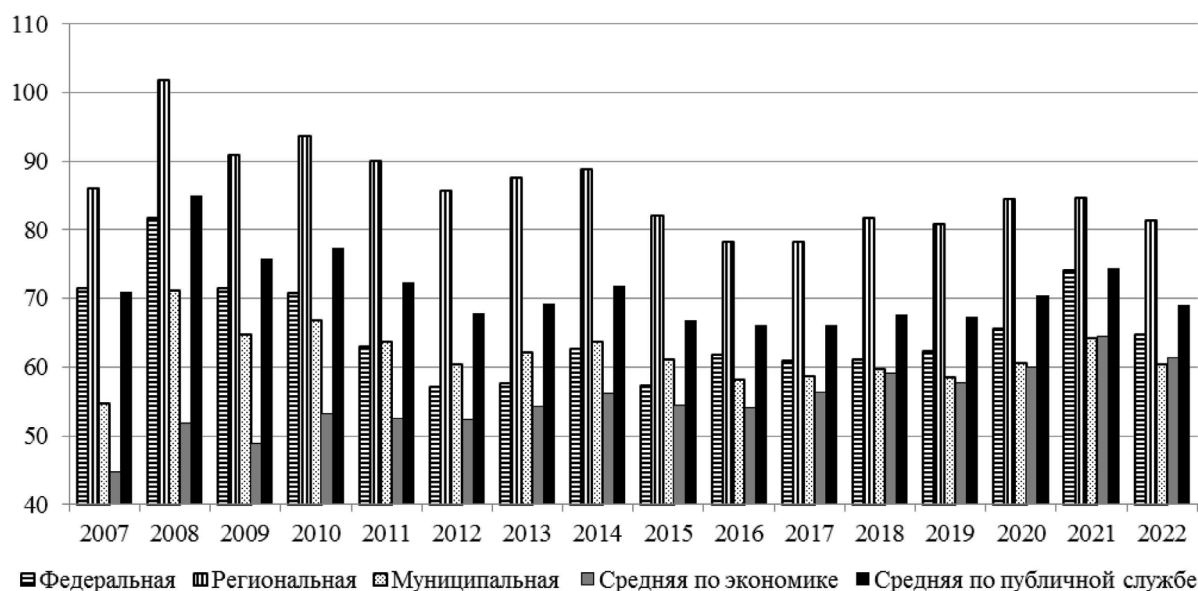

Рис. 1. Средняя заработная плата на государственной и муниципальной службе и в экономике, тыс. руб. в сопоставимых ценах

Источник: составлено автором.

Средняя заработная плата на публичной службе со временем сблизилась со средней зарплатой в экономике, как видно на рисунке 1. Первая снизилась в сопоставимых ценах с 84,9 тыс. руб. в 2009 г. до 68,9 тыс. руб. в 2022 г., а вторая росла в эти же годы с 51,9 до 61,3 тыс. руб.

Выше всего была и остается оплата труда чиновников субъектов РФ, но ее уровень постепенно снижается (101,8 тыс. руб. в 2008 г. и 81,5 тыс. руб. в 2022 г.); средняя оплата в муниципальных и федеральных органах меняется не столь существенно: в первом случае с 81,7 до 64,8 тыс. руб., во втором – с 71,2 до 60,5 тыс. руб.

Средний размер оплаты труда в экономике и на публичной службе изменялся циклически и в согласованной динамике. Зарботные платы государственных служащих субъектов РФ существенно выше среднего уровня по региону, а зарплаты федеральных и особенно муниципальных служащих близки к средним по экономике.

Во все периоды зарплаты публичных служащих были выше средней оплаты труда работников в экономике, однако в динамике заработная плата бюрократов растет медленнее, чем зарплаты работников в регионах.

Численность публичных служащих в 2008 г. превышала 20 тыс. чел. в 13 субъектах Федерации, включая Москву (51,9 тыс. чел. без центральных аппаратов федеральных ведомств), Московскую (42,3 тыс. чел.) и Тюменскую области (32,2 тыс. чел.). Минимальной была численность чиновников в Ненецком (918 чел.) и Чукотском (1671 чел.) автономных округах. Разрыв в численности федеральных служащих составлял 1664 раза, региональных – 785, муниципальных – 885, общей численности работников в экономике – 2088 раз. Из этого следует, что регионы более гомогенны по численности публичных служащих, чем по числу занятых.

К 2022 г. только в семи регионах совокупная численность публичных служащих превышала 20 тыс. чел., и во всех регионах она сократилась: в Московской области – в 2 раза, в Тюменской – на 19,7%, в Москве – на 5,9%. Наибольшую численность публичных служащих имеют столичные мегаполисы (Москва, Петербург и их области), густонаселенные регионы Юга (Краснодарский край, Ростовская область), промышленные регионы Урала (Свердловская и Тюменская области). Минимальная численность отмечена в Ненецком (650 чел.) и Чукотском автономных округах (1022 чел.), Еврейской автономной области (1660 чел.), Республике Алтай (1980 чел.). Разрыв по численности в федеральном звене составил 2833 раза, в региональном – 763, в муниципальном – 2832, в целом на рынке труда – 2301 раз.

Доля публичных служащих от всех занятых в экономике региона находилась в диапазоне от 1% до 3%. Исключение в 2008 г. составляли Республика Ингушетия (7%) и Чукотский автономный округ (4%). В разные годы республика Дагестан и Хакасия, Алтайский край, Иркутская и Магаданская области попадали в зону экстремума, но в 2022 г. во всех регионах показатель укладывался в средний диапазон. Это указывает на согласованность динамики численности публичных служащих с изменениями на рынке труда.

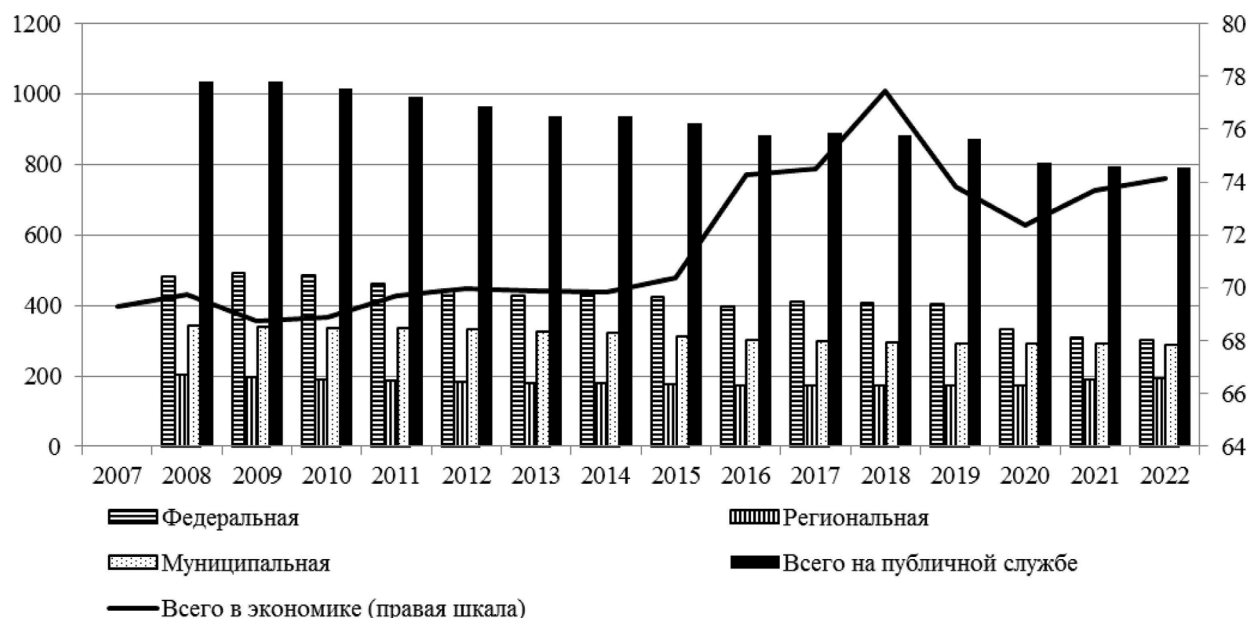

Рис. 2. Численность публичных служащих (тыс. чел.) и работников в экономике (млн чел.)
 Источник: составлено автором.

На региональном уровне больше всего федеральных государственных служащих (рис. 2), несколько меньше муниципальных и меньше всего – работников органов власти субъектов РФ.

Общая численность публичных служащих за 15 лет уменьшилась на 24% – с более 1 млн до менее 800 тыс. чел. Больше всего сокращению подверглись федеральные (на 38%) и муниципальные служащие (на 16%). К концу периода их численность сблизились и составила 304 и 290 тыс. чел. соответственно. Численность региональных чиновников сократилась к 2018 г. на 15%, но в последующий период снова выросла на 10% и вернулась к уровню 2000-х гг. – около 200 тыс. чел. в масштабах страны.

На этом фоне общая численность занятых в экономике имела тенденцию к росту – с 69,3 млн чел. в 2007 г. до 74,1 млн чел. в 2022 г. с пиковым значением в 2018 г. – 77,5 млн чел. Таким образом, численность публичных служащих снижается при росте числа занятых.

Укомплектованность должностей характеризует долю заполненных вакансий и служит прокси-переменной востребованности государственной и муниципальной службы на рынке труда. За все годы отмечено лишь несколько случаев стопроцентного заполнения вакансий, причем лишь на муниципальной службе и в таких регионах, как республики Тыва, Ингушетия и Чечня. Напротив, в Москве, Петербурге и регионах Дальнего Востока оставались не заполненными 20% и более вакансий на публичной службе. Наблюдается обратная зависимость между уровнем заработных плат и укомплектованностью должностей публичной службы.

Разрыв уровня укомплектованности между регионами в 2008 г. был 26% на федеральном уровне, 21% на региональном и 15% – на муниципальном, а в 2022 г. – 22%, 17% и 31% соответственно. Это свидетельствует об усилении диспропорций на местном уровне и об их снижении на федеральном и региональном.

Более высокая укомплектованность наблюдалась в органах местного самоуправления и в органах власти субъектов РФ, а самая низкая – в федеральных ведомствах (рис. 3), что может объясняться их большими штатами и сравнительно низкими зарплатами.

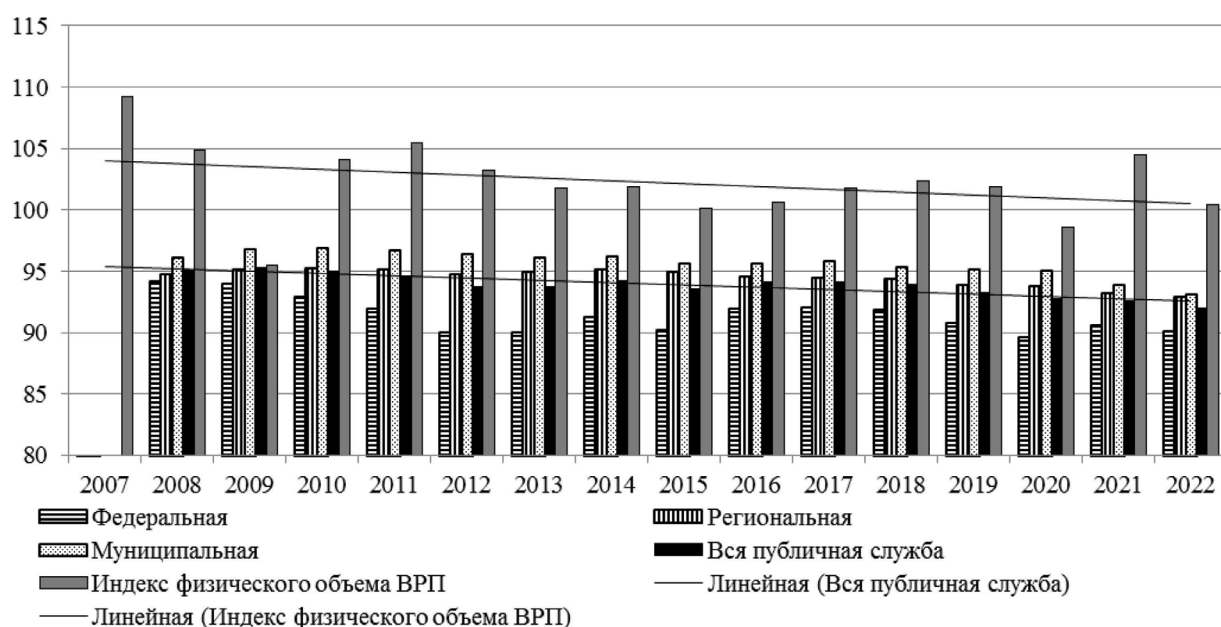

Рис. 3. Укомплектованность должностей публичных служащих и индекс ВРП, %
Источник: составлено автором.

В динамике отмечено снижение средней укомплектованности на всех трех уровнях: на федеральной гражданской службе – с 94,2% в 2008 г. до 90,1% в 2022 г., на службе субъектов Федерации – с 94,8% до 92,9%, на муниципальной службе – с 96,1% до 93,1%.

На том же графике для наглядности показана динамика индекса ВРП, так как этот показатель тоже выражен в процентах. Индекс был ниже 100% (то есть наблюдалось снижение ВРП) в два кризисных года – 2009 г. и 2020 г., а в два других тяжелых для экономики года – 2015 г. и 2022 г. – прирост ВРП колебался около нуля.

Выявлено совпадение динамики индекса ВРП и динамики укомплектованности, которое можно интерпретировать в том смысле, что снижение первого показателя (спад в экономике) в длительной перспективе ограничивает бюджетные возможности и делает публичную службу менее престижной на рынке труда (больше должностей остаются не замещенными).

На рисунке 4 показаны изменения основных анализируемых показателей.

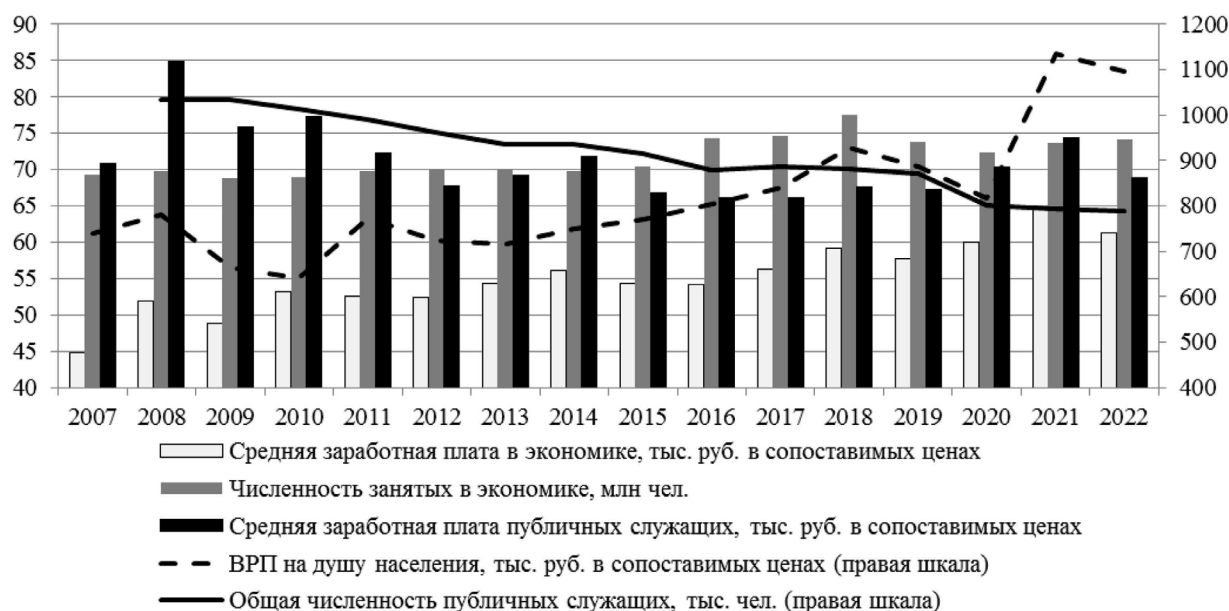

Рис. 4. Динамика отдельных показателей
Источник: составлено автором.

Тенденция к росту отмечена для среднедушевого ВРП, средней заработной платы и численности занятых в экономике, а снижение – для численности публичных служащих и их средней зарплаты. Налицо разнонаправленная динамика макропоказателей и показателей, характеризующих развитие публичной службы; эти тенденции нуждаются в проверке.

Регрессионный анализ

Расчет парных корреляций по Пирсону между всеми анализируемыми показателями (табл. 2) указывает на существование сильных (коэффициент $r > 0,7$) связей между показателями заработной платы, численности и укомплектованности на всех уровнях публичной службы. Поэтому во избежание автокорреляций мы будем использовать данные о заработной плате, численности и укомплектованности разных типов публичных служащих в отдельных моделях.

Таблица 2

Корреляционная матрица переменных

	GRPpc	GRPindex	SalaryF	SalaryR	SalaryM	Salary	EmployF	FilledF	EmployR	FilledR	EmployM	FilledM	Employ	SalaryPS	EmployPS	FilledPS
GRPpc	1															
GRPindex	0,02	1														
SalaryF	0,54 ***	0,01	1													
SalaryR	0,72 ***	0,01	0,78 ***	1												
SalaryM	0,78 ***	–0,02	0,79 ***	0,94 ***	1											
Salary	0,69 ***	–0,05 *	0,81 ***	0,85 ***	0,91 ***	1										
EmployF	–0,04	0,03	–0,04	0,13 ***	0,12 ***	0,18 ***	1									
FilledF	–0,39 ***	–0,01	–0,33 ***	–0,45 ***	–0,49 ***	–0,59 ***	–0,33 ***	1								
EmployR	0,09 ***	0,02	0,05*	0,19 ***	0,23 ***	0,33 ***	0,86 ***	–0,40 ***	1							
FilledR	0,01	–0,01	–0,14 ***	–0,02	–0,05 *	–0,14 ***	–0,05 *	0,27 ***	–0,05 *	1						
EmployM	–0,04	0,02	–0,10 *	0,07*	0,02	–0,03	0,60 ***	–0,09 ***	0,36 ***	0,01	1					
FilledM	–0,10 ***	–0,02	–0,25 ***	–0,15 ***	–0,21 ***	–0,32 ***	–0,07 **	0,52 ***	–0,16 ***	0,45 ***	0,11 ***	1				
Employ	0,04*	0,02	–0,02	0,15 ***	0,17 ***	0,27 ***	0,92 ***	–0,39 ***	0,92 ***	–0,07 **	0,46 ***	–0,13 ***	1			
SalaryPS	0,73 ***	0,00	0,87 ***	0,98 ***	0,98 ***	0,91 ***	0,09 ***	–0,45 ***	0,18 ***	–0,06 *	0,01	–0,20 ***	0,12 ***	1		
EmployPS	–0,00	0,02	–0,04	0,15 ***	0,13 ***	0,18 ***	0,96 ***	–0,32 ***	0,86 ***	–0,04	0,75 ***	–0,05 *	0,89 ***	0,11 ***	1	
FilledPS	–0,23 ***	–0,02	–0,32 ***	–0,29 ***	–0,34 ***	–0,48 ***	–0,21 ***	0,80 ***	–0,28 ***	0,69 ***	0,01	0,84 ***	–0,27 ***	–0,33 ***	–0,19 ***	1

Источник: составлено автором.

Примечание: * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,001$.

Кроме того, выявлены статистически значимые ($p < 0,001$) связи между среднедушевым ВРП и заработной платой. Численность занятых в экономике коррелирует с численностью публичных служащих. Эти связи умеренные, что не указывает на серьезную мультиколлинеарность. Проведение VIF-теста показало отсутствие мультиколлинеарности (среднее значение $VIF = 1,09$).

Уровневые показатели ($\ln SalaryPS$, $\ln EmployPS$, $\ln Salary$, $\ln Employ$) могут содержать единичный корень. Так как панель несбалансированная, то наиболее подходящим является тест Фишера (ADF), допускающий гетерогенность авторегрессионных параметров по панелям.

Результаты тестов (табл. 3) однозначно отвергают нулевую гипотезу о наличии единичного корня для всех ключевых переменных ($p < 0,000$). Это свидетельствует о том, что ряды являются стационарными в уровнях ($I(0)$).

Таблица 3

Результаты теста ADF

Переменная	Тест	Статистика	p-значение	Вывод
$\ln GRPpc2022$	Fisher-ADF (P)	674,2148	0,0000	Стационарен ($I(0)$)
$\ln Salary2022$	Fisher-ADF (P)	342,5437	0,0000	Стационарен ($I(0)$)
$\ln Employ$	Fisher-ADF (P)	163,8589	0,6591	Не стационарен ($I(1)$)
$\ln SalaryPC2022$	Fisher-ADF (P)	265,3543	0,0000	Стационарен ($I(0)$)
$\ln EmployPC$	Fisher-ADF (P)	385,5278	0,0000	Стационарен ($I(0)$)
$\ln VacanPC$	Fisher-ADF (P)	305,9902	0,0000	Стационарен ($I(0)$)
$\ln GRPindex$	Fisher-ADF (P)	1099,4749	0,0000	Стационарен ($I(0)$)

Источник: составлено автором.

Исключение составляет переменная «Численность занятых в экономике», которая не является стационарной и исключается из формируемых моделей. В этой связи:

- отсутствует риск «ложной регрессии» при оценке модели в уровнях;
- нет необходимости в переходе к первым разностям;
- тестирование на коинтеграцию не требуется, так как коинтеграция предполагает наличие нестационарных рядов ($I(1)$).

Среднедушевой ВРП рассчитывается с учетом численности населения, поэтому лучше подходит в качестве комплексной меры экономического роста, чем индекс физического объема ВРП. Хотя среднедушевой ВРП и индекс физического объема ВРП не коррелируют на значимом уровне (табл. 2), но представляют собой вариации одного показателя, поэтому переменная $\ln GRPindex$ не используется при построении эконометрической модели.

Тест Вальда показал наличие гетероскедастичности в данных, поэтому считаем модель с робастными стандартными ошибками, кластеризованными на уровне региона.

Строим регрессии (табл. 4), где логарифм среднедушевого ВРП – Y , а логарифмы заработной платы публичных служащих, численности и укомплектованности, а также заработной платы работников в отраслях – X .

Построены модели по четырем группам данных – по каждому из трех уровней публичной власти и одна обобщающая. Результаты моделирования близко соответствуют друг другу, но в моделях для региональных государственных служащих (модели 7–9) и для публичных служащих в целом (модели 1–3) коэффициенты при переменной заработной платы служащих имеют положительный знак и статистически значимы на уровне $p < 10\%$, а их 95%-ный доверительный интервал не содержит ноль внутри себя, что говорит о качестве модели.

Среди контрольных переменных наибольшей значимостью обладает средняя заработная плата работников в экономике, которая вносит существенный положительный вклад в независимую переменную.

Таблица 4

**Результаты оценивания регрессии логарифма среднедушевого ВРП
для трех спецификаций основной модели**

lnGRPpc	Все публичные служащие			lnGRPpc	Федеральные служащие		
	Модель 1: FE	Модель 2: RE	Модель 3: OLS		Модель 4: FE	Модель 5: RE	Модель 6: OLS
lnSalaryPS	0,193* (0,116)	0,559*** (0,106)	1,721*** (0,055)	lnSalaryF	–0,041 (0,236)	0,357* (0,174)	1,857*** (0,081)
lnSalary	0,632** (0,236)	1,011*** (0,214)	1,427*** (0,096)	lnSalary	0,684** (0,231)	1,110*** (0,198)	1,881*** (0,093)
lnEmployPS	–0,287* (0,131)	–0,033 (0,096)	–0,015 (0,557)	EmployF	–0,279 (0,194)	–0,053 (0,134)	0,008 (0,027)
lnFilledPS	0,641 (0,534)	0,040 (0,611)	–0,905* (0,557)	lnFilledF	–0,140 (0,474)	–0,748 (0,475)	–4,063*** (0,494)
Const	10,742*** (2,527)	6,958* (2,911)	–1,871 (2,736)	Const	16,666** (3,465)	12,953*** (3,131)	10,803*** (2,742)
Year	Да	Да	Да	Year	Да	Да	Да
FD	Да	Да	Да	FD	Да	Да	Да
N	1273	1273	1273	N	1273	1273	1273
R ² скорр	0,59	0,63	0,82	R ² скорр	0,58	0,57	0,74
Вальд (x ²)	–	1769,9	–	Вальд (x ²)	–	1631,58	–
F-тест	–	–	227,39***	F-тест	–	–	133,99***
Хаусман	–	0,000	–	Хаусман	–	0,000	–
Бройш-Паган	–	0,000	–	Бройш-Паган	–	0,000	–
lnGRPpc	Региональные служащие			lnGRPpc	Муниципальные служащие		
	Модель 7: FE	Модель 8: RE	Модель 9: OLS		Модель 10: FE	Модель 11: RE	Модель 12: OLS
lnSalaryR	0,122* (0,057)	0,249*** (0,597)	1,365*** (0,056)	lnSalaryM	0,099 (0,074)	0,409*** (0,077)	1,360*** (0,039)
lnSalary	0,605* (0,237)	0,994*** (0,180)	1,664*** (0,068)	lnSalary	0,668** (0,237)	1,029*** (0,194)	1,334*** (0,800)
lnEmployR	0,084* (0,043)	0,103* (0,045)	0,021 (0,023)	lnEmployM	–0,117* (0,498)	–0,065 (0,058)	0,015 (0,018)
lnFilledR	0,402*** (1,187)	0,343 (0,241)	–0,589* (0,361)	lnFilledM	0,489 (0,377)	0,271 (0,401)	0,746* (0,343)
Const	9,354* (2,377)	8,006*** (1,277)	0,102 (1,770)	Const	10,805*** (2,109)	7,878*** (2,155)	–5,400** (1,697)
Year	Да	Да	Да	Year	Да	Да	Да
FD	Да	Да	Да	FD	Да	Да	Да
N	1273	1273	1273	N	1273	1273	1273
R ² скорр	0,59	0,58	0,75	R ² скорр	0,59	0,62	0,83
Вальд (x ²)	–	1790,34	–	Вальд (x ²)	–	1828,85	–
F-тест	–	–	133,35***	F-тест	–	–	233,2
Хаусман	–	0,000	–	Хаусман	–	0,000	–
Бройш-Паган	–	0,000	–	Бройш-Паган	–	0,000	–

Источник: составлено автором.

Примечание: в скобках указаны стандартные кластеризованные робастные ошибки; расчеты выполнены автором в программном пакете Stata v.17.0.

Временные эффекты (Year) значимо отрицательны в начальные годы (2007–2009), а положительные – в последний период (2014–2022).

Тест Хаусмана показал, что p -значения $0,000 < 0,01$, то есть модель с фиксированными эффектами значимее модели со случайными эффектами. Тест Бройша-Пагана выявил, что p -значения $0,000 < 0,01$; это свидетельствует об адекватности модели со случайными эффектами. F -тест показал, что табличное значение в модели OLS $F_{\tau}(25,1247) = 1,49$ при $p = 0,01$, а расчетные значения составляют 227,39, 133,99, 133,35 и 233,20, соответственно; так как $F_p > F_{\tau}$, то выбирается модель с фиксированными эффектами, как и было теоретически предсказано.

Обсуждение

Конституционные нормы о единстве системы публичной власти в России пока не стимулировали комплексные исследования публичной (государственной и муниципальной) службы, что доказывается анализом публикаций в изданиях, входящих в ядро РИНЦ. Данная статья является одной из первых попыток оценить экономический эффект от бюрократии на региональном уровне, что является продолжением исследований с позиций «нового государственного управления». Рассмотрены элементы производственной функции бюрократии, ранее рассмотренные в работе П. Данливи (Dunleavy, 1991), такие как объем затраченного труда (мерой которого является численность занятых в управлении) и капитала (оцениваемого, в частности, по уровню бюджетных расходов, в первую очередь, на оплату труда работников аппарата).

Средний размер оплаты труда в экономике и на публичной службе изменяется циклически и в согласованной динамике, при этом заработная плата бюрократов в динамике растет медленнее, чем зарплаты работников в регионах, так что средняя заработная плата на публичной службе со временем сблизились со средней по экономике. Выше всего оплата труда у чиновников региональных органов власти, ниже – в федеральном и муниципальном звене. Это согласуется с данными, показывающими, что развитые страны больше средств расходуют на органы регионального и муниципального уровня (Clements et al., 2010). Неравенство между регионами по оплате труда сокращается как в целом, так и на уровне федеральных госслужащих, однако в муниципальных и особенно в субъектовых органах власти разрыв сохраняется и усиливается, что, вероятно, провоцирует переток квалифицированных кадров в регионы с более высокой оплатой. С 1% до 11% увеличилось число регионов, где публичные служащие имели зарплату ниже средней по экономике, при том, что в стране лишь менее половины работников с высшим образованием, тогда как среди публичных служащих доля работников с высшим образованием – почти 100%. Это указывает на постепенное снижение конкурентоспособности публичной службы на рынке труда, особенно в регионах с высокими зарплатами. Цены в 2007–2022 гг. выросли в среднем по стране в 2,64 раза, номинальная зарплата в экономике – в 4,8 раза, а реальная – на 53,4%. В свою очередь, средний уровень оплаты труда государственных служащих за этот период увеличился в номинальном выражении лишь на 69,8%. В 2009–2011, 2014–2017 и 2022 гг. оплата труда госслужащих не индексировалась, то есть в условиях кризисов и высокой инфляции она все больше отстает от динамики цен.

Доля публичных служащих в среднем не превышает 3% от числа занятых в экономике региона. Если в начальный период наблюдений в нескольких регионах доля публичных служащих была существенно выше средней (7% в Ингушетии в 2008 г.), то к 2022 г. во всех регионах показатель укладывался в средний диапазон, то есть регионы стали более гомогенны по численности публичных служащих. Это укладывается в отмечавшуюся ранее логику сближения кадровых практик на федеральной и региональной государственной службе и на муниципальной службе (Barabashev, Zaytseva, 2020). На региональном уровне больше всего федеральных государственных служащих, а меньше всего – работников органов власти субъектов Федерации. Общая численность публичных служащих за 15 лет уменьшилась на 24%, а федеральных – на 38%. В целом численность публичных служащих снижается на фоне роста численности занятых.

Укомплектованность должностей характеризует долю заполненных вакансий и служит прокси-переменной востребованности публичной службы на рынке труда. Динамика индекса физического объема ВРП соответствует изменениям уровня укомплектованности; это указывает на то, что спад в экономике в длительной перспективе ограничивает бюджетные возможности

и делает публичную службу менее престижной на рынке труда (больше должностей остаются не замещенными). В динамике отмечено снижение средней укомплектованности на всех трех уровнях публичной власти и обратная зависимость между уровнем заработной платы и укомплектованностью должностей. Более высокая укомплектованность наблюдалась в органах местного самоуправления и в органах власти субъектов РФ, а самая низкая – в федеральных ведомствах, что может объясняться их большими штатами и сравнительно низкими зарплатами.

Поскольку выборка включает все регионы за рассматриваемый период, индивидуальные эффекты не являются случайными, что делает модель с фиксированными эффектами теоретически оправданной. Статистические тесты подтвердили наибольшую адекватность модели с фиксированными эффектами. Тест Вальда на гетероскедастичность показал ее наличие в данных, поэтому мы считали модель с робастными стандартными ошибками, кластеризованными на уровне регионов.

Эмпирическое исследование подтвердило гипотезу об отрицательной связи между численностью публичных служащих и работников в экономике. Это соответствует международной тенденции, при которой повышение числа занятых в государственном секторе способствует вытеснению занятости в частном секторе, что ранее было описано в публикациях (Faggio, Overman, 2014; Behar, Mok, 2019).

Гипотеза о положительной взаимосвязи численности публичных служащих и ВРП, предложенная Р. Рэем с коллегами (Wray et al., 2019), не нашла подтверждения на российских данных. Это указывает на то, что увеличение доли занятых в органах публичной власти на региональном уровне способствует оттоку квалифицированных кадров из отраслей, вносящих вклад в ВРП.

Также не подтвердилось предположение о противоположной динамике численности и оплаты труда публичных служащих (Басовская, Басовский, 2026): оба параметра в 2007–2022 гг. снижались. Это может указывать на постепенное снижение престижности госслужбы, выражающееся в одновременном уменьшении как численности, так и уровня оплаты труда.

Не подтвердились ожидания, что уровень оплаты труда публичных служащих отрицательно связан с ВРП, как ранее писали А. Краай и К. Ван Риджегем (Kraay, Van Rijckeghem, 1995). Напротив, служащие, получающие конкурентоспособную заработную плату, активно участвуют в потреблении и накоплении, стимулируя экономический рост. Связь со средней заработной платой в экономике положительная, то есть зарплаты чиновников периодически индексируются вслед за ростом заработных плат в рыночном секторе.

Временные эффекты во всех моделях имеют отрицательные коэффициенты в начальные годы (2007–2009), а положительные – в последний период (2014–2022). Это означает, что со временем заработные платы публичных служащих приобрели положительную взаимосвязь с динамикой ВРП.

Пространственные эффекты во всех двенадцати моделях наиболее выражены для регионов Южного и Северо-Кавказского округов, в которых заработные платы публичных служащих отрицательно связаны с ВРП. Конкретные факторы данных взаимосвязей в перспективе заслуживают более подробного изучения.

С позиций «нового государственного управления» описанные тенденции означают, что российская бюрократия на региональном уровне является фактором экономического роста. Она производит со временем больше общественных благ (государственные и муниципальные услуги, контрольно-надзорная деятельность, управление имуществом, правоприменение и т.д.) и задействует при этом меньше факторов (численность, укомплектованность и заработная плата публичных служащих в сопоставимых ценах имели тенденцию к снижению).

Не зная количества функций, реализуемых публичными служащими, и бюджетных затрат на их содержание, мы, однако, можем предположить, что первые не снизились (так как объем задач государства в рассматриваемый период не уменьшился), а вторые сократились (так как объем финансирования органов власти увязан с их численностью и укомплектованностью). В этой связи можно предположить увеличение производительности бюрократии, которая на фоне повышения ключевого индикатора экономического роста – среднедушевого ВРП – приводит нас к выводу о некотором повышении эффективности, то есть результата на единицу затрат.

Ограниченность данных в настоящее время не может быть преодолена, так как с 2023 г. публикация новой статистики по государственной службе прекращена. Для минимизации этого недостатка исходные переменные логарифмированы. Логарифмирование, как известно, приближает перемен-

ные к нормальному распределению, облегчает интерпретацию переменных с мультипликативными эффектами и помогает стабилизировать дисперсию для решения проблемы гетероскедастичности.

Ключевая методологическая трудность, на которую неоднократно указывали исследователи, состоит в косвенном влиянии государства и его институтов на процессы в отраслях и в экономике в целом. Помимо государственной бюрократии, на динамику добавленной стоимости воздействует множество факторов. Видится два основных источника смещения оценок: (1) обратная причинность – устойчивый рост ВРП может стимулировать расширение бюджета органов публичной власти и, как следствие, рост заработной платы служащих; (2) пропущенные переменные (отраслевые шоки), коррелирующие одновременно с параметрами бюрократии и динамикой ВРП. В исходной спецификации мы контролировали неизменные во времени неучтенные факторы с помощью модели с фиксированными эффектами региона, федерального округа и года, что частично решает проблему эндогенности.

В перспективе экономический смысл будет иметь расширение модели путем включения в нее данных об образовании публичных служащих и работников в экономике, если подобные сведения удастся выявить для всех регионов и за достаточное число лет. В прошлых исследованиях интересные, хотя и неоднозначные результаты давала операционализация типа бюрократии (Evans, Rauch, 1999; Henderson et al., 2007; Kurtz, Schrank, 2007; Lee, Ki, 2017; Dahlström, Lapuente, 2017; Cornell et al., 2020; Oliveira et al., 2024). Такая задача может быть решена и для российских регионов, что позволит оценить влияние уровня меритократии на динамику ВРП. Это легче сделать для органов власти субъектов РФ (путем изучения регионального законодательства о государственной службе), но гораздо труднее для федеральных органов (которые подчиняются единым национальным кадровым стандартам) и органов местного самоуправления (ввиду их большого количества). Кроме того, целесообразно кластеризировать регионы по уровню социально-экономического развития и построить модели по кластерам, что, вероятно, повысит значимость коэффициентов регрессии. Результаты подобных исследований могут быть востребованы как экономистами-теоретиками, так и практиками государственного управления.

Заключение

В статье оценен экономический эффект от деятельности бюрократии на региональном уровне с учетом временной динамики.

Взаимосвязь заработной платы публичных служащих со среднедушевым ВРП оценена с помощью панельных регрессий. Более высокой статистической значимостью обладают модели для региональных государственных служащих и для публичных служащих в целом. Подтвердилась гипотеза о том, что уровень оплаты труда публичных служащих связан с динамикой ВРП на душу населения. Так как логарифмированы зависимая и независимые переменные, то коэффициенты регрессии интерпретируются как эластичности. Следовательно, в рамках рассмотренной модели с фиксированными эффектами каждый процент роста среднедушевого ВРП к уровню предыдущего года сопровождается повышением заработной платы всем категориям публичных служащих на 0,19% при прочих равных условиях.

Эти результаты основаны на оригинальных первичных данных, отражающих реальное положение в регионах России, и показывают развитие ситуации в динамике, в связи с чем могут использоваться для объяснения экономических и управленческих процессов. Проведенное исследование показывает в новом свете экономическую роль бюрократии.

Литература / References

- Абрамова С.Р., Сизоненко З.Л., Гизатуллина В.Г., Козлова С.В. (2025). Экономические аспекты бюрократии в государстве. *Дискуссия* (135), 28–33 [Abramova, S., Sizonenko, Z., Gizatullina, V., Kozlova, S. (2025). Economic aspects of bureaucracy in the state. *Diskussiya* (135), 28–33 (in Russian)]. DOI: 10.46320/2077-7639-2025-2-135-28-33
- Басовская Е.Н., Басовский Л.Е. (2026). О влиянии бюрократии на экономический рост в современной России. *НИР. Экономика* 14(1), 4–7 [Basovskaya, E., Basovsky, L. (2026). On the

- influence of bureaucracy on economic growth in modern Russia. *NIR. Ekonomika* **14**(1), 4–7 (in Russian)]. DOI: 10.12737/2587-9111-2026-14-1-4-7
- Винокуров Е.Ф. (2021). Динамика заработной платы и экономический рост: российские реалии. *Экономическая наука в современной России* (4), 68–77 [Vinokurov, E. (2021). Wage dynamics and economic growth: Russian realities. *Ekonomicheskaya nauka v sovremennoy Rossii* (4), 68–77 (in Russian)]. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-68-77
- Algan, Y., Cahuc, P., Zylberberg, A. (2002). Public employment and labour market performance. *Economic Policy* **17**(3), 7–66.
- Andreotti, A., Coletto, D., Rio, A. (2024). Street-level bureaucrats' discretion between individual and institutional factors: The analysis of the minimum income policy implementation in two Italian regions. *Social policy & Administration* **58**(3), 368–384. DOI: 10.1111/spol.12964
- Aneja, A., Xu, G. (2024). Strengthening state capacity: Civil service reform and public sector performance during the gilded age. *American Economic Review* **114**(8), 2352–2387. DOI: 10.1257/aer.20230019
- Anzia, S., Trounstein, J. (2025). Civil service adoption in America: The political influence of city employees. *American Political Science Review* **119**(2), 549–565. DOI: 10.1017/S0003055424000431
- Baerlocher, D. (2022). Public employment and economic growth. *Economic Theory* **73**(1), 211–236. DOI: 10.1007/s00199-020-01333-6
- Barabashev, A., Zaytseva, T. (2020). The innovative HR practices of regional administrations: Is it a new round of civil service reform in Russia? *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy* **13**(2), 229–248. DOI: 10.2478/nispa-2020-0023
- Besley, T., Burgess, R., Khan, A., Xu, G. (2022). Bureaucracy and development. *Annual Review of Economics* **14**(1), 397–424. DOI: 10.3386/w29163
- Behar, A., Mok, J. (2019). Does public-sector employment fully crowd out private-sector employment? *Review of Development Economics* **23**(4), 1891–1925. DOI: 10.5089/9781484329412.001
- Brown, D., Earle, J., Gehlbach, S. (2009). Helping hand or grabbing hand? State bureaucracy and privatization effectiveness. *American Political Science Review* **103**(2), 264–83. DOI: 10.1017/S0003055409090182
- Clements, B., Gupta, S., Karpowicz, I., Tareq, S. (2010). *Evaluating government employment and compensation* (vol. 10). Washington (DC): International Monetary Fund.
- Cornell, A., Knutsen, C., Teorell, J. (2020). Bureaucracy and Growth. *Comparative Political Studies* **53**(14), 2246–2282. DOI: 10.1177/0010414020912262
- Dunleavy, P. (1991). *Democracy, Bureaucracy and Public Choice (Economic Approaches in Political Science)*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315835228
- Dahlström, C., Lapuente, V. (2017). *Organizing Leviathan: Politicians, Bureaucrats and the Making of Good Government*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781316822869
- Evans, P., Rauch, J. (1999). Bureaucracy and growth: A cross-national analysis of the effects of “Weberian” state structures on economic growth. *American Sociological Review* **64**(5), 748–765. DOI: 10.1177/000312249906400508
- Faggio, G., Overman, H. (2014). The effect of public sector employment on local labor markets. *Journal of urban economics* (79), 91–107. DOI: 10.1016/j.jue.2013.05.002
- Fernández, J., García, J., Fuentes, A. (2019). Public sector bureaucracies and economic growth. *Revista de economía mundial* (51), 121–138. DOI: 10.33776/rem.v0i51.3906
- Henderson, J., Hulme, D., Jalilian, H., Phillips, R. (2007). Bureaucratic Effects: ‘Weberian’ State Agencies and Poverty Reduction. *Sociology*, **41**(3), 515–532. DOI: 10.1177/0038038507076620
- Kraay, A., Van Rijckeghem, C. (1995). *Employment and wages in the public sector: A cross-country study*. Working Paper 95/70. Washington (DC): International Monetary Fund. DOI: 10.5089/9781451849110.001

- Kurtz, M., Schrank, A. (2007). Growth and governance: Models, measures, and mechanisms. *The Journal of Politics* **69**(2), 538–554. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00549.x
- Lee, Y., Ki, H. (2017). *Bureaucracy and Growth: Revisiting Evans' Effect of Weberian Bureaucracy on Economic Growth*. Yonsei University.
- Libman, A. (2012). Democracy, size of bureaucracy, and economic growth: Evidence from Russian regions. *Empirical Economics* **43**(3), 1321–1352. DOI: 10.2139/ssrn.1576442
- Moreira, D., Pérez, S. (2024). Civil service exams and organizational performance: Evidence from the Pendleton Act. *American Economic Journal: Applied Economics* **16**(3), 250–291. DOI: 10.1257/app.20220284
- Niskanen, W. (1996). *Bureaucracy and Public Economics*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Nwaubani, J., Zelka, M., Tsianta, A. (2020). A model for comparing government expenditure on civil servants-gross wages and salaries in the EU24. *European Journal of Business and Management Research* **5**(1), 1–15. DOI: 10.24018/ejbmr.2020.5.1.147
- Oliveira, E., Abner, G., Lee, S., Suzuki, R. (2024). What does the evidence tell us about merit principles and government performance? *Public Administration* **102**(2), 668–690. DOI: 10.1111/padm.12945
- Reuter, O., Turovsky, R. (2021). Vote mobilization, economic performance and gubernatorial appointments in Russia. *Russian Politics* **7**(2), 183–209. DOI: 10.30965/24518921-00604017
- Rochlitz, M., Kulpina, V., Remington, T., Yakovlev, A. (2015). Performance incentives and economic growth: Regional officials in Russia and China. *Eurasian Geography and Economics* **56**(4), 421–445. DOI: 10.1080/15387216.2015.1089411
- Schiavo-Campo, S., de Tommaso, G., Mukherjee, A. (1998). Government employment and pay: The global and regional evidence. *Public Administration and Development: The International Journal of Management Research and Practice* **18**(5), 457–478.
- Somani, R. (2021). *Public-sector productivity*. Part 1. Why is it important and how can we measure it? Washington (DC): World Bank.
- Sorensen, E., Torfing, J. (2024). The ideational robustness of bureaucracy. *Policy and Society* **43**(2), 141–158. DOI: 10.1093/polsoc/puae015
- Ungureanu, M., Iancu, D. (2012). The economic analysis of bureaucracy and government growth. *Theoretical & Applied Economics* **19**(11), 59–74.
- Van Ark, B. (2022). *Making Public Sector Productivity Practical*. Manchester: Business School University of Manchester.
- Wray, L., Dantas, F., Fullwiler, S., Tcherneva, P., Kelton, S. (2019). Guaranteed jobs through a public service employment programme for the United States. In: *A Modern Guide to State Intervention* (pp. 253–275). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. DOI: 10.4337/9781789905083.00023

Обеспечение технологического суверенитета: нормативный и экспертный дискурс

Бузулукова Екатерина Валерьевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: buzulukovaev@yandex.ru

Капогузов Евгений Алексеевич

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: egenk@mail.ru

Шерешева Марина Юрьевна

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: msheresheva@mail.ru

Цитирование: Бузулукова Е.В., Капогузов Е.А., Шерешева М.Ю. (2026). Обеспечение технологического суверенитета: нормативный и экспертный дискурс. *Terra Economicus* 24(3), 123–141. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-123-141

В статье рассматривается специфика существующего в России дискурса вокруг технологического суверенитета (ТС), как официально-нормативного (на основе высказываний членов Правительства РФ, ответственных за реализацию политики обеспечения ТС), так и экспертного. На основе экспертных интервью выделены ключевые нарративы, описывающие сущность ТС и механизмы его обеспечения, в частности систематизированы инструменты достижения ТС с точки зрения государства и оценена их эффективность с точки зрения экспертов. Показан разрыв в цепочке «институты поддержки – наука – промышленность». Проведен сравнительный анализ позиций членов российского правительства, академических и бизнес-экспертов относительно инструментов и механизмов обеспечения ТС, существующих проблем и возможностей кооперации со странами БРИКС. Семантический анализ позволил, с одной стороны, раскрыть позицию экспертов в отношении дилеммы обеспечения ТС «автаркия vs кооперация», с другой стороны, выявить ключевые проблемы: разрыв между наукой и промышленностью, недостаточную продуманность стратегии обеспечения ТС, недостаток доверия между бизнесом, наукой и государством, краткосрочную ориентацию бизнеса, затрудняющую реализацию сложных и рискованных инновационных инструментов. Результаты исследования могут позволить в дальнейшем выработать рекомендации по совершенствованию политики обеспечения ТС.

Ключевые слова: технологический суверенитет; страны БРИКС; научно-технологическое развитие; институциональный анализ; дискурс-анализ

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00075, <https://rscf.ru/project/25-18-00075/>

Ensuring technological sovereignty: Normative and expert discourse

Ekaterina V. Buzulukova

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: buzulukovaev@yandex.ru

Evgeny A. Kapoguzov

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: egenk@mail.ru

Marina Yu. Sheresheva

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: msheresheva@mail.ru

Citation: Buzulukova E.V., Kapoguzov E.A., Sheresheva M.Yu. (2026). Ensuring technological sovereignty: Normative and expert discourse. *Terra Economicus* 24(3), 123–141 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-3-123-141

The paper examines the specifics of the discourse on technological sovereignty (TS) in Russia, both officially normative (based on statements by members of the Government of the Russian Federation responsible for implementing related policies) and expert. Based on expert interviews, the key narratives of the essence of the TS and the mechanisms for ensuring it are identified, in particular, the tools for TS achieving from the point of view of the state are systematized and their effectiveness is assessed from the experts' point of view. The gap in the chain of support institutions – science – industry is shown. The method is a comparative analysis of the positions of members of the Russian government, academic and business experts regarding the tools and mechanisms for ensuring TS, and existing problems and opportunities for cooperation with the BRICS countries. Based on semantic analysis, we revealed the position of experts regarding the dilemma of “the autarky vs cooperation”. Key problems identified are: the gap between science and industry, insufficient thoughtfulness of the TS support strategy, lack of trust between business, science and the state, the short-term orientation of business, and the resulting impossibility to implement complex and risky projects. The results of the study may help in developing further recommendations for improving the TS ensuring policy.

Keywords: technological sovereignty; BRICS countries; scientific and technological development; institutional analysis; discourse analysis

JEL codes: F15, F52, O38

Введение: технологический суверенитет как «вирусный нарратив»?

В условиях обострения геополитических противоречий после февраля 2022 г. обеспечение технологического суверенитета (далее ТС) России перешло от публичной риторики к стадиям имплементации (Юревич, 2023; Дежина, 2023). Эта задача стала обозначаться как ключевая цель научно-технологического развития, что в явном виде прослеживается в нормативных документах Российской Федерации, а также в резко обострившемся интересе к данной тематике со стороны российских исследователей. В частности, в Журнале новой экономической ассоциации, в разделе, посвященном более широкому понятию «экономический суверенитет», ведущие российские исследователи поднимают ряд вопросов (Афонцев, 2024; Ленчук, 2024). В академической среде в значительной степени исследованием вопросов обеспечения ТС в ведущих англоязычных журналах занимаются, главным образом, российские и европейские исследователи,

среди европейских можно отметить, в частности, публикации немецких авторов Якоба Эдлера и соавторов, а также Кристофа Марча и Ины Шифердекер (Edler et al., 2023; March, Schieferdecker, 2023). При этом наблюдается параллельность российского и европейского дискурса, когда схожие проблемы обсуждаются без обращения к опыту друг друга (Капогузов, Пахалов, 2024).

В трактовке самого термина «технологический суверенитет», содержательного дискурса о нем и его нормативной интерпретации существуют значительные расхождения, объясняемые как спецификой дискурса¹, так и различными дискретными институциональными альтернативами достижения ТС. Не менее важна и позиция политико-экономических субъектов, задействованных в реализации ТС на различных стадиях: от риторики (дискурса о необходимости и содержании политики научно-технологического развития и соответствующего инструментария ее обеспечения) до принятия нормативных актов, сопровождающих последующий процесс реализации.

В этой связи одним из элементов теоретического фундамента настоящего исследования является идеационный подход, подчеркивающий значимость риторики при взаимодействии представителей академической сферы и бизнеса (McCloskey, 1983; Duerringer, 2018) в том числе для конструирования новой реальности и легитимации институциональных инноваций. Влияние риторики политиков на предпочтения экономических агентов хорошо известны прежде всего на примере реформ государственного управления в англосаксонских странах (рейганомика, тэтчеризм), направленных на преобразования с целью повышения эффективности государственных организаций, их адаптивности и способности к инновациям. В качестве примера можно привести исследование М. Глинна, (Glynn, 2024), в котором показано, как в 1980–1990-е гг. в рамках институциональной трансформации государственного управления в США под лозунгом *Reinventing government* (Osborne, Gaebler, 1992) риторика, ассоциированная с рыночной логикой, использовалась для трансформации государства. Однако, вопреки ожиданиям, полной замены государственной логики на рыночную не произошло; вместо этого возникла гибридная система, в которой слои нового содержания были добавлены к старой институциональной форме. Схожая во многом ситуация связана с китайской версией становления рыночных институтов. В исследовании китайской реформы, проведенном Ли, Грином и Хиршем (Li et al., 2018), показано, что риторические стратегии позволяют разрешать легитимационные парадоксы через концепцию «риторических жанров» (*rhetorical genres*). Авторы показали, что создание специфических нарративов и аргументационных стратегий позволило совместить несовместимые идеологии и утвердить институциональную инновацию, не отказываясь от старых оснований власти.

Хотя значение публичного дискурса и риторики в экономической науке в последние годы возрастает, очевидно, что цели (верифицируемые через публичные высказывания) идеологов, институциональных проектантов и непосредственных исполнителей могут существенно различаться. Как отмечают С.Н. Левин и К.С. Саблин (2024: 38), «анализ политико-экономического взаимодействия как процесса предполагает выявление континуума способов согласования их (экономических субъектов. – Прим. авторов) интересов, позволяющих реализовать не только частные функции полезности, но и общественно значимые цели». Также очевидно, что во многом взаимодействие с адресатами со стороны публичных политиков носят ритуально-символический характер, и расхождения между политическим и экспертным сообществом ранее обсуждались Дж. Хелмке и С. Левицки (Helmke, Levitsky, 2004).

В этом смысле существующие в России формальные институты, в которых закладываются механизмы принуждения и поддержки реализации способов достижения ТС, также эволюционируют. При этом наблюдается разное понимание смысла ТС, а также инструментов и механизмов его обеспечения. В принятой 20 мая 2023 г. «Концепции технологического развития на период до 2030 года» (далее – Концепция) упоминается, что ТС России обеспечивается «в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами»². Это совпадает с позицией ряда академических экспертов (Дементьев, 2024; Гареев, 2023), подчеркивающих важность взаимодействия с «дружественными странами», к которым в первую очередь относятся страны БРИКС. Стоит отметить, что, несмотря на звучащие из уст политиков заявления о широких возможностях для научно-технического сотрудничества стран БРИКС, до настоящего момента проведено

¹ Дискурс является в данном случае не авторитетным (Юрчак, 2014; Мельник, Ананьин, 2023), базирующимся на официальной идеологии, а в основном интерпретативным в связи с некоей аморфностью, а точнее атеоретичностью (Афонцев, 2024) категории «технологический (экономический) суверенитет».

² Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 10.09.2026).

сравнительно немного исследований (Sokolov et al., 2019; Sattiraju, Janodia, 2024), оценивающих фактический уровень данного сотрудничества и предпосылки его развития.

Применительно к ТС в значительной степени надо различать возможность создания ключевых технологий. Это предполагает как наличие в стране научно-исследовательского потенциала мирового уровня, так и применение технологий в высокотехнологичной промышленности и наличие высококвалифицированных инженеров и рабочих, обладающих должными компетенциями. Ключевыми альтернативами в этом смысле при создании высокотехнологичных продуктов могут быть: 1) полная автаркия, включающая целостный цикл: от фундаментальных научных разработок в сфере создания технологий до конечных изделий, имеющих применение исключительно в национальной экономике; 2) включение в один из этапов в глобальной цепочке создания стоимости в рамках международной кооперации. В реальности первый путь в современной экономике невозможен по всем ключевым технологиям, а второй – в существенной степени затруднен в силу технологического эмбарго со стороны целого ряда ведущих в технологическом отношении стран мира.

В данном контексте основной целью статьи является рассмотрение официального и академического дискурса относительно значения и инструментов обеспечения ТС. Поскольку рассмотрение предметного поля академического дискурса и выявление исследовательских вопросов в рамках нарративного анализа было предметом других публикаций авторов (Капогузов, Шерешева, 2024; Капогузов, Пахалов, 2024), акцент будет сделан на эмпирической части, касающейся позиций представителей государства, отраженной в публичных выступлениях, а также анализе позиции академического и бизнес-сообщества.

Официальный дискурс: ключевые нарративы федеральных политиков

Проблематика ТС активно присутствует в официальном дискурсе как на уровне федерального правительства и профильных министерств (Минпромторга, Минобрнауки), так и региональных органов исполнительной власти. Обсуждение вопросов ТС особенно активизировалось в 2024 г. в связи с созданием в 20 пилотных регионах РФ специализированного органа, ответственного за реализацию научно-технологической политики в регионе. В целом только на официальном канале Правительства РФ на платформе *Telegram* сочетание «технологический суверенитет» за период с декабря 2021 г. по январь 2026 г. упоминалось 676 раз (рис. 1)³.

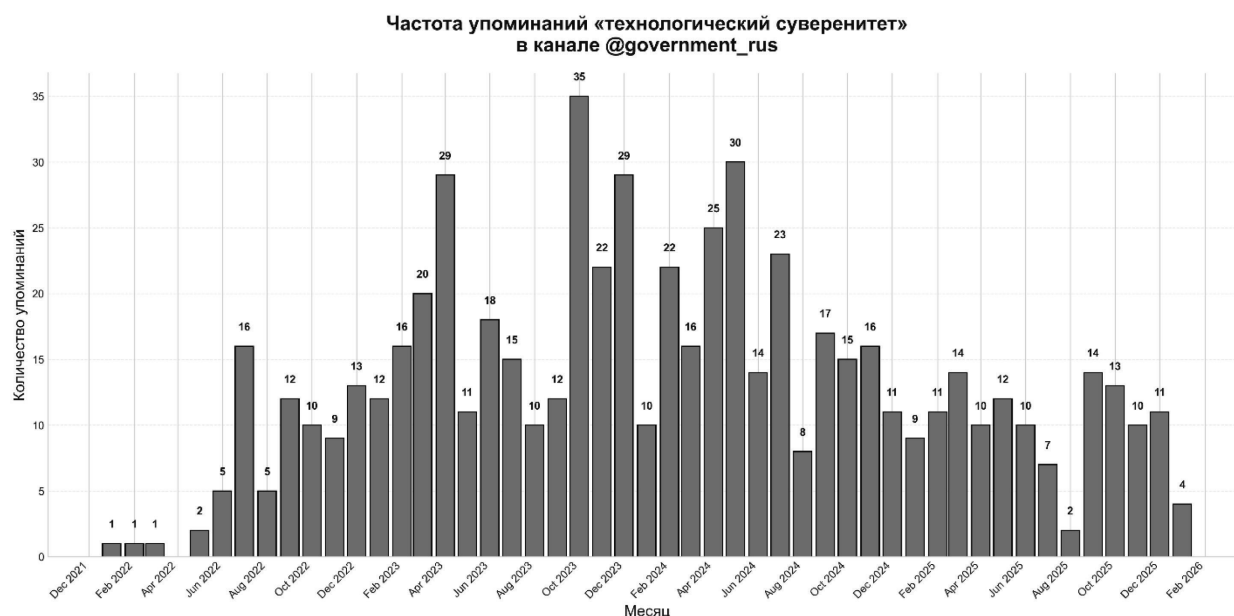

Рис. 1. Частота упоминаний термина «технологический суверенитет» на официальном *Telegram*-канале Правительства РФ

Источник: построено авторами по состоянию на 1 февраля 2026 г.

³ Для анализа динамики употребления заданной фразы в сообщениях *Telegram*-канала был разработан скрипт на языке *Python* (подробнее и исходный код см. в Приложении 1).

При этом пик активности упоминаний термина приходится на октябрь 2023 г., что может быть связано с разработкой обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации и серией мероприятий, посвященных реализации политики в 2022–2023 гг.

Для анализа понимания ТС политическими деятелями нами были собраны их интервью и высказывания (список и функционал членов Правительства РФ приведены в табл. 1 в Приложении 2).

Первый аспект, который мы рассмотрели в рамках настоящего исследования, – понимание ТС членами Правительства (табл. 2 Приложения 2).

На основе высказываний мы можем выделить три уровня обеспечения ТС: макроэкономический (государственная политика, создание стимулов для экономических агентов); отраслевой (на уровне корпораций Роскосмос, Росатом и др.); кадрово-образовательный (создание кадров, способных обеспечить ТС).

Если обобщить высказывания, то можно увидеть, что ТС является важнейшим аспектом развития российской экономики и рассматривается как способность страны самостоятельно обеспечивать свои критические потребности в технологиях, что является основой национальной безопасности.

Если рассматривать такой аспект, как возможность достижения ТС через сотрудничество с мировыми экономиками или автаркию, то позиции чиновников различаются. Например, Д.Н. Чернышенко отмечает: «Когда мы говорим про суверенность, мы не исключаем себя из международных цепочек поставок, просто надо уйти от критической зависимости тех технологий, которые нам важны для того, чтобы экономическую безопасность обеспечить по всем направлениям»⁴ (РБК, 2022). В свою очередь, Д.Н. Мантуров придерживается более «автаркичного» подхода: «В интересах наших производителей нужно консолидировать спрос, постепенно вытесняя импортную технику и оборудование» (Мантуров (6), 2022). В большинстве своих выступлений он выделяет роль государства как регулятора и «верховного арбитра», «инструмента контроля», который защищает отечественного производителя.

Нами были проанализированы высказывания с точки зрения способов достижения ТС в пользу кооперации или автаркии. Результаты можно увидеть в табл. 3 в Приложении 2. В таблице видно, что политические деятели не полагаются полностью на один подход: кооперацию или автократию, большинство высказываний содержит аргументы в пользу как одного, так и другого подхода.

Далее были рассмотрены основные инструменты достижения ТС, а также их плюсы и минусы глазами госслужащих (табл. 4 в Приложении 2). Из таблицы видно, что набор средств обеспечения ТС достаточно широк, некоторые из них реально помогают бизнесу, но реализация ряда из них может привести к нежелательным последствиям.

Высказывания о роли стран БРИКС для обеспечения ТС приведены в табл. 5 в Приложении 2. Как следует из данных высказываний, БРИКС рассматривается как стратегическая платформа для распространения российских технологических решений и ухода от зависимости от западных стран, а также как площадка для обмена технологиями и обучения кадров.

Академический и бизнес-дискурс о ТС: восприятие экспертами

Исследовательской группой экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова с апреля по сентябрь 2024 г. было проведено 25 интервью с представителями органов государственной власти, деловых кругов, общественных организаций, представителями вузов, академических институтов и иных научных организаций, заинтересованных в развитии ТС России. Для целей анализа в данной статье будут использованы материалы интервью с 20 экспертами, давшими максимально полные ответы применительно к исследовательским вопросам данной публикации⁵. Вопросы интервью были следующие: 1) понимание ТС и условий его достижения; 2) виды инструментов обеспечения ТС и их оценка.

Проанализируем ответы респондентов на вопрос.

Анализ высказываний экспертов показал, что ТС понимается ими по-разному: одними – как возможность достижения автаркии и независимости от других стран, другими – как возможность использования глобальной кооперации для достижения технологического лидерства.

⁴ Здесь и далее выдержки (фрагменты) интервью приведены по высказываниям в источниках, приведенным в Приложении 2.

⁵ Полный анализ всего спектра мнений, гайды и исследовательские вопросы представлены в статье Е.А. Капогузова с коллегами (2024).

Результаты контент-анализа ответов можно обобщить в табл. 1.

Таблица 1

**Результаты контент-анализа ответов респондентов на вопрос
о понимании ТС и условиях его достижения**

Содержание вопроса	Суть высказываний	Частота упоминания
Определение ТС	Независимость / автономия	7
	Способность разрабатывать инновации и самостоятельно производить	6
	Обеспечение контроля и безопасности	4
Условия достижения	Наличие компетенций и кадров	4
	Международная кооперация	6
	Господдержка и госпрограммы	3

Источник: составлено авторами.

Далее нами был проведен семантический анализ текста, включая: выявление ключевых терминов (узлов); определение того, какие термины встречаются в одном контексте – связи (ребра); и определение центральных понятий, которые имеют больше всего связей.

Полученные результаты можно увидеть на рис. 2.

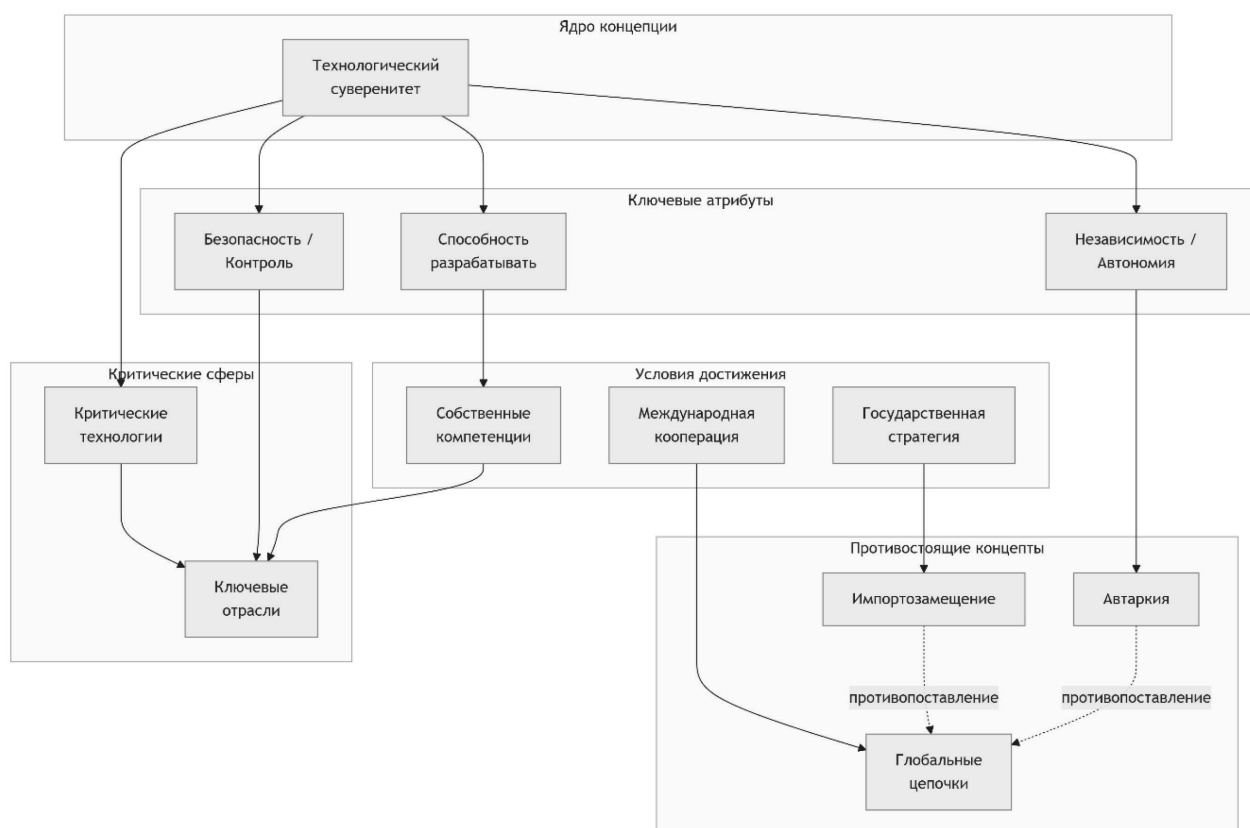

Рис. 2. Результаты семантического анализа ответов экспертов на вопрос:
«Как Вы понимаете ТС и какие условия его достижения Вы можете назвать?»

Источник: составлено авторами.

Центральным звеном является понятие ТС. Смысловое ядро атрибутов ТС образует триада: независимость – способность – безопасность. На схеме можно увидеть противопоставление двух путей достижения ТС: 1) через собственные компетенции; 2) через международную кооперацию и встраивание в глобальные цепочки.

Дерево семантических связей показывает, что концепция ТС в ответах экспертов биполярна. С одной стороны, понимание ТС как безопасности: Независимость -> Собственные компетенции -> Критические отрасли -> Автаркия. С другой стороны, ТС как развитие и кооперация: Способность разрабатывать -> Международная кооперация -> Глобальные цепочки.

Результаты частотного распределения ответов экспертов той или иной группы можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2

Результаты частотного анализа двух групп ответов экспертов

Группа	Количество экспертов	Доля	Основная логика
Суверенитет через кооперацию	11	55%	Полная автаркия невозможна и неэффективна. Сила – в способности встраиваться в мировые цепочки на выгодных условиях, иметь технологии для обмена
Суверенитет как автаркия	6	30%	Необходимо иметь «все свое» в критических сферах, чтобы никто не мог «вмешаться» или «ограничить». Ключ – независимость
Смешанная / нейтральная позиция	3	15%	Признают необходимость кооперации, но делают сильный акцент на независимости и критических технологиях, не попадая четко в одну из групп

Источник: составлено авторами.

Характерные цитаты представителей двух групп экспертов:

Группа 1. Суверенитет как кооперация (11 экспертов):

- «Технологический суверенитет – это не про автаркию, а про встраивание в глобальные цепочки создания стоимости»;
- «Что нужно России как минимум – встроенность во взаимовыгодную международную кооперацию»;
- «Ни одна страна мира не может создать сама по себе, мы должны этот механизм межгосударственного сотрудничества задействовать»;
- «Важно и формирование обменного фонда, чтобы взаимодействовать, к примеру, со странами БРИКС»;
- «Выход только один – стратегическое партнерство БРИКС».

Группа 2. ТС как автаркия (6 экспертов):

- «Технологический суверенитет – это способность решать внутренние проблемы внутренними силами, собственными ресурсами»;
- «...когда мы можем производить сами, не завися от прав и обладателей технологий за рубежом»;
- «Технологический суверенитет позволяет государству контролировать свое технологическое развитие и обеспечивать свою экономическую и национальную безопасность».

В целом 55% экспертов видят будущее технологического развития России в кооперации и встраивании в глобальные цепочки, только 30% выступают за курс на максимальную самодостаточность и автаркию. Основную задачу они видят в том, чтобы создать такие условия, которые позволили бы России стать равноправным и востребованным партнером, например, в рамках БРИКС+.

Если сопоставить ответы респондентов с их группой (академики, промышленники, госорганы, общественные организации), то можно увидеть следующее распределение (табл. 3).

На основе табл. 2 и 3 можно сделать выводы о том, что академическая группа экспертов (9/12) выступает за модель «Кооперации», они считают, что технологическое развитие в современном мире возможно только через взаимодействие и обмен технологиями, а изоляция ведет к отставанию. Группа «Представители бизнеса и промышленности» распределилась между

двумя полюсами понимания ТС поровну: два за кооперацию, два за автаркию, один смешанный. Возможно, каждая группа представителей бизнеса имеет свой опыт в зависимости от отрасли, в которой они работают. Кто-то столкнулся с разрывом цепочек и необходимостью поиска локальных поставщиков – видят достижение ТС в независимости и выживании, а другая группа осталась встроенной в глобальные цепочки и выступает за технологическое партнерство. Но эта гипотеза требует проверки, поскольку выборка в настоящий момент крайне мала. Единственный эксперт – представитель госорганов – занимает позицию автаркии, подчеркивая важность обеспечения импортонезависимости и безопасности. Немногочисленные представители общественности показали склонность к кооперации.

Таблица 3

Количественное распределение экспертов по группам

Группа эксперта	Автаркия	Кооперация	Смешанная	Всего
Академическая	3	9	0	12
Представители бизнеса и промышленности	2	2	1	5
Госорганы	1	0	0	1
Общественность	0	1	1	2
Всего	6	12	2	20

Источник: составлено авторами.

Проанализируем ответы на второй вопрос: «Какие инструменты обеспечения ТС России Вам знакомы? Как Вы их оцениваете?». Следует отметить, что здесь будут проанализированы ответы 19 экспертов, поскольку один из экспертов ответил: «Не знаком с инструментами».

С помощью контент-анализа в табл. 4 мы обобщили инструменты обеспечения ТС. Как видно из таблицы, чаще всего упоминаются такие инструменты: гранты и конкурсное финансирование, институты развития и госпрограммы, прямая господдержка и льготы, инфраструктура и центры, законодательные инструменты. Большинство упомянутых инструментов работает на первом этапе – разработке инноваций. Очень много критики этих инструментов связано с тем, что нет системного подхода и возможности перехода инноваций на производственную стадию, поскольку имеется несогласование как позиций отдельных министерств, так и программ поддержки. Инновации разрабатываются, но не внедряются. Позитивными тенденциями эксперты считают: успехи в отдельных отраслях (атомной энергетике, фармацевтике, частично в ИТ); льготные кредиты и СПИКи (стимулирование промышленных инвестиций и конкурентоспособности) признаются полезными инструментами для бизнеса; санкции сыграли положительную роль, принуждая компании разрабатывать инновации, плюс на рынке появились свободные ниши для этого.

Далее мы сфокусировались на сводном анализе проблем и препятствий, связанных с обеспечением ТС, по мнению опрошенных экспертов (табл. 5). Основными проблемами эксперты видят: системную разорванность между наукой и промышленностью, неэффективность или неопределенность результатов разработанных правительством инструментов, отсутствие стратегического планирования и измеримых целей, ведомственную разобщенность и отсутствие координации, дисбаланс между краткосрочной эффективностью и долгосрочными инвестициями, недостаток доверия бизнеса к науке. Это те зоны, которые необходимо исправить нашей стране для ускорения экономического роста и достижения ТС.

Также авторами был выполнен семантический анализ ответов экспертов (рис. 3), который подтвердил основные проблемы, выявленные на предыдущем этапе: разрыв науки и промышленности; недостаточно продуманная стратегия; недостаток доверия между бизнесом, наукой и государством; краткосрочная ориентация бизнеса, делающая невозможной реализацию сложных и рискованных инновационных инструментов. Все это в конечном итоге приводит к сложностям достижения ТС на современном этапе.

Таблица 4
Систематизация упомянутых экспертами инструментов обеспечения ТС и оценка их работы

Категория инструментов	Конкретные инструменты	Частота упоминания	Преимущества / Положительные оценки (+)	Недостатки / Критика (–)
Гранты и конкурсное финансирование	Гранты РНФ, РФРИИТ, Минпромторга, Фонда содействия инновациям, «Сколково», мегагранты	10	Помогают старту проектов, закупке оборудования	Нет прямой связи с обеспечением ТС; «деньги на поддержание штанов»; риск «утечки мозгов»; результаты довольно слабые
Институты развития и госпрограммы	Научно-образовательные центры (НОЦ), переносимые инженерные школы (ПИШ), национальные проекты («Приоритет 2030»), госпрограмма научно-технологического развития (ГНТР)	9	Полезно для взаимодействия вузов и компаний; региональное развитие (НОЦ)	Рано оценивать эффективность; воспринимаются как «игрушка»; бюрократия; отсутствие реального внедрения результатов
Прямая господдержка и льготы	Постановление 109 ⁶ (поддержка в обмен на обещание продавать), СПИК (стимулирование инвестиций), льготные кредиты (ФРП), налоговые льготы, акционерное финансирование	8	Хороший инструмент для компаний; сильный импульс для развития; необходимо для долгосрочных проектов	Межведомственные разрывы (Минобрнауки/Минпромторг); затухание после первоначального импульса; кредиты недоступны для ИТ
Инфраструктура и центры	Центры коллективного пользования (ЦКП), уникальные научные установки (УНУ), инжиниринговые центры, ИЦК (индустриальные центры компетенций), Research-центры	6	ЦКП работали лучше мегагрантов; правильное направление (Megascience)	Отсутствие полного цикла (от «пробирки» до технологии); разорванность между наукой и производством
Законодательные инструменты	Постановление 603 (критические технологии) ⁷ , Закон о технологическом суверенитете ⁸ , Стратегия ИТР ⁹ , реестры проектов ТС ¹⁰ , патентов	5	Важно для определения направлений развития ТС	Не делаются глубокие прогнозы; в стратегиях нет цифр и четких критериев

Источник: составлено авторами.

⁶ Речь идет о Постановлении Правительства Российской Федерации от 17.02.2016 г. № 109 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий российским организациям на финансовое обеспечение части затрат на создание научно-технического задела по разработке базовых технологий производства приоритетных электронных компонентов и радиоэлектронной аппаратуры». <http://government.ru/docs/all/105524/> (дата обращения: 11.09.2026).

⁷ Речь в ответах экспертов идет о Постановлении Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации, о предоставлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации». <http://government.ru/docs/all/147043/> (дата обращения: 11.09.2026).

⁸ Речь идет о Федеральном законе от 28.12.2024 N 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». <http://government.ru/docs/all/157041/> (дата обращения: 11.09.2026).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 10.09.2026).

¹⁰ Реестры проектов ТС определены вышеупомянутым Постановлением Правительства РФ № 603 от 15.04.2023 г. Функция ведения реестра возложена на Внешэкономбанк согласно Приказу Минэкономразвития РФ от 16 января 2026 г. № 15. <https://web.ru/tekhnologicheskij-suverenitet/?ysclid=nty7umga6r264705871> (дата обращения: 11.09.2026).

Таблица 5
Сводный анализ проблем обеспечения ТС (на основе ответов 19 экспертов)

Проблема	Частота упоминания	Ключевой вывод	Характерные цитаты экспертов
Системный разрыв между наукой и промышленностью	8 из 19	Одна из главных проблем. Инструменты не обеспечивают полный инновационный цикл, создавая «долину смерти» для разработок при попытке внедрения	«Существует разрыванность между наукой и производством, в институциональном плане ни один документ этого не затрагивает»; «Результаты интеллектуальной деятельности создаются, но нет их внедрения, потому что нет механизмов управления результатами интеллектуальной деятельности»; «Если мы берем пример лучших практик, то все ведущие разработчики капитализаторов в мире имеют огромные Research-центры, они имеют все стадии разработки, начиная от прототипа и заканчивая собственно промышленной технологией, и не все промежуточные стадии у нас есть»
Неэффективность или неопределенность результатов разработанных инструментов	11 из 19	Большинство институтов развития (НОЦ, ПИШ, мегагранты) воспринимаются как «игрушки» или бюрократические имиджевые проекты с неясными результатами	«Ни один из инструментов не дал результатов, кроме каких-то парадных заседаний, отчетов, и пафосных людей, которые получают награды»; «Из инструментов: ПИШ и НОЦы рано оценивать. При внедрении большого и затратного инструмента нужно время, чтобы оценить их эффективность»; «По НОЦ и ПИШ есть скепсис и отношение как к игрушке»
Отсутствие стратегического планирования и измеримых целей	5 из 19	Критические технологии определяются без глубокого анализа и прогноза, разработанные стратегии не содержат конкретных KPI, что позволяет отчитываться общими словами вместо результатов	«603-е постановление, перечень критических и сквозных технологий не ведется на основе глубоких прогнозных разработок. Последний прогноз был сделан в 2013 году, и он ориентировался на ключевые международные тенденции»; «Прежние инновационные стратегии было легко мониторить, потому что они содержали цифры. Нынешняя стратегия их не содержит. Разработчикам важнее процесс, чем результат. Непонятно, какие критерии достижения результатов в ней заложены»
Ведомственная разобщенность и отсутствие координации	4 из 19	Минобрнауки и Минпромторг разбегаются в своих зонах, создавая непреодолимые барьеры для внедрения инновационных идей	«Инновационная деятельность у нас традиционно разбита между двумя основными ведомствами – Минобрнауки и Минпромторг, и это создает определенные проблемы»; «Министерства уже привыкли, что у них четко мандат разделен. Если дело про внедрение – то в Минпромторг идите, а если дело про науку, то в Минобрнауки»
Дисбаланс между краткосрочной эффективностью и долгосрочными инвестициями	6 из 19	Бизнес не готов к долгосрочным и рискованным вложениям в НИОКР, а государственные инструменты не компенсируют возможный провал инноваций в полной мере	«Пока есть высокие цены на нефть, все перетекает туда и есть возможность получения быстрой прибыли»; «Очень много позиций, которые на самом деле мы адекватно в России заменить не можем. И мы все время топчемся на месте, потому что опять звучит только одно: экономическая эффективность бизнеса в текущем периоде»; «Инвестиции очень большие, потому что если мы берем пример лучших практик, то все ведущие разработчики капитализаторов в мире имеют огромные Research-центры... и все промежуточные стадии. Если мы берем, например, область капитализаторов у нас в стране, то выяснится, что мы по многим процессам половину таких стадий просто не имеем»
Недостаток доверия бизнеса к науке	3 из 19	Компании не доверяют отечественным научным разработкам, предпочитая импортные или готовые решения	«Надо, чтобы компании наши относились с большим доверием к науке. Пока этого нет, не знаю почему»

Источник: составлено авторами.

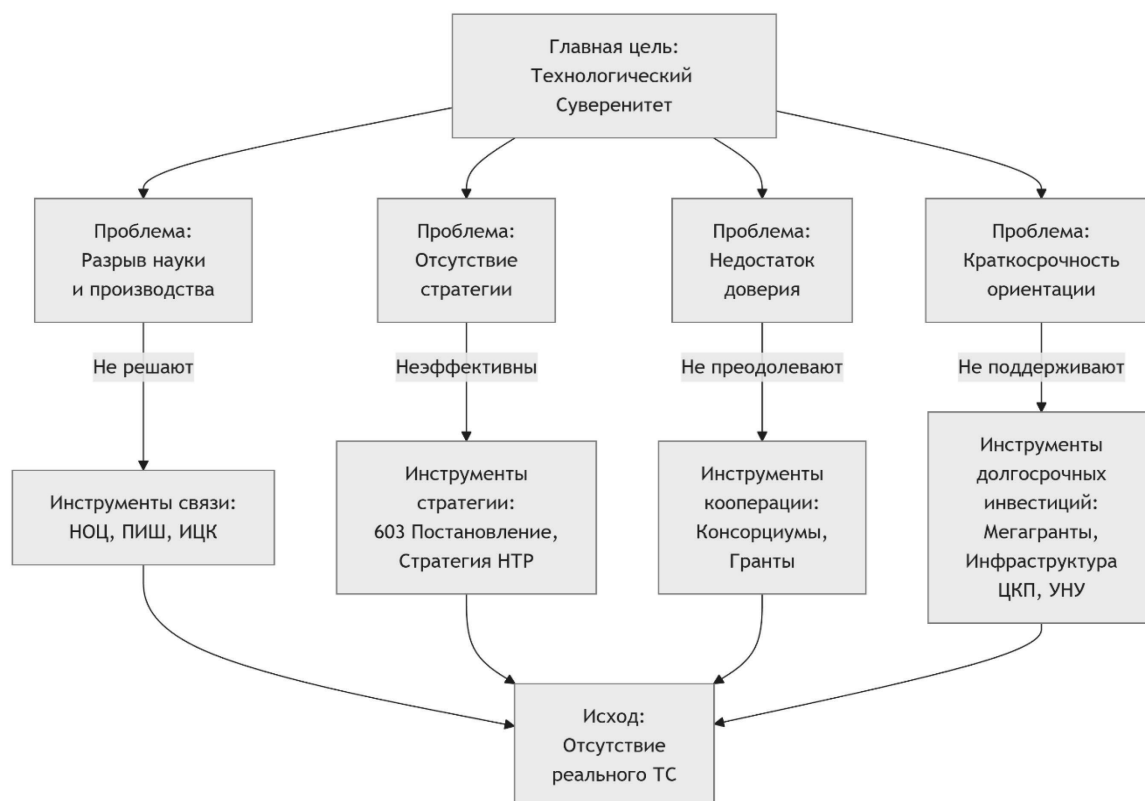

Рис. 3. Семантический анализ ответов экспертов при ответе на вопрос о проблемах достижения ТС
 Источник: составлено авторами.

Выводы, которые можно сделать на основе анализа ответов экспертов.

- Имеющиеся инструменты поддержки инноваций хорошо работают только на этапе разработки, а дальше из-за системной разобщенности министерств и инструментов поддержки разработанные инновации тяжело внедрить.
- По мнению экспертов, в настоящее время отсутствует стратегическое планирование и правильная постановка измеримых целей для реализуемых проектов, что позволяет недобросовестным исполнителям отчитываться только освоением средств, а не значимыми для общества результатами.
- Государственные программы плохо поддерживают проекты, связанные с внедрением полученных инноваций. Бизнес заинтересован в большей поддержке и возможности компенсации возникающих потерь.
- Бизнес испытывает недоверие к науке, предпочитая краткосрочные эффективные проекты, стараясь закупать недостающее оборудование или запчасти за рубежом.

Заключение

По результатам опроса экспертов можно увидеть главную проблему, препятствующую достижению ТС: несогласованность как инструментов поддержки между собой, так и между наукой и бизнесом, в том числе вследствие сохраняющегося недоверия к отечественным научным разработкам. Мнение экспертов, как видно из представленных таблиц, явно отличается от официальной позиции членов Правительства РФ, которые высказываются в нормативно-риторическом стиле. Налицо акцент в позиции академических экспертов на обсуждении вопросов экономической политики обеспечения ТС, в том числе смыслов, закладываемых в программы технологического развития. Представленный в табл. 4 и 5 анализ опыта применения инструментов и проблем обеспечения ТС демонстрирует ключевые сложности в реализации политики обеспечения ТС, в

частности отсутствие бесшовности при внедрении фундаментальных инноваций; недостаточное целеполагание и прозрачность результатов деятельности субъектов, обеспечивающих ТС; недостаток доверия субъектов и сохраняющийся краткосрочный горизонт планирования субъектов. В этих условиях кооперация со странами БРИКС, к которой в целом позитивно относятся как на официальном, так и на экспертном уровне, не может являться панацеей, сопровождается дополнительными издержками и требует «тонкой настройки» институциональных механизмов.

Отдельно стоит остановиться на ограничениях исследования. В рамках статьи вследствие ограниченности объема не было возможности представить нормативные рекомендации в сфере совершенствования политики обеспечения ТС – это является задачей дальнейшего исследования. Также важно показать, как риторические стратегии способны трансформировать предпочтения экономических агентов и ускорять переход к новым моделям экономического порядка. Этому может способствовать проведение полноценного стейкхолдерского анализа, который позволит перейти от анализа нарративов (сфера смыслов и риторики) к определению позиций стейкхолдеров, обладающих соответствующими ресурсами, полномочиями и ответственностью. Частично такой анализ был дан в прежних работах авторов (Капогузов, Шерешева, 2024, Капогузов, Поспелов, 2025), однако для более глубокой интерпретации полученных результатов, представленных в данной статье, целесообразно в дальнейшем акцентировать внимание на нормативных рекомендациях по совершенствованию политики обеспечения технологического суверенитета.

Литература / References

- Афонцев С.А. (2024). Теоретическое измерение экономического суверенитета. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 218–224. [Afontsev, S. (2024). The theoretical dimension of economic sovereignty. *Journal of the New Economic Association* (3), 218–224 (in Russian)]. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_218-224
- Гареев Т.Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus* 21(4), 38–54. [Gareev, T. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradictions to practical implementation. *Terra Economicus* 21(4), 38–54 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21- 4-38-54
- Дежина И.Г. (2023). Теоретические основы и практические шаги по обеспечению технологического суверенитета в России. *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов* (9), 92–102. [Dezhina, I. (2023). Theoretical foundations and practical steps to ensure technological sovereignty in Russia. *Problems of the Scientist's and Research Teams' Activities* (9), 92–102 (in Russian)]. DOI: 10.24412/2414-9241-2023-9-92-102
- Дементьев В.Е. (2024). Технологический суверенитет и экономические интересы. *Журнал институциональных исследований* 16(3), 6–18. [Dementiev, V. (2024). Technological sovereignty and economic interests. *Journal of Institutional Studies* 16(3), 6–18 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.3.006-018
- Капогузов Е.А., Пахалов А.М. (2024). Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 244–250. [Kapoguzov, E., Pakhalov, A. (2024). Technological sovereignty: Conceptual approaches and perceptions by the Russian academic experts. *Journal of the New Economic Association* (3), 244–250 (in Russian)]. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_244-250
- Капогузов Е.А., Шерешева М.Ю. (2024). От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного анализа. *Terra Economicus* 22(3), 128–142. [Kapoguzov, E., Sheresheva, M. (2024). From import substitution to technological sovereignty: Related discourse and a narrative analysis perspective. *Terra Economicus* 22(3), 128–142 (in Russian)]. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142
- Капогузов Е.А., Пахалов А.М., Шерешева М.Ю. (2024). Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса). *Социологические исследования* (12), 24–37. [Kapoguzov, E., Pakhalov, A., Sheresheva, M. (2024). Russian discourses on technological

- sovereignty (Based on an expert survey). *Sociological Studies* (12), 24–37 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S0132162524120037
- Капогузов Е.А., Поспелов Р.А. (2025). Структурные альтернативы обеспечения технологического суверенитета: кейс отраслевого рынка катализаторов нефтепереработки. *Журнал институциональных исследований* 17(3), 84–100. [Kapoguzov, E., Pospelov, R. (2025). Structural alternatives to ensuring technological sovereignty: The case of the oil refining catalyst industry market. *Journal of Institutional Studies* 17(3), 84–100 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.3.084-100
- Левин С.Н., Саблин К.С. (2024). Методологические и теоретические подходы к изучению взаимосвязи политики и экономики. *Журнал институциональных исследований* 16(4), 24–41. [Levin, S., Sablin, K. (2024). Methodological and theoretical approaches to the study of relationship between politics and economics. *Journal of Institutional Studies* 16(4), 24–41 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.024-041
- Ленчук Е.Б. (2024). Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 232–237. [Lenchuk, E. (2024). Technological sovereignty – A new trend in Russian scientific and technological policy. *Journal of the New Economic Association* (3), 232–237 (in Russian)]. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237
- Мельник Д.В., Ананьин О.И. (2023). Дискурс о собственности в советской политэкономии. *Вопросы экономики* (10), 27–52. [Melnik, D., Ananyin, O. (2023). The discourse on ownership in the Soviet political economy. *Voprosy Ekonomiki* (10), 27–52 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-27-52
- Юревич М.А. (2023). Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения. *Вопросы теоретической экономики* (4), 7–21. [Yurevich, M. (2023). Technological sovereignty of Russia: Concept, measurement, and possibility of achievement. *Issues of Economic Theory* (4), 7–21 (in Russian)]. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21
- Юрчак А.В. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО. [Yurchak, A. (2014). *It Was Forever Until It Ended. The Last Soviet Generation*. Moscow: NLO Publ. (in Russian)].
- Duerringer, C. (2018). Research in the rhetoric of economics: A critical review. *Review of Communication* 18(4), 284–300. DOI: 10.1080/15358593.2018.1465198
- Edler, J., Blind, K., Kroll, H., Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy* 52(6), 104765. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765
- Glynn, M. (2024). *Entrepreneurial rhetoric for institutional transformation: The logics of “Reinventing government” in the United States (1993–2000)*. Doctoral dissertation. Boston College.
- Helmke, G., Levitsky, S. (2004). Informal institutions and comparative politics: A research agenda. *Perspectives on Politics* (2), 725–740. DOI: 10.1017/S1537592704040472
- Li, Y., Green, S., Hirsch, P. (2018). Rhetoric and authority in a polarized transition: The case of China's stock market. *Journal of Management Inquiry* 27(1), 69–95. DOI: 10.1177/1056492616682620
- March, C., Schieferdecker, I. (2023). Technological sovereignty as ability, not autarky. *International Studies Review* 25(2), viad012. DOI: 10.1093/isr/viad012
- McCloskey, D. (1983). The rhetoric of economics. *Journal of Economic Literature* XXI(June), 481–517.
- Osborne, D., Gaebler, T. (1992). *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector*. Reading: Addison-Wesley.
- Sattiraju, V., Janodia, M. (2024). Analysis of science, technology and innovation (STI) policies of India from 1958 to 2020. *Journal of Science and Technology Policy Management* 15(6), 1691–1708. DOI: 10.1108/JSTPM-02-2022-0030
- Sokolov, A., Shashnov, S., Kotsemir, M., Grebenyuk, A. (2019). Quantitative analysis for a better-focused international STI collaboration policy: A case of BRICS. *Technological Forecasting and Social Change* 147(C), 221–242. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.07.008

Приложения

Приложение 1

Расшифровка данных, формирующих рис. 1

Для анализа динамики употребления заданной фразы в сообщениях *Telegram*-канала был разработан скрипт на языке *Python*. Скрипт выполняет автоматизированную выгрузку истории сообщений указанного канала через *API Telegram* с использованием библиотеки *Telethon*. Получение данных осуществляется порциями фиксированного размера с паузами между запросами для снижения нагрузки и уменьшения вероятности ограничения по частоте запросов; также предусмотрен верхний предел на количество загружаемых сообщений как защитный механизм. После загрузки текст каждого сообщения нормализуется (приведение к нижнему регистру, замена переводов строк пробелами). Затем выполняется поиск целевого выражения с помощью регулярного выражения, допускающего вариативность формы слова (например, различные окончания прилагательного в составе фразы). Для каждого найденного совпадения определяется дата публикации сообщения, и результаты агрегируются по месяцам (формат *YYYY-MM*) путем суммирования числа вхождений. На выходе формируется таблица помесечных значений (месяц – количество упоминаний), которая сохраняется в формате *CSV*, а также строится столбчатая диаграмма распределения упоминаний по времени, сохраняемая в графический файл (*PNG*). Скрипт дополнительно выводит сводные показатели: общее число найденных упоминаний, число сообщений, содержащих хотя бы одно упоминание, и общее число проанализированных сообщений.

Приложение 2

Список интервью, по которым был проведен анализ:

1. Duma TV (2022, 27 июня). Фальков назвал ключевые принципы новой национальной системы высшего образования [расшифровка видео]. <https://dumatv.ru/news/falkov-nazval-klyuchevie-printsipi-novoi-natsionalnoi-sistemi-visshego-obrazovaniya>
2. e-CIS.info (2024, 28 августа). Промышленная кооперация – приоритетный вектор партнерства участников БРИКС. <https://e-cis.info/news/566/120614/>
3. IT Russia (2025, 9 июня). Российские цифровые госуслуги: модель для экспорта. <https://itrussia.media/ru/article/rossiyskie-tsifrovye-gosuslugi-model-dlya-eksporta>
4. News.mail.ru (2024, 30 августа). Министр промышленности и торговли РФ Антон Алиханов оценил мощности предприятий Самарской области. <https://news.mail.ru/politics/62781831/?from=swap&swap=2>
5. ScienceID (2023, 17 февраля). Достижение технологического суверенитета с помощью науки. <https://scienceid.net/news/view?id=321>
6. VK Видео (2023). Денис Мантуров: Технологический суверенитет России для построения равных возможностей. https://vk.com/video-135454514_456247087
7. Алиханов, А. (2025, 20 июня). Глава Минпромторга Алиханов: российские предприятия ярко проявили себя в сложных условиях. ТАСС. <https://tass.ru/interviews/24277529>
8. Ведомости (2022, 27 июня). Валерий Фальков призвал к технологическому суверенитету российского образования. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/27/928628-falkov-prizval-k-suverenitetu>
9. Интерфакс (2025, 2 июня). На международное научное сотрудничество России предусмотрено 40 млрд рублей ежегодно. <https://www.interfax.ru/russia/1029064>
10. Интерфакс (2022, 15 августа). Денис Мантуров: тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет. <https://www.interfax.ru/russia/856544>
11. Мантуров, Д. (а) (2022, 15 августа). Тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет. Finmarket.ru. <https://www.finmarket.ru/interview/?id=5779938> (Дата обращения 20.03.2026)
12. Мантуров, Д. (б) (2022, 15 июля). Выступление на внеочередном заседании Государственной Думы. <https://www.rbc.ru/economics/15/07/2022/62d13a1f9a79476ad8ac4709>
13. Мантуров, Д. (2025, 25 декабря). Денис Мантуров: «Мы будем уникальной страной, где для самолетов выпускаются все элементы». Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2025/12/25/1166203-denis-manturov-mi-budem-unikalnoi-stranoi>

14. Минпромторг России (2023, 30 августа). Министр промышленности и торговли РФ Антон Алиханов оценил мощности предприятий Самарской области [Пресс-релиз]. http://www.srso.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2303:2024-09-02-08-35-47&catid=1:2010-11-17-14-10-56
15. Независимая газета (2022, 28 июня). Технологический суверенитет России обеспечивать пока никому. https://www.ng.ru/economics/2022-06-28/1_8472_sovereignty.html
16. НТВ (2023, 12 апреля). Денис Мантуров выступил на «правчасе» в рамках заседания Совета Федерации [Видео]. <https://www.ntv.ru/novosti/2796710/>
17. Объясняем.рф (2023, 3 октября). Дмитрий Чернышенко: мегапроекты технологического суверенитета должны быть обеспечены необходимыми кадрами и технологиями. <https://объясняем.рф/articles/news/dmitriy-chernyshenko-megaproekty-tekhnologicheskogo-suvereniteta-dolzhny-byt-obespecheny-neobkhodimyy>
18. Парламентская газета (2023, 12 апреля). Мантуров рассказал, как Россия идет к технологическому суверенитету. <https://www.pnp.ru/economics/manturov-rasskazal-kak-rossiya-idet-k-tekhnologicheskemu-suverenitetu.html>
19. Правительство Калининградской области (2023, 17 июня). Совершенно новый уровень промышленного производства: Антон Алиханов рассказал на ПМЭФ о проекте калининградской гигафабрики. <https://gov39.ru/press/333042/>
20. Правительство Калининградской области (2023, 17 июня). Совершенно новый уровень промышленного производства: Антон Алиханов рассказал на ПМЭФ о проекте калининградской гигафабрики. <https://gov39.ru/press/333042/>
21. Правительство России (2022, 23 августа). Дмитрий Чернышенко: В России к декабрю появится новый институт заместителей руководителей по научно-технологическому развитию. <http://government.ru/news/46316/>
22. Правительство Российской Федерации (2022, 23 августа). Дмитрий Чернышенко: В России к декабрю появится новый институт заместителей руководителей по научно-технологическому развитию. <http://government.ru/news/46316/>
23. Правительство Российской Федерации (2023, 12 апреля). Денис Мантуров рассказал сенаторам о развитии промышленности и обеспечении технологического суверенитета. <http://government.ru/news/48226/>
24. РБК (2022). Денис Мантуров: Технологический суверенитет России для построения равных возможностей [расшифровка видео]. https://vk.com/video-135454514_456247087
25. РБК (2022, 15 июля). Мантуров анонсировал уход от рыночной промышленной политики. <https://www.rbc.ru/economics/15/07/2022/62d13a1f9a79476ad8ac4709>
26. РБК (2022, 17 июня). Чернышенко о технологическом суверенитете, IT-индустрии и безопасности [расшифровка видео]. <https://tv.rbc.ru/archive/pmef/62accf9e2ae596662ee130f4>
27. РИА Новости (2022, 27 июня). Фальков назвал принципы построения новой системы российского образования. <https://ria.ru/20220627/obrazovanie-1798406479.html>
28. Росконгресс (2023). Андрей Белоусов: цитаты. <https://roscongress.org/speakers/belousov-andrey/quotes/>
29. Российская газета (2023, 14 июня). Денис Мантуров: Мы обеспечим наш технологический суверенитет по критическим технологиям. <https://rg.ru/2023/06/14/perejdem-k-detaliu.html>
30. Сергеев, М. (2022, 28 июня). Технологический суверенитет России обеспечивать пока никому. Независимая газета. https://www.ng.ru/economics/2022-06-28/1_8472_sovereignty.html
31. Самарина, Л. (2022, 15 июня). Белоусов: суверенитет означает способность страны и общества достигать национальных целей. ТАСС. <https://tass.ru/interviews/14919307> (Дата обращения 20.03.2026)
32. Совет Федерации (2023, 12 апреля). Д. Мантуров представил доклад о развитии промышленности и обеспечении технологического суверенитета РФ. <http://council.gov.ru/events/news/144128/>
33. ТАСС (2024, 10 июня). Алиханов: РФ сможет развиваться в некоторых отраслях автопрома быстрее, чем остальной мир. <https://tass.ru/ekonomika/21058211> (Дата обращения 20.03.2026)
34. ТАСС (2024, 16 августа). Алиханов предложил обсудить партнерство в двигателестроении со странами БРИКС. <https://tass.ru/ekonomika/21617981>
35. ТАСС (2023, 10 июня). Алиханов: РФ сможет развиваться в некоторых отраслях автопрома быстрее, чем остальной мир. <https://tass.ru/ekonomika/21058211>

36. ТАСС (2023, 27 ноября). Чернышенко: задачу достижения технологического суверенитета предстоит решать в регионах. <https://tass.ru/ekonomika/19392009>
37. ТАСС (2022, 23 августа). Чернышенко: задачу достижения технологического суверенитета предстоит решать в регионах. <https://tass.ru/ekonomika/19392009>
38. Фальков, В. (2022, 27 июня). Валерий Фальков призвал к технологическому суверенитету российского образования. Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/27/928628-falkov-prizval-k-suverenitetu>

Таблица 1

**Представители Правительства РФ, чьи интервью были собраны для анализа трактовки
и инструментов достижения технологического суверенитета**

ФИО	Должность	Ключевые курируемые проекты / сферы ответственности (кратко)
Алиханов Антон Андреевич	Министр промышленности и торговли Российской Федерации	• Развитие промышленности и торговли • Локализация производств • Поддержка малого и среднего предпринимательства в промышленности • Реализация мер по адаптации экономики
Белоусов Андрей Рэмович	Министр обороны Российской Федерации (до 07.05.2024 – первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации) ¹¹	• Макроэкономическая политика и стратегическое планирование • Цифровая трансформация экономики • Научно-технологическое развитие • Реализация национальных целей развития • Цифровизация госуправления
Мантуров Денис Валентинович	Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации	• Гражданская промышленность (авто-, авиа-, судостроение, станкостроение) • Оборонно-промышленный комплекс • Технологический суверенитет и импортозамещение • Космическая деятельность • Обеспечение государственной безопасности • Международная кооперация и экспорт • Промышленная ипотека • Национальные проекты в промышленности
Фальков Валерий Николаевич	Министр науки и высшего образования Российской Федерации	• Высшее образование • Федеральные проекты «Передовые инженерные школы», «Приоритет 2030» • Создание кампусов мирового уровня • Международное научное сотрудничество
Чернышенко Дмитрий Николаевич	Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации	• Цифровая экономика и связь • Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»; «Развитие образования»; «Развитие туризма»; «Развитие физической культуры и спорта»; • Национальный проект «Молодежь и дети»; «Туризм и гостеприимство»

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Трактовка технологического суверенитета членами российского Правительства

ФИО	Как понимается технологический суверенитет	Подкрепляющие цитаты (реальные высказывания)
Алиханов А.А.	Суверенитет – это не просто независимость, а создание конкурентоспособной, инновационной продукции, которая соответствует или опережает мировые тенденции. Это основа для будущего технологического лидерства России в мире	«Мы здесь полностью находимся в тренде мировых тенденций... Думаю, что с учетом инновационного подхода... мы, в принципе, будем даже где-то быстрее идти, чем мир в целом» (ТАСС, 2024)
Белоусов А.Р.	Суверенитет – это глубинная структурная перестройка всей экономики, переход от сырьевой зависимости к технологически ориентированной модели. Это вопрос национального выживания и устойчивости, требующий опережающего развития и перераспределения ресурсов через государственное планирование и инвестиции	«Суверенитет не означает полную независимость. Суверенитет означает способность страны и общества достигать национальных целей» (Самарина, 2022)

¹¹ Авторами анализировались высказывания А.Р. Белоусова только в период до 07.05.2024.

Мантуров Д.В.	Суверенитет – это способность производить критически важную продукцию и технологии самостоятельно, особенно в базовых отраслях, чтобы обеспечить национальную безопасность и независимость от иностранных поставок. Это не тотальный отказ от рынка, но активная роль государства в управлении отраслями и проектами, где это необходимо	<i>«Направления, приоритетные для обеспечения технологического суверенитета... затрагивают различные аспекты национальной безопасности. Но... никакого тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет. Государство будет подключаться к управлению отраслями и проектами именно в той мере, в которой это необходимо» (Мантуров, 2022)</i>
Чернышенко Д.Н.	Суверенитет – это комплексная государственная задача, достигаемая через создание новых управленческих институтов, централизованное стратегическое планирование (матрица науки, мегапроекты) и консолидацию усилий власти, науки и бизнеса. Это вопрос национальной безопасности и развития	<i>«Разработана матрица науки, которая описывает государственный технологический заказ, когда ставятся конкретные задачи для достижения технологического суверенитета, а на выходе получается конкретный продукт». «Достижение технологического суверенитета возможно только через консолидацию усилий Правительства, науки и бизнеса» (Правительство России, 2022)</i>
Фальков В.Н.	Суверенитет — это, прежде всего, результат работы национальной системы образования и науки. Это «работа на опережение», подготовка кадров и создание разработок, которые обеспечат независимость в будущем.	<i>«[Необходима] направленность всей системы образования России на развитие в первую очередь интересов страны... В основе национальной системы [образования] должна быть нацеленность на решение актуальных задач. В первую очередь это обеспечение технологического суверенитета» (Фальков, 2022)</i>

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Высказывания чиновников в пользу кооперации или автаркии

Госслужащий	Аргументы в пользу достижения ТС через КООПЕРАЦИЮ	Аргументы в пользу достижения ТС через АВТАРКИЮ
Чернышенко Д.Н.	• Консолидация усилий: «Достижение технологического суверенитета возможно только через консолидацию усилий Правительства, науки и бизнеса». • Привлечение партнеров: «Мы приглашаем все дружественные страны стать полноценными партнерами и пользователями [научной] инфраструктуры». • Связующее звено: Замы по НТР должны стать «связующим звеном между представителями бизнеса... вузами и научными организациями»	• Вертикаль управления: Создание института заместителей министров по НТР («научный спецназ») для централизованного контроля. • Госзаказ и планирование: Разработка «матрицы науки» и «государственного технологического заказа», где цели и продукты задаются сверху. • Цифровой контроль: Создание единой платформы «ГосТех» для сквозного контроля и управления научными госзаданиями
Мантуров Д.В.	• Поиск альтернатив: «Параллельно Минпромторг продолжит перестройку и создание альтернативных логистических каналов, в том числе с прицелом на новые внешние рынки». • Тактический импорт: «На коротком треке... стараемся как можно скорее закрыть потребности в оборудовании и комплектующих там, где российское производство... не способно оперативно удовлетворить внутренний спрос»	• Отказ от рыночной модели: Прямой поворот от абсолютно рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета. • Протекционизм: «В интересах наших производителей нужно консолидировать спрос, постепенно вытесняя импортную технику»
Фальков В.Н.	• Академическая открытость: «Совершенствование нашего образования не направлено на его самоизоляцию. Напротив, мы расширяли и будем расширять образовательное, научное сотрудничество». • Международные связи: Участие в программе мегагрантов ученых из Европы и Китая. «Мы продолжаем активно развивать научные связи с учеными из любой точки мира». • Гибкость под запрос: Необходимость гибкости образовательных программ, в т.ч. под запрос экономики и работодателей — форма кооперации с реальным сектором	• Суверенитет образования: Ключевая тема – создание собственной, национальной системы образования вместо Болонской. Это акт академической автократии. • Национальные цели: «Направленность всей системы образования России на развитие в первую очередь интересов страны». • Воспитание патриотизма: «Университеты должны формировать у молодежи уважение к истории родной страны...» – идеологический компонент, укрепляющий суверенную модель

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Инструменты обеспечения технологического суверенитета

Инструмент	Суть инструмента	Плюсы (как видят чиновники)	Минусы / Проблемы
1. Промышленная ипотека (Мантуров Д.В., Чернышенко Д.Н.)	Льготное кредитование для бизнеса на приобретение, строительство или модернизацию готовых производственных площадок	- Быстрое увеличение производственных мощностей. - Поддержка бизнеса в регионах. - Стимул для обновления основных фондов	- Высокая закредитованность бизнеса. - Бюрократия при получении. - Не решает проблему с кадрами и спросом на готовую продукцию
2. Специнвестконтракты (СПИК) и Кластерная инвестиционная платформа (КИП) (Мантуров Д.В., Чернышенко Д.Н.)	Соглашение между государством и инвестором: инвестор реализует проект, государство предоставляет льготы и господдержку	- Привлечение крупных частных инвестиций в приоритетные отрасли. - Долгосрочное партнерство государства и бизнеса. - Создание целых производственных кластеров	- Сложность и длительность согласования условий. - Риск «проедания» льгот без создания конкурентоспособного продукта. - Подходит в основном для крупных игроков
3. Параллельный импорт (Мантуров Д.В., Алиханов А.А.)	Легализация ввоза товаров без согласия правообладателя для замещения ушедших брендов	- Позволил быстро насытить рынок и избежать коллапса («костыль, который не дал упасть»). - Сохранение занятости и уровня сервиса	- Не стимулирует собственное производство, а консервирует зависимость от импорта. - Риск низкого качества и «серого» рынка. - Сложности с гарантией и обновлением ПО
4. Передовые инженерные школы (ПИШ) (Фальков В.Н., Чернышенко Д.Н.)	Создание на базе вузов школ, тесно связанных с индустрией, для подготовки инженеров новой формации	- Подготовка кадров «под ключ» для высокотехнологичных компаний. - Внедрение в образование самых современных технологий. - Связка «вуз – предприятие»	- Долгосрочный проект – результаты будут видны через 5–10 лет. - Риск формального подхода и бюрократизации. - Узкая специализация выпускников, которые могут не найти работу вне своего кластера
5. Программа «Приоритет 2030» (Фальков В.Н., Чернышенко Д.Н.)	Программа стратегического развития университетов, направленная на их интеграцию в экономику и науку регионов	- Стимулирование вузов к развитию и коммерциализации разработок. - Поддержка научных исследований. - Развитие регионов через университеты	- Распределение средств между многими вузами. - Бумажная нагрузка и «отчетная гонка» вместо реальных изменений. - Риск, что вузы будут «подстраиваться» под критерии программы, а не под реальные нужды экономики
6. Импортозамещение промышленного ПО и создание промышленных центров компетенций (ИЦК) (Чернышенко Д.Н., Мантуров Д.В.)	Стимулирование разработки и внедрения отечественного софта (САПР, CAD/CAM) через создание специализированных центров	- Снижение зависимости от недружественных юрисдикций. - Развитие собственной IT-индустрии. - Повышение кибербезопасности	- Низкое качество и функциональность многих российских аналогов. - Сопrotивление бизнеса: дорого и долго переучивать персонал и перестраивать процессы («пиратство» зарубежного ПО). - Проблема совместимости и отсутствие единых стандартов
7. «Ручное управление» и создание вертикали (Институт замминистров по НТР) (Чернышенко Д.Н.)	Назначение в министерствах ответственных за НТР для ускорения принятия решений и координации между ведомствами	- Повышение скорости и эффективности управления. - Преодоление межведомственных барьеров. - Концентрация ресурсов на приоритетах	- Риск излишней централизации и подавления инициативы «снизу». - Дополнительный бюрократический слой. - Успех сильно зависит от личности и компетенций конкретного замминистра
8. Национальные проекты и мегапроекты (Чернышенко Д.Н., Мантуров Д.В.)	Крупные государственные программы и проекты (напр., «Сфера», «Экономика данных» и др.)	- Мобилизация ресурсов на стратегически важные цели. - Создание инфраструктурного задела на будущее. - Стимулирование смежных отраслей (например, металлургии)	- Высокие бюджетные затраты. - Риск неэффективного освоения средств и коррупции. - Длительные сроки реализации, из-за которых технологии могут устареть

9. Переориентация логистики на «дружественные» страны (Мантуров Д.В.)	Развитие транспортных коридоров и кооперационных связей со странами Азии, Ближнего Востока и др.	• Обход санкционных ограничений. • Доступ к новым рынкам сбыта. • Диверсификация рисков	• Удорожание и удлинение логистических цепочек. • Риск новой зависимости (например, от китайских технологий и комплектующих). • Несовместимость стандартов и требований
10. Создание собственной системы стандартизации и сертификации (Мантуров Д.В., Чернышенко Д.Н.)	Отказ от международных стандартов (ISO) и разработка отечественных (например, в нефтегазовом оборудовании, ПО)	• Избавление от дискриминации и зависимости от иностранных институтов. • Снижение затрат производителей на сертификацию	

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Высказывания российских чиновников о роли БРИКС в обеспечении ТС

Чиновник	Роль БРИКС в достижении технологического суверенитета	Подтверждающие цитаты и источники
Белоусов А.Р.	Ключевая платформа для создания независимой от Запада технологической архитектуры. Видит в партнерах по БРИКС основу для формирования новых цепочек сотрудничества, логистических маршрутов и финансовых механизмов	«Мы и наши партнеры в рамках БРИКС... будем активно развивать собственные механизмы международных расчетов», – анонсируя создание альтернатив SWIFT. «Считаем принципиально важным формирование в рамках БРИКС устойчивых, не подверженных внешнему влиянию цепочек кооперации» (Росконгресс, 2023)
Мантуров Д.В.	Новые рынки сбыта и источник «незападных» технологий. БРИКС — это инструмент для переориентации экспорта, логистики и получения доступа к конкурентным технологиям, которые можно адаптировать	«Мы предлагаем наладить совместное производство газотурбинных установок для ТЭКа, а также кооперацию по двигателям для морской, железнодорожной, авиационной и космической техники...» (Выступление на заседании делового совета БРИКС, 2024 г. e-CIS.info, 2024)
Шадаев М.И. (министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций)	БРИКС как место для экспорта российских IT-решений и площадка для разработки совместных стандартов. Считает, что страны БРИКС – это естественный рынок для российского ПО и место, где можно создавать альтернативные цифровые экосистемы	«Мы первые, кто все-таки сделал полностью платформу [государственных услуг], освобожденную от любых закрытых продуктов. В этом смысле наша платформа может спокойно внедряться, не требуется никаких лицензионных отчислений. Поэтому мы обсуждаем в том числе экспорт нашей платформы [государственных услуг] в дружественные страны» (IT Russia, 2025)
Алиханов А.А.	Стратегический полигон для локализации и «обкатки» технологий. Делает акцент на создании совместных производств и переносе технологий в Россию, что напрямую служит целям достижения ТС	«В рамках БРИКС мы обсуждаем не просто товарооборот, а создание совместных предприятий» (ТАСС, 2024)
Чернышенко Д.Н.	Инструмент для формирования «суверенного научно-технологического контура». Видит в БРИКС площадку для интеграции научных и образовательных программ, что создает основу для долгосрочного технологического партнерства, независимого от Запада	«Сегодня в России создается масштабная сеть из семи таких уникальных объектов [установки типа «мегасайнс»]. Рассматриваем их также в качестве точек притяжения для зарубежных специалистов. Так, в рамках инициативы BRICS GRAIN есть договоренности о совместной работе с учеными из стран объединения» (Интерфакс, 2025)

Источник: составлено авторами.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)

2026

Том 24

Номер 3

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Тел.: +7 (863) 218-40-00, 219-97-49 **e-mail:** info@sfedu.ru **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211

Тел.: +7 (863) 250-59-57 **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 8.09.2026. Подписано в печать: 12.09.2026

Выход в свет: 30.09.2026

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Officina Serif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 16.51. Уч.-изд. л. 22,5.

Тираж 28 экз. Заказ № 257. С. 142.

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен ООО «Наука-Спектр»

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140

Тел.: +7 (863) 269-09-71

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.